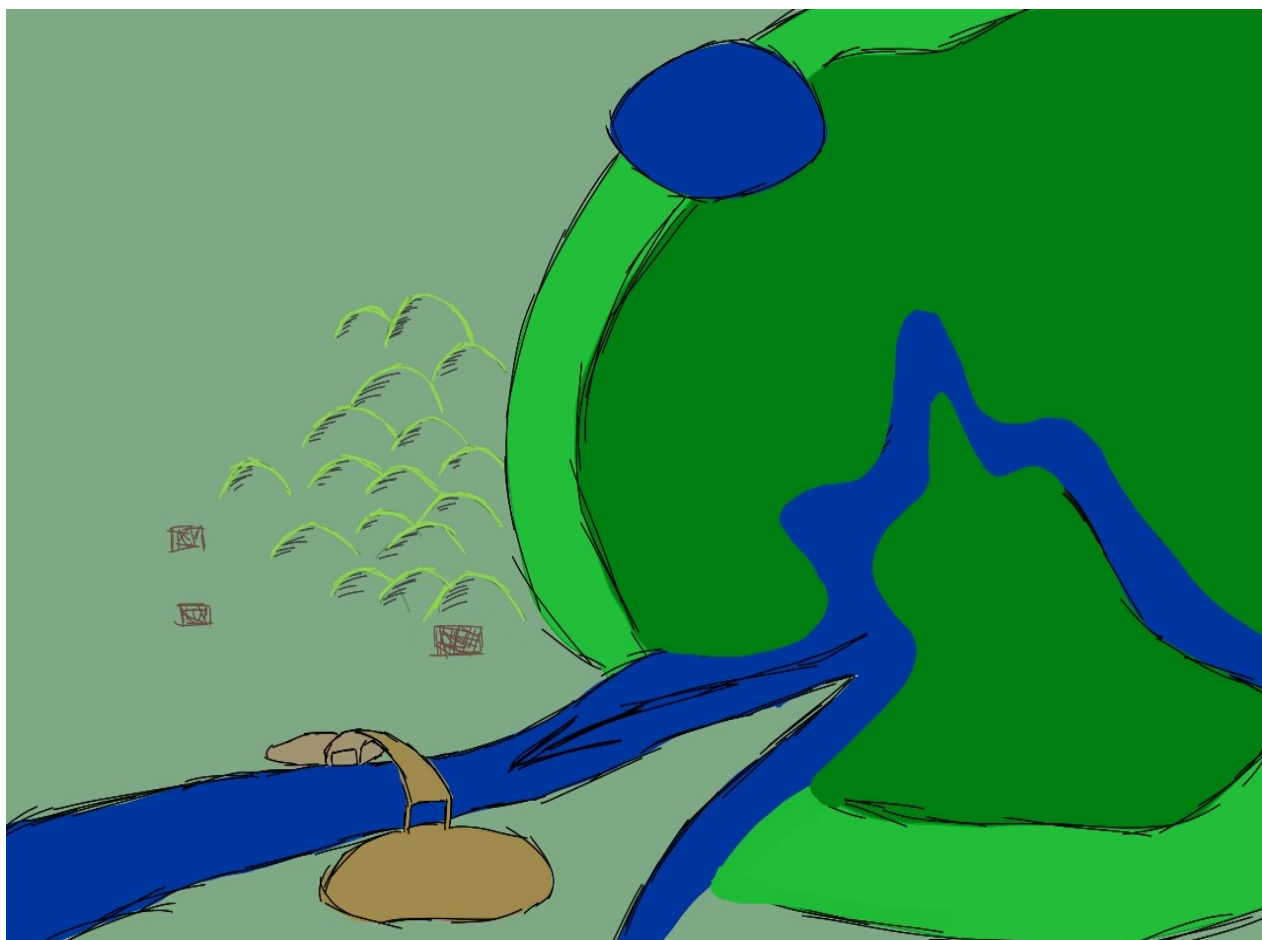




Давным-давно на думанской земле



Глава 1 На земле

Ленвел отдал бы всё на свете, лишь бы не присутствовать на очередном ритуале посвящения в воины. Он был в войске всего два года и успел возненавидеть своё дело до такой степени, что иногда ему не хотелось жить. Но у мальчиков киянских племён было всего два пути – стать воином и обеспечить себе уважение соплеменников и сносную жизнь или остаться в родительском доме, чаще всего с матерью и сёстрами, и владеть жалкое существование, живя в вечном страхе за себя и своих близких. Несколько лет он уступал уговорам матери не оставлять её одну с тремя детьми на руках, но после очередного набега воинов враждующего с ними племени отправился в войско.

Набеги – вот чего опасались в любое время дня и ночи жители мирных деревень. Каждая семья имела любимое, передававшееся из поколения в поколение дело. Это могло быть изготовление глиняной посуды, плетение корзин из осоки или кружев из хитро обработанной паутины, причём секрет этой обработки знали только члены единственной семьи на всю деревню. Киянские умельцы обменивали свои изделия или продукты на разноцветные камешки, хранившиеся в тайниках в любом доме. На них можно было в дальнейшем выменять всё необходимое для жизни. Набеги означали потерю всего: собранного ценой здоровья

урожая и нажитой за годы или сделанной собственными руками утвари. Набеги забирали из домов и камешки, унося с ними последнюю надежду на выживание. Воины защищали свои и дружественные деревни, и потому попасть в войско считалось делом чести и было мечтой почти каждого подросткового киянского мальчишки.

Ленвел знал, каково его матери и сёстрам без мужской помощи – им приходилось заниматься всем от сбора целебных растений до охоты на кузнечиков, а то и на саранчу – опасных тучных тварей, обитавших в траве. Мясо последних было не только сытным, но и необыкновенно вкусным и нежным. В лесу водилась и более доступная пища – лесные ягоды, собирать которые ходили всем миром. Когда наполненные доверху корзины приносили в селение, устраивался настоящий праздник – дудели в дудки из тростника и били в барабаны из натянутых на каркас лепестков ландышей. Пир продолжался до тех пор, пока не съедали последнюю ягоду. Тогда музыкальные инструменты откладывались до следующего похода за большим урожаем.

Конечно, матери и сёстрам помогал младший брат Ленвела. Однако, в отличие от старшего, Кастид не был столь физически крепок, не умел так быстро бегать, не был ловок с оружием и всегда уступал брату, если они затевали шуточный бой.

Но сейчас Ленвелу предстояло принять участие не в безобидной возне с братом. В его душе до сих пор мукой отзывались воспоминания о его собственном посвящении в воины – это было унижительно и больно:

Юношей раздевали, выстраивали в два ряда друг против друга, затем по сигналу они сходились, и начиналась драка, в которой все средства были хороши. В каждой паре определялся победитель, а проигравших с позором изгоняли с поля боя под улюлюканье зрителей-воинов. Затем небольшая передышка, и тех, кто только что прошёл первое испытание, ждало новое, ещё более жестокое.

Теперь юноши вооружались всем, что можно было сорвать, отломить или найти под ногами – острой травой, ветками, камнями, щепками, хвойными иголками. По сигналу они сходились вместе, и начинался бой каждого против всех. И в этом испытании счастьем было просто выжить и уйти с поляны без угрожающих жизни ран.

Битва без правил заканчивалась также по сигналу. Те, кто могли стоять на ногах, становились воинами. Те же, кто продолжали лежать или сидеть на земле, как правило, вскоре умирали от ран или навсегда оставались калеками.

Сейчас воины расположились небольшими группами на обширной поляне среди леса. Они ждали мальчиков – тех вот-вот должны были привести из деревни. Ленвел не примкнул ни к одной из групп – не то чтобы он был одиночкой, просто в отличие от многих ему необходимо было время от времени уединяться, чтобы поразмыслить над тем, как устроена жизнь и почему она устроена так, а не иначе. Он был далёк от мысли пытаться что-то изменить – глядя на ухмыляющиеся, свирепые, а часто беспросветно тупые лица своих собратьев по оружию, Ленвел понимал, что войны будут всегда, пока на свете есть ненависть, жадность и дремучая жестокость. Эти свойства никогда не изживут себя, а значит, всегда найдутся умные негодяи, которые сумеют использовать в своих интересах эту армию зла, сыграв на её самых низменных чувствах и посулив большую наживу.

Его размышления нарушила суета, возникшая на другом конце поля. Бросив туда взгляд, Ленвел увидел вереницу мальчишек, подгоняемых распорядителем из воинов. Мальчишки шли легко, а некоторые даже весело. «Глупые, глупые дети», – с горечью подумал он.

Когда те поравнялись с воинами, и стали видны их глаза, киянец внутренне сжался – весело было далеко не всем. Некоторые явно бодрились, скрывая за улыбками неуверенность, а в глазах других читался безотчётный животный страх. Вспоминая сейчас себя два года назад, ему ясно представилась картина: он уходит из деревни вместе с другими мальчишками, рядом

с ним его закадычный друг Санд. Они весело болтают, лишь бы не думать о предстоящих испытаниях. Но Ленвел чувствует в голосе Санда с трудом подавляемый страх. Ему хочется обнять друга и приободрить его, но он сдерживает себя – не хватает только выставить их обоих на посмешище.

Они приходят на поляну, где полукругом уже расположились воины. Их и остальных мальчишек раздевают, и Ленвел шепчет Санду, чтобы тот отошёл от него подальше, иначе их поставят драться друг с другом. Санд уходит и смешивается с толпой голых тел в другом конце поля. Ленвел едва различает его фигуру, а потом теряет друга из виду...

Больше он никогда не поговорит с ним, не пожмёт ему руку, не похлопает ободряюще по плечу – во втором испытании Санда забьют камнями и затопчут ногами. А Ленвелу даже не дадут проститься с ним – с комом ужаса и боли в горле, его уведут с поля боя, обогрётной мальчишеской кровью и пахнувшего смертью. А затем тут же начнут пышную церемонию посвящения уцелевших и вмиг не по-хорошему повзрослевших мальчишек в воины Лесного Племена Ки.

Всё это промелькнуло перед мысленным взором Ленвела в одно мгновение, и он снова вернулся в реальность, к нескольким парам глаз по-настоящему испуганных ребят. На них уже сейчас стояла печать смерти – им не хватало отваги и злости, а значит, они падут жертвами большей физической силы и безжалостности своих сверстников.

Он уже отводил взгляд – смотреть на них дольше было невыносимо – как вдруг уставился вновь. Ему показалось или... Снедаемый тревогой он стал всматриваться в толпу и, встретившись с мягким взглядом больших серых глаз, побледнел и на мгновение перестал дышать: не скрывая радости, на него смотрел его младший брат Кастид.

Они всегда удивительно понимали друг друга, и им часто не надо было слов – хватало взглядов и жестов. То, что их глаза сказали друг другу, можно было передать словами примерно так:

- Зачем ты пришёл сюда? Ты же знаешь, что война не для тебя. – горели глаза Ленвела.
- Я хотел быть с тобой! Я уже мужчина. Не могу же я отсиживаться в доме у матери, зная, что ты и другие сражаетесь за нашу свободу, – гордо глядел на него Кастид.
- Дурашка! Ты не понимаешь, во что ввязался. Думаешь о нашей свободе? У тебя была свобода – свобода жить, но придя сюда, ты потерял её. Ведь тебя убьют, а ты бы мог ...

Тут Ленвела накрыла такая волна горя, что в ней потонули все другие мысли и чувства. Он отвернулся – не хватало ещё расплакаться при Кастиде, который всю жизнь глядел на старшего брата снизу вверх. Чувствуя, что тот в замешательстве, и продолжает смотреть на него потерянными глазами, усилием воли Ленвел стёр с лица все эмоции и вновь заглянул брату в глаза. Сейчас в них читались лишь обида и непонимание. Став юношей, Кастид так и остался наивным маленьким мальчиком, во всём уповавшим на брата – из их молчаливого разговора он понял лишь, что Ленвел недоволен им и его решением стать воином.

Ленвел так и не успел ему ничего сказать, потому что вновь прибывшим было велено раздеться, и тут же прозвучал сигнал становиться в пары.

Увидев, с кем предстоит сражаться Кастиду, Ленвел немного воспрял духом – низкорослый, худощавый мальчик с безразличным к происходящему лицом не производил впечатления опасного противника. Кастид был явно лучше сложен, и его горящий взор ясно говорил о его стремлении доказать старшему брату, что он чего-то стоит.

Три удара в травяной барабан, и мальчишки начали сходиться. То, что произошло потом, врезалось глубокой кровоточащей раной в память Ленвела:

Не успев сделать и шага навстречу противнику, Кастид получил сильнейший удар в пах. Он упал, корчась от боли, и на его голову, спину, поясницу обрушился град страшных ударов, которые наносились с какой-то звериной лёгкостью и жестокостью, причём выражение лица

юного убийцы оставалось столь невозмутимым, будто его тело действовало отдельно от воли, и сам он был лишь безучастным наблюдателем за происходящим.

Ленвел побелел от ярости и, захваченный одним порывом – во что бы то ни стало спасти брата – натянул тетиву и выстрелил – стрела прошла меж лопаток животного в думанском облиии, худое тело мгновенно обмякло и рухнуло на забитого до полусмерти Кастида.

Раздумывать было некогда – в три прыжка Ленвел очутился возле мёртвого тела, отшвырнув его ногой, сгрёб в охапку окровавленного Кастида и метнулся в густые заросли травы на краю поляны.

Он не знал, что посвящение в тот день так и не состоялось: воины были отправлены вдогонку беглецу-убийце, а мальчишки разосланы обратно по деревням.

Глава 2

Жизнь в Западном саду

Отдыхая в своём цветке, белокурая синеокая Лиль не спускала глаз с огнегровой Зеды – та беззаботно порхала с цветка на цветок, понапрасну стряхивая ценную пыльцу на лепестки. Лиль зажала себе рот рукой, чтобы невзначай его не открыть – в их саду мир итак давно пал ниц перед войной, и каждая таяна из свиты Мары считала своим долгом не пропустить ни одной из свиты Диозы. Стоило кому-нибудь заговорить, как первое обронённое слово, словно камень, брошенный в воду, порождало разбегавшиеся в стороны круги, накатывавшие на всех, кто оказался рядом. Порой эти волны захлёстывали с головой даже тех, кто пытался выступить в роли миротворцев.

С чего началась вражда между Марой и Диозой, никто точно не помнил. Да и никого это не интересовало. Всем почему-то казалось, что до тех пор скучная жизнь наполнилась теперь новым смыслом – остроязычные перепалки то и дело вспыхивали от совершенно невинной фразы, а многие нарочно искали любого предлога, чтобы повздорить.

Наблюдая за Зедой из своего полузакрытого цветка в лиловых предвечерних сумерках, Лиль уже в который раз задалась вопросом: зачем изводить друг друга, если им нечего делить? У тех и других было всё, что только могла себе пожелать садовая таяна – свой ароматный цветочный куст, то есть дом со множеством комнат, по которому приходилось кочевать по мере увядания цветов, а также вдоволь нектара и пыльцы для еды. Кустарники в их саду были вечнозелёными и цвели круглый год, а изобилие и разнообразие кустов позволяло даже время от времени переезжать с одного на другой из чистой прихоти – когда возникало острое желание умыться нектаром с новым ароматом или нежиться на шёлковых простынях лепестков другого цвета и мягкости.

И всё же, зачем порхать с цветка на цветок, оставляя после себя непригодные для жилья комнаты, усыпанные пылью, пусть даже разноцветной и ароматной? По мнению Лиль, это было просто вредительством. И она не выдержала. Пальцы, которые до сих пор зажимали рот, чтобы оттуда ненароком не выскочило острое словцо, сжались в кулачки, и Лиль, высунувшись почти целиком из своего убежища, пискнула:

- Интересно, а кто будет убирать всё это безобразие?

Зеда мгновенно уселась на лепесток фиолетового гибискуса, в котором уже успела здорово похозяйничать.

- Может, ты? – насмешливо сморщив носик, перебросила она вопрос на сторону противника.

- Может, и я, - Лиль выпорхнула из почти закрывшегося бутона, рискуя позднее хорошенько попотеть, пробираясь обратно через плотные гардины своей пепельной камелии, – только в таком случае, я тебя потом и близко к кусту не подпущу.

- Ха-ха! – с издёвкой крикнула Зеда. – Руки и ноги коротки, чтобы весь куст охранять. Уж где-нибудь я брешь найду и опять всё вверх дном переверну!

Лиль вспыхнула от гнева – от её бывшего миролюбия не осталось и пылинки.

- Ах, так ты решила, что раз природа наградила тебя несуразными конечностями, которые торчат из цветка во время сна, и на которых, принимая их за странные сучки, отдыхают мелкие букашки, то ты можешь портить прекрасные цветки! А ведь они могли бы послужить уютным жилищем для какой-нибудь несчастной таяны, которая вдруг лишилась бы куста из-за засухи или вредных насекомых!

- Ах ты злоязычная редковолосая ведьмочка! – оскорблением на оскорбление ответила Зеда. – Я ведь и пылью могу запустить – не отмоешься!

Лиль сердито выпятила нижнюю губу и, с силой выпустив изо рта струю воздуха, сдула со лба непослушную прядь – она всегда делала так в моменты крайнего раздражения. Слово «редковолосая» больно её кольнуло – у неё и вправду были довольно жиденькие волосы, во всяком случае, не чета густой рыжей гриве Зеды.

- А ты попробуй! – крикнула Лиль, войдя в раж, из которого выход был только один – развязывание военных действий – ина слоге «буй» получила в висок увесистым комком слепленной нектаром пыльцы. Таяна пошатнулась, чуть не потеряв равновесие, но успела присесть, увидев новый снаряд, который через мгновение пронёсся над её головой, слегка чиркнув по волосам.

- Ну держись, косматая голова! – в бешенстве взвизгнула Лиль и, нырнув внутрь ещё не закрывшегося плотно цветка, скрылась на мгновение в его недрах.

Решив, что одержала полную и безоговорочную победу, а противник позорно бежал с поля боя, Зеда упала спиной на лепесток и, схватившись за живот, начала хохотать, корчась всем телом и дрыгая руками и ногами.

Однако судороги победы длились недолго. Не успела Зеда опять разинуть рот, чтобы исторгнуть новую, ещё более громкую очередь хохота, предназначенного для морального уничтожения противника, как рот тут же оказался закупорен идеально круглым зёрнышком лунного цветка. Надо заметить, что лунный цветок плодоносил только раз в год, и его зёрна особенно ценились таянами, поскольку являлись деликатесной добавкой к их весьма однообразному рациону из нектара и пыльцы.

- Приятного аппетита! – едко крикнула довольная своей идеей Лиль, на всякий случай держа ещё одно зёрнышко в руках.

Получи Зеда этот плод от кого-нибудь в подарок, она бы рассыпалась в благодарностях. Она бы растолкла его и хранила драгоценный порошок, используя как ароматизатор и наполнитель для каш из нектара и блинов из пыльцы. Но сейчас это зёрнышко было использовано не по назначению. Оно было слишком твёрдым и большим, чтобы его разжевать, и слишком плотно вошло в рот, чтобы непривычные к тяжёлому труду тоненькие ручки Зеды могли его оттуда выволить. Одним словом, беспомощность только что торжествовавшей рыжеволосой таяны была не только налицо, но и на лице.

Прошло несколько мгновений, и Зеду охватила паника. Мало того, что она была не в состоянии выйти из своего затруднительного положения самостоятельно, так ещё и не могла позвать на помощь. Это не осталось незамеченным зоркоглазой Лиль. Но она лишь демонстративно повернулась к Зеде спиной и, более не оглянувшись, скрылась в толще своего цветка. И вовремя – едва её хрупкая фигурка очутилась в самом центре благоухающего бутона, как, приобняв друг друга, лепестки-створки плотно сомкнулись. Настолько плотно, что не оставили даже крошечного зазора, через который в нежную обитель Лиль мог бы проникнуть заигравшийся допоздна лучик света.

Вспомнив наконец что у неё есть крылья, Зеда вспорхнула с лепестка. Однако, она не учла вес лунного зерна и, потеряв равновесие, со всего размаху врезалась в соседний куст. И надо

же было такому случиться, что в одном из цветков именно этого куста сейчас наслаждалась первым эпизодом своего цветного сна сама Диоза.

Пролетев некоторое расстояние вниз головой вдоль кустарника, Зеда в итоге приземлилась на один из его толстых листьев. Тот оказался так упруг, что сначала придавал таяне обратное направление, но после череды невероятных подскоков и кувырканний всё-таки принял горелакробатку на свою гладкую зелёную ладонь.

От ударов челюсти Зеда сильно сдавили ядро лунного цветка, и оно, хрустнув на прощание, рассыпалось на мелкие кусочки, предоставив таяне возможность освободить свой рот самым приятным способом – разжевать и проглотить кусочек за кусочком. Те из них, что не уместились во рту, укрыли собой значительную поверхность листа – ужин обещал быть не только изысканным, но и весьма продолжительным. Надо заметить, что Зеда была не единственной таяной, заедавшей неприятности всем, что попадалось под руку.

Совершенно расслабившись после столь удачно завершившегося для неё падения, Зеда и не заметила, что над ней кто-то парит и, между прочим, наблюдает за тем, как она лихорадочно прячет в рот раздробленный на части плод столь драгоценного для таян лунного цветка.

- Где ты взяла лунное зерно? – прорезал тишину резкий голос Диозы.

Уж в чём в чём, а в находчивости Зеде отказать было нельзя, и она, не моргнув глазом, соврала:

- Кто-то его проронил, оно упало и разбилось, и, чтобы добру не пропадать, я его съела ... ну, почти, - добавила она, пытаясь закрыть своим тоненьким тельцем и растопыренными крыльями оставшиеся ароматные кусочки.

Диоза, тем временем, подлетела поближе, и благоухание расколотого зерна ударило ей в жадно принохивающиеся ноздри.

- Покажи, что у тебя осталось, - приказала она.

И хотя Зеда знала, что перед ней, её это ни капли не смутило. В конце концов, Диоза была такой же садовой таяной, как и все остальные здешние обитательницы. Возможно, она отличалась большей твёрдостью характера, уверенностью в себе и, как следствие, нахальством, но это вовсе не давало ей права распоряжаться всем и всеми, как своими верноподданными, а уж тем более отдавать приказы друзьям и соратницам своей соперницы Мары.

- Ничего не осталось, - с ухмылкой глядя Диозе в глаза, бросила Зеда и уселась, как могла, на острые кусочки зерна. – Для тебя – совсем ничего, - и увидев в глазах Диозы бешенство, добавила, - я не смею даже подумать, чтобы великая Диоза стала есть то, на чём сидела обыкновенная, настолько непримечательная таяна, что даже не всем в саду известно её имя.

- Я узнаю твоё имя, рыжеволосая бестия. Более того, я разужнаю, где ты живёшь, и тебе очень не поздоровится, - топнув крепкой ножкой, гаркнула Диоза.

От толчка лист сильно покачнулся, и Зеда, уже во второй раз за сегодняшний вечер, потеряла равновесие. Правда, на этот раз она сразу вспомнила о крыльях и, успев подцепить руками и ногами пару самых крупных осколков плода, взмыла ввысь и была такова. Остальные крошки лунного зерна просыпались вниз и исчезли в черноте уже всерьёз наступившей ночи.

Глава 3 Бегство

За густой зеленью солнце рассыпало по лесу последние тусклые лучи. Именно этот рассеянный в траве сумеречный свет позволял Ленвелу легко различать силуэты кустов и

деревьев. Ему казалось, что он бежит уже целую вечность – расцарапанный в кровь жёсткой травой, потерявший всякие ощущения, он больше не выбирал дороги. Он буквально летел по лесу, прижимая к груди обмякшее, но тёплое тело своего брата. Слабое дыхание Кастида заглушали барабанные удары сердца Ленвела. Он не мог думать ни о чём, он весь был подчинён только стремительному движению вперёд, прочь от воинов, от своего племени, от прошлой жизни. Силы откуда-то всё прибывали и прибывали, и он бежал бы так всю предстоящую ночь, но лес вдруг расступился, будто преклоняясь перед его мужеством и давая дорогу, и Ленвел почувствовал тот не сравнимый ни с чем вкус воздуха, который могла придавать ему только вода. Ещё сотня ударов сердца, и он уже стоял на берегу довольно широкого ручья, беззаботно разметавшего своё изящное живительное тело меж кочек и камней.

Ленвел остановился и бережно положил брата на лист лопуха, что так кстати рос прямо у воды.

- Потерпи, дружок, - прошептал он и, зачерпнув ладонями воду, начал умывать Кастиду лицо и оттирать израненное тело от крови. Тот тихо застонал.

- Кастид! - громко позвал Ленвел – он должен был вырвать брата из небытия, но тот не слышал его. Тогда старший наклонился к самому уху младшего.

- Кастид, братишка, держись. Я здесь поблизости буду собирать живительные листья и цветы. Ты помнишь, как отец обучал нас искусству знахарства, перед тем как в киянских лесах начались войны, и он ушёл в отряд. Хотя, - Ленвел улыбнулся, - ты вряд ли помнишь. Ты был совсем маленьким и едва поспевал за нами на своих неуклюжих ножках, и отец, смеясь, сажал тебя на закорки.

Ленвел встал и только теперь почувствовал боль и резь во всём теле. Усилием воли он отключил сознание от неприятных ощущений и, стараясь надолго не терять Кастида из виду, отправился на поиски подорожника и девясила – надо было остановить кровь и снять отёки с распухших рук и ног брата.

Ленвел различал сотни запахов – сейчас, в сумерки, лес просто благоухал разнотравьем. Надо было настроиться, чтобы уловить среди всей этой пестроты всего два тончайших аромата. Его ноздри затрепетали, с силой вбирая и выпуская густой пьянящий воздух. Это было первое удовольствие за весь сегодняшний день, но предаваться ему было некогда. Едва уловив спасительный запах, он рванул с места и вскоре стоял в зарослях девясила. Каменным ножом – такой каждый киянский воин всегда носил с собой – Ленвел отрезал от листа длинную полоску. Нарезав множество одинаковых полосок и перекинув их через плечо, он направился к росшему на песчаном берегу подорожнику. Он сорвал несколько самых молодых листьев и через мгновение, разжёвывая во рту и превращая в кашу зелёную плоть, уже залеплял кровоточащие раны брата и забинтовывал его посиневшие конечности.

О том, чтобы добыть кусочки кремня и развести костёр, не могло быть и речи – воины сейчас рыскали повсюду. И хотя Ленвел был уверен, что оторвался от преследователей, эта вынужденная остановка сокращала расстояние между беглецами и их врагами. Самая беспросветная ночь не могла послужить причиной прекращения военных действий, и сегодня вряд ли кто-то сделает для него исключение.

Подложив Кастиду под голову ворох травы, Ленвел бережно протёр разбитые губы брата. Затем он поднёс к его рту сложенные лодочкой ладони с прохладной водой из ручья. Почувствовав на губах вкус жизни, Кастид начал судорожно глотать, но очень быстро устал и, откинувшись на травяную подушку, вновь забылся.

Пока глаза различали брата, Ленвел сидел рядом, ловя каждый его вздох. И стоило Кастиду пошевелиться, как надежда, словно волна, накрывала Ленвела, и он рывком наклонялся к брату, веря, что вот-вот и он услышит хоть какое-нибудь, пусть совершенно бессмысленное, слово.

И только когда забрезжил рассвет, на смену напряжению, словно ливень с небес, на него обрушилась усталость, и Ленвел был смыт, раздавлен ею настолько, что, когда она отступила и он разлепил веки, солнце стояло высоко в небе, и какое-то мгновение он недоумевал, почему его давным-давно не разбудили. Но потом последние сутки всплыли перед его мысленным взором, и, рывком поднявшись, он заглянул в лист лопуха – Кастид спал безмятежным сном, его дыхание выровнялось, а лицо освещала такая родная, совершенно детская улыбка, что на глазах у Ленвела выступили слёзы.

Солнце вновь раздавало свои последние лучи, когда потерявший ощущение времени Ленвел, заметил, что губы Кастиды шевелятся, а все мускулы лица напряжены в отчаянной попытке высечь из гортани хоть какой-нибудь звук.

Ленвел тут же зачерпнул воды из листа лопуха, что был под рукой – он окружил себя всем необходимым, чтобы больше не отходить от брата ни на шаг: водой были наполнены все соседние с ними листья подходящей формы, тут же лежали лекарственные травы и аккуратные горки ягод всех цветов и ароматов. На создание этого запасника у Ленвела ушло почти полдня. Зато теперь он мог мгновенно удовлетворить любое желание Кастиды. К тому же, здесь было почти всё необходимое для поддержания его собственной жизни.

Напоив брата, он наклонился к нему близко-близко и через некоторое время разобрал-таки слова, которые Кастид с трудом выдавливал, борясь с мышечными спазмами.

- Прости, я подвёл тебя.

Эти слова заставили Ленвела задуматься. Действительно, их положение было почти безнадежным. Одни, в дремучем лесу, наполненным разнообразными вечно голодными тварями. У них не было пути назад – они нарушили закон – самовольно покинули военный лагерь, убив при этом соплеменника. Более того, на них была объявлена охота – уж в этом Ленвел не сомневался – он знал, что грозило тем, кто восставал против звериных обычаев – смерть была единственной альтернативой полному и беспрекословному подчинению.

Но с другой стороны, за прошедшие два года его жизнь потеряла всякий смысл – истребление или разграбление деревень соседних племён, грубые, а часто жестокие отношения между самими воинами – всё это существовало где-то за гранью его души. Он не мог и не хотел впускать это внутрь. Но какой смысл жить и совершать то, что не принимает твоя душа?

Сейчас Ленвел впервые осознал, что свободен. Свободен от навязанного извне беспросветного существования, от неизбежности стоять в строю рядом с подонком, который вчера на твоих глазах истязал женщину или убил ребёнка. Наконец он может предаться созерцанию волшебного мира природы, не терзаясь муками совести от мысли, что завтра всё это великолепие может быть сожжено или растоптано.

Ленвел наклонился к брату. Его слова, словно живительные капли дождя, мягко падали одно за другим, проникая в пока ещё спутанное сознание Кастиды.

- Ты подарил мне жизнь. Ты дал мне душевный покой. Я пока не знаю, что мне со всем этим делать, но, согласись, оказаться вне закона – ничтожная плата за право быть свободным в действиях и помыслах, за право не просыпаться по ночам в холодном поту, думая о том, как в очередной раз примирить то, что ты делаешь, с тем, во что веришь.

Уже во второй раз за этот день лицо Кастиды озарила счастливая улыбка, а затем он вновь впал в забытие.

Глава 4

Куст раздора

Проснувшись рано утром, Лиль сладко потянулась в лоне уже раскрывшегося цветка и на всякий случай взглянула на куст, где вчера оставила барахтающуюся, беспомощную Зеду. Сейчас, когда гнев без остатка растворился в густом зелье сна, её вчерашнее поведение не казалось ей столь безупречным. Не лишённая чувства сострадания, она живо представила ощущения Зеды, оставленной на произвол судьбы наедине со своей бедой, то есть с разинутым и наглухо заколоченным ртом. В таком положении та была очень уязвима – её могла склевать птица или слизнуть языком жаба. Да мало ли сколько опасностей подстерегало таян, как только они выходили за атласные ворота своих домов, тем более поздним вечером, когда почти все уже видели сны в своих плохо проницаемых для звука жилищах. Мысль, подоспевшая следом, заставила Лиль по-настоящему покраснеть: мало того, что она бросила Зеду, не предложив никакой помощи, она ещё и преспокойненько улеглась спать и мгновенно уснула, зная, что той сейчас совсем не до сна. «Что это со мной? - утопая в обжигающем стыде, подумала Лиль. – Это на меня совершенно не похоже».

Она прижала колени к груди, сложила шёлковые крылья на спине и глубоко задумалась, ища хоть какое-нибудь объяснение таким неприятным изменениям в себе.

- Эй, Лиль! – услышала она сверху голос Альги. - Говорят, на окраине сада вырос дивный куст – никто не знает, как он называется, просто потому что никто прежде не видал таких диковинных цветов. Диоза хочет занять его до того, как кто-нибудь из прихвостней Мары успеет это сделать.

- Здорово, - рассеянно и безо всякого энтузиазма выдохнула Лиль.

- Что значит, «здорово»? – опешила Альга. – Страхни остатки сна, и летим! – она подлетела и села на крупный лист рядом с цветком Лиль.

- Мне что-то нездоровится, - соврала Лиль, прикладывая руку ко лбу, - наверное, погода меняется, - и она с надеждой взглянула на небо, ища хоть какую-нибудь заблудшую тучку. Но небо было безупречно голубым, и солнце, по обыкновению, куражилось в головокружительной вышине, раздавая свой жар всему живому.

- А-а-а, - протянула Альга, - ну тогда я полетела, а то Диоза рассердится.

- И что? – не выдержала Лиль.

- В смысле? – не поняла Альга.

- Что с того, что она рассердится?

Альга начала боязливо озираясь:

- Что ты говоришь?! – зашипела она на подругу. – А если кто-нибудь услышит?

- Пусть слышат, - спокойно ответила Лиль и растянулась на цветке.

- Ну как знаешь, - покачала головой Альга. – А мне не нужны неприятности.

Она вспорхнула с листа и в мгновение ока исчезла в глубине сада.

Проводив её взглядом, Лиль вернулась к своим размышлениям. Но сосредоточиться не получалось - где-то глубоко внутри появилось неприятное ощущение тревоги. Диоза и все её соратницы, конечно, заметят отсутствие Лиль, и даже если она потом ещё раз соврёт о так внезапно поразившем её недомогании, их бывшего расположения ей не вернуть – она будет предательницей: таяной, увильнувшей от общего дела; таяной, не пришедшей на помощь своим подругам.

Тут перед мысленным взором Лиль возникло надменное лицо Диозы и укоризненные взгляды Биаты, Зуры и Гладиль, и по её спине тут же поползли мурашки. Разговор с совестью неожиданно оборвался, и Лиль, не помня, как очутилась в небе, уже со всех крыльев мчалась вдогонку за Альгой.

Куст, распусившийся на окраине сада, источал изысканный аромат. Его цветы были щедро раскрашены природой: благородно-красная сердцевина плавно переходила в малиновый, затем лиловый и, наконец, нежно-розовый цвет. Поражённые его необыкновенной красотой, вновь прибывавшие таяны садились на листья и, открыв рты, молча любовались неизвестно откуда взявшимся в их саду чудом.

Единственным, кто чувствовал себя здесь как дома, была Диоза. Будто не замечая, к какой диковине прикасается, она перелетала с цветка на цветок, ощупывая плотные атласные лепестки, пробуя на вкус нектар и отправляя в уже изрядно испачканный рот пригоршни пыльцы.

Сторонницы Диозы, сидевшие на соседнем кусте, с нетерпением ожидали, когда же их предводительница, наконец, даст знак, что и им можно присоединиться к пиршеству. Но Диоза продолжала методично порхать с цветка на цветок, как будто ей было совершенно необходимо самолично осмотреть каждый из яркой и, казалось, бесконечной россыпи.

Неожиданно воздух загудел, и из глубины сада вынырнула вся свита Мары, во главе с ней самой. На мгновение облако таян зависло над чудесным кустом, и по воздуху прокатились охи и ахи неподдельного восторга. Но вдруг всё разом стихло и, будто по продуманному заранее плану, сторонницы Мары начали пикировать по одной на каждый цветок, так что в мгновение ока Диоза оказалась в неприятном для себя окружении, да ещё и полностью отрезанной от своей свиты.

Однако не в её духе было так просто сдавать свои позиции. Она, по обыкновению, топнула ногой и огласила сад громоподобным криком:

- Это мой цветок! Где это видано, чтобы гости слетались без приглашения?!

Мара, которая в отличие от своей соперницы продолжала порхать над кустом, громко рассмеялась и крикнула:

- А как же твоё уютное гнёздышко под шёлковым деревом? Или ты покинула его и переехала сюда? Тогда я, пожалуй, не откажусь въехать в твои бывшие владения прямо сейчас!

- И где же это сказано, что я не могу иметь два дома? – вскинулась Диоза. – Мой первый дом им и останется, а этот куст я буду использовать для приёмов дорогих гостей, в число которых ты, Мара, к сожалению, не входишь и, даже если будешь очень стараться, никогда не войдёшь.

- Подруги мои! – громко начала Мара. – Каждая из вас стоит на пороге великолепного дома, почти дворца! Так переступите через этот порог и располагайтесь поудобнее. Когда же солнце коснётся верхушки вон того дерева-короны, - и она указала пальчиком на высоченного ветвистого красавца, заслонявшего всё небо с южной стороны, - я буду ждать вас на верхних листьях этого чуда-куста, чтобы мы могли поделиться впечатлениями, а также обсудить текущие дела и планы на будущее.

- Ну уж этому не бывать! – Диоза гневно сверкнула глазами и, взмыв ввысь, зависла напротив Мары.

- Эй, верные мне таяны! Мы же не позволим этим зарвавшимся выскочкам топтать наши восхитительные цветы! Ноги их не будет ни в одном благоухающем доме! Выбирайте себе любой и защищайте его – мы были здесь первыми, и никто не посмеет оспаривать наше право на этот куст.

Пока Диоза держала свою пламенную речь, от соседних кустов отделялись, собирались стайками и подлетали к своей предводительнице преданные ей таяны. Когда же она призвала их к действию, те заметно растерялись – ведь из каждого цветка на них смотрели торжествующие, насмешливые глаза таян вражеской свиты. Все они удобно расположились в бутонах и явно не собирались уступать свои цветы без боя.

Прямо по соседству с дивным кустом рос другой, сплошь покрытый белой волчьей ягодой. Таяны звали её ягодой «клёк», потому что она легко лопалась от удара, издавая при этом громкий хлопок «клёк», напоминавший десятикратно усиленный звук падающей в воду капли. Почувствовав замешательство в своих рядах, Диоза подлетела к этому кусту, занесла руку над ягодой и с криком «Вперёд!» шлёпнула по ней со всего размаху. От взорвавшегося воздуха «клёка» все её верноподданные разом вздрогнули и, больше не раздумывая, ринулись на врага.

Неожиданно для себя Лиль оказалась в самых первых рядах армии Диозы. Её подруги справа и слева с гуканьем и гиканьем ринулись к дивному кусту. Сзади уже налетали другие, и ей ничего не оставалось, как подчиниться этой обезумевшей, уподобившейся осиному рою стае и лететь вместе со всеми.

Таяны со всего размаха врезались в цветки. От удара пыльца осыпалась дождём прямо на головы их противниц, залепляя тем глаза и залетая в ноздри, и вскоре шум битвы потонул в нескончаемых «Апчхи!», которые раздавались то тут, то там, как будто повсюду начали лопаться созревшие грибы-дымовики.

Зеда не знала, сколько времени прошло - ей казалось, что вечность. Усталость будто гигантским бутоном навалилась на её хрупкие плечи, а по переутомлённой от напряжения спине бежали тонкие струйки пота. Как и другие, она мало что видела из-за летавшей повсюду пыльцы. Глаза страшно щипало, и из них ручьём текли слёзы, становясь дополнительной помехой для зрения. Но она продолжала сражаться пусть и с невидимым противником – отчаянно размахивала руками, сжатыми в кулачки, а время от времени подпрыгивала и пускала в ход ноги. И не было ничего удивительного в том, что иногда она попадала в цель, то есть в таян, а иногда боролась с бестелесным противником, то есть с воздухом, который от возмущения превращался в ветер. Однако больше всего от демонстрации её боевых искусств страдал ни в чём не повинный цветок, который сначала потерял всю пыльцу, а потом начал опускаться, а затем и ронять израненные лепестки.

В какой-то момент ослеплённая Зеда получила сильный удар кулаком в грудь. Она незамедлительно ответила таким же мощным ударом. Но тут раздался такой жалобный стон, что Зеда на мгновение замерла, а затем, встав на колени, стала судорожно шарить руками в поисках поверженного и явно раненого противника. Наконец она нащупала рядом с собой хрупкое тельце, помятые крылья и тоненькие ручки, схватившиеся за голову.

Зеда, которая до сегодняшнего дня никогда не участвовала в настоящих драках, страшно перепугалась. А что если она убила эту таяну? От такой мысли её прошиб холодный пот, и крылья за спиной затрепетали с бешеной скоростью. Она схватила ту за руки и что было сил потащила, как ей казалось, к сердцевине цветка. Однако в пылу битвы она столько раз кружилась и поворачивалась в разные стороны, что не было ничего удивительного в том, что «сердцевина» на поверку оказалась краем. Закачавшись на тонком острие лепестка, Зеда поняла свою ошибку, резко развернулась, но едва начала удаляться от пропасти, как обеими ногами угодила в рваную рану, появившуюся здесь в пылу битвы. Не успев понять, что произошло, она провалилась вниз, увлекая за собой лишившуюся чувств противницу. Зеда отчаянно заработала крыльями, пытаясь удержать себя и свою ношу в воздухе, но всё тщетно – таяны медленно, но верно опускались всё ниже и ниже в беспросветные заросли Нижнего Мира.

С тех пор, как Зеда себя помнила, ей часто приходилось слышать страшные истории о таянах и таянцах, попадавших в Нижний Мир. Это было место, кишевшее разнообразными чудовищами, не умевшими летать и, видимо от досады, очень свирепыми. Конечно, несчастье могло случиться и наверху, но там был хороший обзор и на помощь часто приходил цветок

или его листья. Здесь же была настоящая чаща, и казалось, вот-вот, и кто-то бросится на тебя из густой травы. Выученная с детства на зубок поговорка «кто упал, тот пропал» всплыла сейчас в памяти Зеда и мурашками поползла по спине.

Трепеща от страха, она наконец приземлилась и очутилась в полумраке густой растительности. Со всех сторон её окружала высокая трава, и доносились страшные звуки – она не сомневалась, что их исторгают те самые чудовища, вышедшие на охоту. Преодолевая ужас, Зеда как могла аккуратнее положила свою ношу на землю. По крайней мере, здесь не было пылицы, и, хорошенько проморгавшись, она смогла-таки открыть глаза.

Поверженная таяна лежала на боку, лицом к Зеде. Она была пугающе бледна и, казалось, совсем не дышала. Зеда приникла ухом к её груди и, о облегчение, услышала отдалённый стук сердца. «Она жива! Жива! Я не совершила ничего страшного! Я могу радоваться жизни дальше!» - промелькнуло в голове у Зеды.

Неподалёку она увидела каплю росы на травинке и, зная, как освежающе и оживляюще действует вода, зачерпнула пригоршню и умыла таяну, слегка похлопывая её по щекам. Та застонала и, не открывая глаз, повернулась и легла на спину. Несмотря на полумрак, теперь Зеда хорошо видела её лицо. Оно показалось её очень знакомым. Ну конечно, это была та самая таяна, с которой они повздорили накануне. Зеда вспомнила, какое отчаяние охватило её, когда с наглухо заколоченным ртом она пыталась справиться со своим вытворявшим акробатические этюды телом, и её тут же охватила ярость. Ведь эта таяна бросила её! Бросила на произвол судьбы в стремительно надвигающейся ночи, и, нырнув в свой дом, спокойно уснула. И теперь она, Зеда, рискуя собственной жизнью, сидит в траве и пытается привести её в чувство. Ну уж этому не бывать!

Гордость и оскорблённое достоинство задудели в дудки, и Зеда, не раздумывая больше ни мгновения, взмыла вверх и, изящно помахав ручкой, крикнула:

- Мне спастись помог случай. Пусть он поможет и тебе!

В последний раз взглянув на распростёртую, с трудом различимую в траве таяну, Зеда устремилась ввысь.

Вскоре Зеда уже летела мимо нижних веток дивного куста, который так неожиданно стал кустом раздора – да какого раздора! Она сгорала от любопытства – кто же всё-таки захватил этот роскошный дом?

Зеда поравнялась с самыми нижними цветами, но ни в них, ни на соседних листьях никого не было видно. Тогда она резко взмыла вверх и зависла над кустом. Вид, открывшийся с высоты, обескуражил Зеду до такой степени, что она на мгновение обмерла, и, только поняв, что летит камнем вниз, вновь заработала крыльями.

Чуда как не бывало. Вместо живописных цветов среди сломанных или почти голых веток висели пустые цветоложа или отдельные увядшие лепестки, изорванные и исколотые. Не осталось ни одного целого бутона, ни единого нетронутого листочка. Это было так жутко, что из глаз Зеды сами собой потекли слёзы. Таяны, существование которых было неотделимо от понятия сад, куст, цветок, только что превратили в поле боя и уничтожили то, что во все времена оберегали, как собственную жизнь.

Но куда все делись? Этот вопрос пробился к сознанию Зеды сквозь океан отчаяния. И только сейчас она различила на остатках листьев и бутонов несколько тел – одни лежали скрюченные, а другие разметались, будто во сне. Кожа таян имела свойство приобретать цвет окружающей среды, и у тех, что лежали сейчас на листьях она была ужасного тёмно-зелёного оттенка. Зеда бросилась к таяне, стонавшей на единственном сохранившемся от цветка

лепестке. Волосы той слиплись от пота, лицо было перепачкано пылью, а из рассечённой щеки сочилась кровь.

Вдруг, с трудом подняв руку, таяна потёрла бледный лоб тыльной стороной ладони, растирая кровь с потом по лицу.

- Сузи! – вскрикнула Зеда, узнав подругу по характерному жесту.

Сузи разлепила распухшие веки, посмотрела на Зеду бессмысленным взглядом и снова потеряла сознание.

- Милая Сузи! Что они с тобой сделали?!

Зеда начала озиаться в поисках хотя бы крошечной капельки росы – надо было умыть лицо подруги. Но благодатную влагу, если она и была здесь до роковых событий, без остатка стряхнули с куста кулачки и пяточки разбушевавшихся таян.

«Нижний Мир!» - мелькнуло в голове у Зеды. Она уже побывала там и благополучно вернулась, а потому осторожность была забыта, и, сложив крылья, Зеда камнем полетела вниз – она понимала, что таким образом сбережёт драгоценное время и, может быть, спасёт Сузи.

Зеда расправила крылья только тогда, когда увидела совсем близко острия травинки. Услышав странный свистящий звук, она ещё не успела испугаться, как её начало вращать в воздухе, как какое-нибудь крылатое семя павлонии на ветру. Её швыряло из стороны в сторону, ударяло о стебли и снова крутило и вертело. От очередного сильного удара в глазах потемнело, и таяна тяжело упала на землю.

Глава 5

Кто упал, тот пропал



Сознание возвращалось к Зеде по частям, как будто кто-то давал ей возможность осмыслить случившееся постепенно, чтобы избежать потрясения.

Сначала её взгляд рассеянно блуждал по небу, которое проглядывало неровными голубыми лепестками сквозь чашу травяных пик. Мягкий, но не увядающий свет говорил о том, что стоит раннее утро. Однако Зеде понадобилось довольно много времени, чтобы осознать, что она лежит не в раскрывшемся цветке на атласном ложе, а на земле в Нижнем Мире. Ответ на вопрос, как она сюда попала, дался ей далеко не сразу. Прежде всего, она вспомнила разорённый дивный куст, и слёзы тут же хлынули из глаз, окутав окружающую действительность густой серой пеленой. Затем память начала распускаться, как бутон, разворачивающий лепестки, и одно за другим стали всплывать события последнего дня: она пыталась спасти таяну из свиты Диозы, но не удержалась в воздухе. Ах, так вот почему она здесь! Зеда вытерла слёзы и дёрнулась, пытаясь сесть. Это ей легко удалось, и она воспряла духом – значит, не так уж сильно разбилась. Встав на колени, она начала озиаться в поисках упавшей вместе с ней таяны, и только сейчас вспомнила, как узнала её и оставила, не желая помогать своей обидчице. Наконец, развернулся последний лепесток её памяти, и перед

глазами возникла бледная и растерзанная Сузи, которой она собиралась помочь. Всё верно, она бросилась в Нижний Мир за росой, а потом ... Что же случилось потом? Да какая разница, если Сузи лежит там наверху, и ей до сих пор никто не пришёл на помощь? Зеда вскочила на ноги и заработала крыльями, но ничего не произошло. Она не поднялась над землёй даже на тычинку орхидеи. Кроме того, взмахи её крыльев сопровождались странным свистящим звуком, и левое крыло явно отставало в движении от правого. Зеда повернула голову и посмотрела на непослушное крыло – прямо в центре его тончайшей ткани красовалась большая дыра с рваными краями. «Мама!» - взвизгнула таяна и в ужасе опустила крылья.

Порвать крыло было не так уж страшно при условии, что рядом с тобой семья или друзья. Зеда помнила, как однажды, будучи ещё совсем крохой, она напоролась на шип розового куста, и как мама потом аккуратно заштопала крыло специально обработанной паутиной. Это позволило ей вновь летать. В последствии отверстие затянулось, так что не осталось и следа. Когда она подросла и её вместе со сверстницами отправили в Западный сад, проблемы с крыльями возникали тут и там, но рядом всегда был кто-то, кто мог залатать прокол или аккуратно разгладить при помощи тёплых плоских зёрен смятое крыло.

Сейчас рядом с Зедой не было никого, и её заколотила дрожь отчаяния от мысли, что помощи ей ждать неоткуда – кому же придёт в голову искать её здесь? А с таким крылом она не сможет добраться даже до самых нижних цветов. Таяна попробовала было вскарабкаться по стеблю, но она так редко в своей жизни прибегала к подобному упражнению, что, не преодолев и десятой части пути до нижних листьев, почувствовала, что тоненькие, хрупкие ручки отказывают ей. Обжигая тело и ноги, она соскользнула вниз.

Теперь стало совсем страшно – сильная нервная дрожь пробежала по её телу от макушки до кончиков пальцев. Не в силах больше стоять, Зеда тяжело опустилась на землю и зарылась лицом в расцарапанные колени.

- Мама! Мамочка! – завывала она. И в самом деле, больше всего на свете она хотела бы сейчас увидеть возле себя маму. Как она ошибалась, считая себя взрослой, на всё способной и ко всему готовой. Она вспомнила, как их провожали в Западный сад, навсегда разлучая с родителями – так было принято у таянцев. Подросших мальчиков всегда отправляли в противоположном направлении, так что Зеда в тот день рассталась сразу с тремя любимыми людьми – мамой, папой и братом. Они с братом были двойняшки и не разлей вода. Однако тогда Зеду совершенно не смущало предстоящее расставание – это был образ жизни всех и каждого, и к мысли о его неизбежности привыкали с детства, с ней росли и воспринимали, как разумную необходимость. Взрослые дети должны покинуть свою прежнюю семью, чтобы со временем создать новую.

Раз в год, в День самого Долгого Солнца, готовые к созданию семьи таянцы прилетали из своего Восточного Сада за невестами, и Западный Сад становился царством томных взглядов, осторожных рукопожатий, а позже свиданий и долгожданных поцелуев. Неделю спустя образовавшиеся пары покидали сад навсегда, а оставшиеся таяны надолго или насовсем теряли своих близких друзей, и «Сад Любви» на некоторое время превращался в «Сад Плача». Плакали не только по исчезнувшим из жизни подругам, но и по не случившейся любви и не обрётённому счастью, хотя никто толком не знал, что оно есть такое.

До Дня Долгого Солнца, который Зеда впервые собиралась встретить в Западном саду, оставалось около десяти дней и ночей, и несчастная таяна сейчас рыдала не только от страха. Казалось, её жизнь кончилась, так и не начавшись – все её девичьи мечты о крылатом красавце, который прилетит за ней в Западный Сад и заберёт навсегда от царивших там суеты, сплетен и вражды, разбились, как обронённая капля росы, от которой в солнечный день вмиг не остаётся и следа.

Зеда скорее почувствовала, чем услышала, что над ней кто-то склонился. Она мгновенно выпрямилась и задрала голову – на неё смотрели ничего не выражавшие глаза белокурого, необычно высокого таянца. От неожиданной удачи лицо Зеды просияло. Она торопливо встала и затараторила, перепрыгивая с одной мысли на другую.

- Я из Западного Сада. Там случилось несчастье. Я повредила крыло. Не могу вернуться. Там умирает моя подруга, а может, и множество моих подруг. Пожалуйста, поднимись в сад, скажи им, что со мной случилось, и помоги раненым. Я знаю, тебе нельзя появляться в Западном Саду до долгосолнечного дня. Но ведь, похоже, у нас нет выбора.

Странное дело, но незнакомец, казалось, никак не реагировал на её сбивчивую речь. Он продолжал смотреть на неё теми же бесстрастными и, как показалось Зеде, пустыми глазами. От отчаяния она перешла на крик.

- Что же ты замер, как притворившийся мёртвым жук! Ты мужчина или нет! Я же не прошу отнести меня туда на руках, хотя, пожалуй, это было бы самым простым решением.

Быстрым и, как показалось Зеде, излишне резким движением, незнакомец вдруг сгрёб её в охапку и рванул с места. Воображение Зеды, впервые в жизни оказавшейся в крепких мужских объятиях, вспыхнуло и запестрило идиллическими картинками будущего: он отнесёт её в Западный Сад, бережно положит на лепестки цветка и, ничего не сказав на прощание, лишь обожжёт влюблённым взглядом. Потом он исчезнет, но в День Долгого Солнца прилетит за ней и заберёт в благоухающий сад её мечты, где она навсегда забудет о Маре и Диозе, и об их, как оказалось на поверку, совсем не невинных распрях.

Ощущение неправильности происходящего вырвало Зеду из царства грёз, и она тут же поняла почему. Её спаситель стремительно двигался, но не вверх к её саду, а прочь от него к далёким холмам. А самым жутким было то, что он не летел, а бежал. От удивления Зеда расширила глаза – может, у него тоже повреждены крылья? Она бросила взгляд туда, где те красовались у всех таянцев – но там ничего не было. Ужас накрыл Зеду колючим одеялом. «Он не таянец!» - пронеслось у неё в голове. Тогда кто же? И куда он её несёт?

Глава 6

Бегущие по следу

Уже вторые сутки воины рыскали по лесу в поисках беглецов. Приказано было взять их живыми. Никто из выполнявших приказ не знал, да и не думал даже о том, что ждёт убийцу воина и его никчёмного брата.

Поиски возглавлял Аделон, один из самых яростных предводителей. Начальство одновременно и ценило, и побаивалось его. Он был совершенно непредсказуем: жестоко расправившись с врагом, Аделон мог скрыться в чаще леса и не появляться в лагере до следующей вылазки в деревню или стан врага. Поначалу его сурово наказывали, но когда с момента его появления в отряде солнце во второй раз оказалось в зените, здравый смысл восторжествовал и его оставили в покое – толку в бою от него было больше, чем от десятка других, а практиковавшиеся в армии наказания нередко выводили воинов из строя на несколько дней, а то и на четверть лунного круга.

Никто не знал, где пропадает и чем занимается Аделон всё это время. Поговаривали, что он совершает набеги на соседние деревни в одиночку, забавы ради. Однако позднее подтверждения этому не находили ни в одной разграбленной деревне. Во всяком случае, если схваченные жители и узнавали Аделона, они об этом молчали.

Многолетняя война научила киянцев множеству хитростей. Например, для общения на расстоянии они имитировали звуки природы – этому обучались с первых дней появления в отряде. Все умели подражать стрекотанию кузнечика и жужжанию шмеля или пчелы. Такая сигнальная система работала тогда, когда им приходилось прятаться в травяных зарослях на полянах. В лесу же уместнее было подражать писку комара или пению птиц. Первое было незаменимо на небольших расстояниях, а голоса пернатых – прежде всего коноплянки – наполняли лес, если киянцы находились далеко друг от друга. Впрочем, делать это виртуозно умели далеко не все. Именно поэтому Аделон разделил воинов на группы по три-четыре человека так, чтобы в каждой было хотя бы по одному умелому пискуну и щебетуну. Он сам владел первым искусством в совершенстве, частенько доводя своих собратьев до иступления:

Комары не так уж часто нападали на киянцев – запах лесных думанов не очень привлекал кровососов. Кроме того, в лесу было изобилие куда более полнокровных и безобидных жертв. Те источали резкий кисловатый запах, который почему-то очень нравился комарам, и их рой тут же слетался на несчастных животных. Тем не менее, появление комара всегда означало смертельную опасность для думана. Поэтому в снаряжение каждого воина входила специально обработанная паутина – она оставалась опасно липкой лишь с одной стороны. По сигналу тревоги, воины в мгновение ока облачались в паутинные плащи. Если самка комара решала кого-нибудь атаковать, её острый хоботок намертво прилипал к паутине, так и не успев её проткнуть. И всё бы хорошо, но снимать этот защитный наряд было делом очень сложным и неприятным – воины обычно начинали скатывать её с головы вниз, словно кокон с гусеницы, стараясь, чтобы липкая сторона ни в одной точке не соприкоснулась сама с собой, иначе паутина становилась непригодной для дальнейшего использования. Поэтому после сигнала «отбой» лес наполнялся разноголосыми проклятиями в адрес ненавистных насекомых.

Любимым развлечением Аделона было исчезнуть из лагеря до подъёма, спрятаться где-нибудь неподалёку, а затем надорвать мёртвую тишину, довольно часто царившую перед побудкой, резким смертоносным писком комара. Ничего не подозревавшие дозорные поднимали тревогу, и все молниеносно закутывались в паутину. Через пару мгновений воздух рассекал боевой клич кого-нибудь из заклятых врагов племени Ки. Воцарялась паника, во время которой каждый должен был принять нелегкое решение – умереть от укуса комара или от стрелы врага – второе, во всяком случае, было почётнее. И вот тут-то, пока паутинный мешок был скатан только наполовину и ещё скрывал в своих тугих объятиях ноги, из кустов появлялся Аделон в таком же точно мешке и с криком: «Если жизнь дорога, скачи на врага!» - проскакивал мимо воинов, скрежетающих зубами в бессильной злобе. Те, кто жаждали отомстить поиздевавшемуся над ними шуту, нередко бросались в погоню лишь для того, чтобы через два прыжка растянуться на земле под всеобщий хохот.

После очередного розыгрыша Аделон по своему обыкновению надолго исчезал в лесу. Когда к закату или восходу следующего дня он появлялся в лагере, никто уже не вспоминал о его проделках, тем более что паутины здесь всегда было в избытке, а обрабатывать её все мальчишки племени Ки умели с раннего детства.

Ещё рано утром Аделон отдал приказ прочесать лес, и сейчас воины были раздражены – за двое суток они отдыхали всего один раз, да и тогда времени им хватило лишь на то, чтобы напиться из ручья и забыться дурным сном на остаток ночи. Аделон поднял всех, как только первые заспанные лучи ошупью пробрались на поляну, и сомкнувшийся вокруг них дремучий

лес начал проявляться во мраке ночи сначала светлыми стволами, а затем и более изящными деталями своего убранства.

- Чёрта с два мы найдём этих двух мерзавцев в таком лесу. Нам и жизни не хватит, чтобы его прочесать, - злобно прошипел Гаст.

- И ради чего, - подхватил Хоб, - они и сами сдохнут здесь в два счёта, - он повернулся к Ластану. – Помнишь, как вчера ты сам едва не угодил в муравейник? А жаль, вот была бы потеха! – и Хоб весело заржал.

- Уж я бы позаботился, чтобы и ты не остался в стороне, - сплюнул тот.

- И что бы ты сделал? – зло ощерился Хоб.

- Все способы хороши, лишь бы не видеть твоей наглой рожи.

- Ты что, сопляк! – взвился Хоб, разворачиваясь к Ластану и нацеливая на него копьё. - Думаешь, если ходишь в любимчиках у Аделона, можешь распускать свой поганый язык?

- Хочешь меня убить? – усмехнулся Ластан. – Этого я не допущу – нарушится равновесие между выродками и думанами.

Разрезавший воздух камень мелькнул со скоростью молнии и, не успев ощутить вкус полёта, упал на землю, сражённый узким, но твёрдым лбом Хоба. Тот пошатнулся, но устоял. Глаза его налились кровью, и с диким рычанием он бросился на Ластана, одновременно метнув в него копьё. Тот ловко увернулся, и копьё вошло глубоко в стебель цветка. Послышался шум, который словно рухнул откуда-то сверху – огромная пёстрая птица, привлечённая криками и суетой киянцев, стремительно приближалась к задравшим от неожиданности головы воинам.

Гаст, увлечённо следивший за потасовкой, грозившей перерасти в смертельную схватку, последним обратил внимание на чёрную тень, расползавшуюся по поляне.

Разноцветный шатёр на какое-то мгновение накрыл всех троих, а затем лес потряс дикий вопль, который исторгает любое живое существо, если успевает осознать, что смерть неизбежна. Подброшенное вверх тело Гаста мелькнуло в воздухе, прежде чем навсегда исчезнуть в клюве чудовищной птицы.

По всей видимости, та была не сильно голодна, потому что тут же тяжело взлетела и исчезла где-то за густыми кронами деревьев.

Хоб, на которого гибель соплеменника не произвела никакого впечатления, резко развернулся к Ластану, ошестинившись и выставив вперёд здоровенные кулаки. Увидев бледное лицо противника, он расплылся в едкой улыбке и прошипел:

- Теперь мы один на один, а муравейники в лесу на каждом шагу – никто и не узнает, что в один из них ты попал уже мёртвым.

Подобрав остроконечную щепку и держа в другой руке каменный нож, Хоб двинулся на Ластана. Тот молниеносно выхватил свой нож и резким движением отсек крючковатый шип от росшего тут же куста репейника. Теперь и его левая рука ошестинилась оружием.

Они медленно сходились, стараясь угадать и предупредить первый удар противника. Сейчас они стояли друг напротив друга: каждый и мысленно, и зрительно оценивал другого. Ластан славился своей сверхъестественной реакцией, в то время как на стороне Хоба было преимущество в весе и силе. Чтобы остаться в живых, Ластану надо было выжидать, рассчитывая на нетерпеливость Хоба, а затем, ловко увернувшись от удара, нанести ответный с совершенно неожиданной стороны. Обделённый живым умом, Хоб, однако, понимал, что ему надо любой ценой втянуть противника в рукопашный бой – тут ему не было равных.

Не видя никакой возможности воспользоваться своим преимуществом, Ластан начал осторожно отступать, мимоходом оценивая потенциальную пользу от всего, что попадало в поле его бокового зрения. Ему не пришлось долго ждать. Сделав ещё один шаг назад, он едва уловил взглядом свешивающуюся высоко над ним плеть какого-то выщегося растения. Бросив шип, Ластан подпрыгнул с такой силой, будто взлетел, и на излёте сумел-таки ухватиться за лиану. Взметнув ноги, он со всего размаха ударил противника по голове. От

сокрушительного удара ноги у Хоба подкосились, и он тяжело рухнул на землю. Отпустив лиану, Ластан обрушился на поверженного противника и уже занёс над ним нож, когда понял, что попался на хитрость – Хоб был в полном сознании, и по его лицу блуждала улыбка убийцы. Одним ударом кулака он разбил Ластану пальцы, и нож безжизненно упал на землю, едва чиркнув Хоба по коже.

- Какой же ты дурак, если подумал, что твой жалкий удар смог вышибить из меня мозги. Может, у меня их и мало, но тебя они в этот раз переиграли.

Говоря это, Хоб выкручивал Ластану единственную здоровую руку. Он всё сильнее наваливался на уступавшего ему в весе киянца, наслаждаясь его беспомощностью, отчаянием и болью.

В тот миг, когда Ластан был почти подмят противником, и тот слегка распрямился, чтобы нанести последний удар, что-то просвистело в воздухе и воткнулось Хобу прямо в сердце. Это было копьё Хоба, которое по прихоти судьбы повергло своего хозяина вместо его врага.

Измученный Ластан резко обернулся. За зелёным озерцом росшей неподалёку кислицы стоял Ленвел и пытливо смотрел на него. Ластан легко прочёл в его взгляде вопрос: «И что теперь? Мне бежать от тебя или...?»

Ластан поднялся и, перешагнув Хоба, сделал шаг в сторону Ленвела, но тот тут же попятился. Тогда первый остановился и крикнул:

- Я и весь отряд Аделона посланы, чтобы схватить тебя! Но неужели ты думаешь, что думан, обязанный тебе жизнью, посмеет предать своего спасителя?

- У воинов на этот случай нет закона. Приказ должен быть выполнен любой ценой, а предательство... кто вообще из твоих друзей отличает его от преданной службы?

Ленвелу показалось, что Ластан горько усмехнулся.

- Я не знаю, зачем ты вмешался в отбор воинов. Сколько себя помню, он всегда проходил так – жестоко, но справедливо. Этот слабак всё равно бы погиб в первом же бою.

- Этот слабак – мой брат, который так хотел быть со мной, что чуть не поплатился за это жизнью.

Взгляд Ластана потеплел.

- Так вот оно что, - он задумчиво посмотрел на Ленвела, а потом резко бросил. – Тогда хватай своего брата и беги в сторону заходящего солнца. Там на сколько хватает глаз простираются благоухающие сады. Аромат такой силы, что одурманивает за несколько вдохов. Но если вы наденете маски из пуха тополя, который в избытке растёт вдоль реки, прорезающей лес ближе к югу, то сможете их миновать, и окажетесь на земле кадасов. Внешне те мало чем отличаются от нас, разве что покрупнее и повыше. Поэтому не говорите никому, что вы киянцы – кадасы не любят чужаков.

Ленвел не верил своим ушам – за три года воинства он практически не сталкивался ни с чем, кроме неприкрытой враждебности, жестокости и тупости. А ведь этот воин всё это время был где-то рядом, но по прихоти судьбы их дороги ни разу не пересеклись.

- Я никогда этого не забуду, - Ленвел приложил руку к сердцу и на мгновение склонил перед воином голову. – Как твоё имя?

- Ластан.

Ленвел развернулся, и в мгновение ока исчез, будто растворился в воздухе. И буквально в тот же миг из воздуха материализовался Аделон.

- С кем ты разговаривал, Ластан? – настороженно оглядывая лес, спросил он.

- С ним, - Ластан кивнул в сторону поверженного Хоба.

- Какой смысл говорить с тем, кто тебе не может ответить? – удивился Аделон, которого, похоже, несколько не интересовали обстоятельства смерти Хоба.

- Не успел ему сказать всего при жизни, - бросил Ластан.

- Напрасный труд – он всё равно бы ничего не понял, - и Аделон презрительно сплюнул. – Хватит допрашивать мертвеца. Нам нужно двигаться ещё быстрее, иначе мы не успеем схватить Ленвела до рассвета, и тогда он наверняка уйдёт.

- Ты знал его? – будто бы между прочим спросил Ластан.

- Пересекались пару раз. Он неплохой воин, только одиночка.

Говорящий взгляд Ластана заставил Аделона продолжить.

- Да, ты прав, этим мы с ним похожи. Но, одно дело предпочитать своё общество любому другому, - и Аделон многозначительно поднял брови, что на его обычно не выражавшем никаких эмоций лице выглядело довольно комично. Однако это живое выражение почти тут же уступило место прежней суровой маске, – и совсем другое – противопоставлять себя племени и его законам.

- Послушай, - Ластан старался придать своему голос побольше естественности, как будто мысль, которую он собирался высказать, пришла ему в голову только сейчас, - а может быть, этот парень – ну тот, которого он спас, - его брат?

- С чего это ты взял? – нахмурился Аделон.

- Не знаю, само пришло в голову. Просто я подумал, что, если бы моего брата убивали у меня на глазах, я бы сделал то же самое, что и этот, как его?

- Ленвел, - договорил за него Аделон, и было видно, что эта мысль не показалась ему вздорной.

Некоторое время он молчал, жуя сорванную травинку - он всегда так делал в моменты особенного напряжения мысли – а потом резко нагнулся и, посмотрев на Хоба, хмуро сказал:

- Нам всё равно этого не узнать, пока мы их не схватим. А этого всё же надо похоронить. – он пнул ногой мёртвое тело. - Давай, у нас мало времени. Там, - указал он рукой, - есть сносный муравейник.

- Угу, - стиснув зубы, промычал Ластан, незаметно вправляя сустав выбитого ударом Хоба пальца.

- А где третий? – вспомнил Аделон про Гаста.

- Птица, - беспомощно развёл руками Ластан.

Глава 7

Катала

Лиль приходила в себя тяжело и долго. Ещё несколько дней назад, продираясь сквозь спутанное сознание, она всё-таки с трудом приоткрыла глаза, но, так и не сумев сложить в картинку расплывчатые образы, что окружали её в зримом пространстве, снова забылась нездоровым сном. После этого было ещё несколько неудачных попыток, и вот наконец сегодня глаза, похоже, нашли в себе силы сфокусироваться на окружающей действительности. Сначала Лиль увидела совершенно белое небо, но по мере того, как сознание возвращалось и мысли начали вновь рождаться в её голове, таяна поняла, что это не небо, а необычно расположенный лепесток белого цветка, только, странно, он казался совсем безжизненным, твёрдым и сухим.

«Я в увядшем цветке!» - с ужасом подумала она – проснуться в увядшем цветке считалось у таян дурным знаком, предвещавшим близкую смерть. От суеверного ужаса Лиль дёрнулась, чтобы встать, но, не найдя в себе сил, рухнула обратно на своё ложе и тут же услышала чьи-то радостные возгласы. Казалось, совсем близко кричали маленькие дети.

«Откуда в нашем саду дети?» - отрешённо подумала она. Но тут ей пришло в голову, что, может быть, по чьей-то доброй воле вопреки традициям младшим братьям и сёстрам

разрешили навестить старших. Превозмогая боль во всём теле, Лиль с трудом села и из последних сил выкрикнула дорогие сердцу имена: «Миль! Свел!»

То, что она различала сейчас перед собой, повергло её в смятение – она не была в увядшем цветке, она вообще была не в цветке. Она полусидела на толстой подстилке, лежащей на каменном полу, а вокруг неё прыгали и кричали крошечные существа. Их можно было бы принять за маленьких таянцев, если бы не одно обстоятельство – ни у одного из них не было крыльев.

- Оснулась! Оснулась! – разобрала она в их возбуждённых возгласах слово, произносившееся с каким-то нажимом, как будто им было трудно говорить.

- Ма! Ма! Ходай скоро! Катала оснулась!

Где-то в глубине дома стих грохот, доселе смешивавшийся с криками детей, и слышались быстрые, тяжёлые шаги. Вскоре в комнату вошла бескрылая и очень большая думана. Она была примерно вдвое выше Лиль и во столько же раз шире её в плечах.

- Оснулась, - повторила она то же самое слово, только в отличие от детей, тон был совершенно будничным, даже деловой. И это тут же подкрепилось действиями. Она резко шагнула к Лиль, взяла её за руку и дёрнула с такой силой, что бедная таяна слетела с постели, как сухой лепесток слетает с цветка от внезапного порыва ветра. Однако ноги Лиль не были готовы держать её хоть и похудевшее тело. Они подкосились, и она повисла на руке у незнакомки. Та громко фыркнула и одним сильным движением швырнула её обратно на подстилку. От унижения из глаз Лиль брызнули слёзы – так с ней не позволяли себе обращаться даже прихвостни Диозы. Диоза! Дивный куст! Война! Всё в миг пронеслось перед глазами Лиль одной жуткой цепочкой роковых событий. Она вспомнила ту страшную битву, исступление, с которым они сражались друг с другом и А дальше была пустота. Последнее, что она помнила, это – рыжеволосая таяна – из-за облаков пыльцы лица она разобрать не смогла – которая дубасила её, как и чем могла. И она, Лиль, похоже, отвечала тем же. О Небо! От очередного удара она наверняка потеряла сознание и упала с куста на землю. О Солнце! Она в Нижнем Мире, в том самом, о котором испокон веков слагались страшные легенды.

Лиль сжалась на постели, а бескрылая думана, обращаясь к детям, сказала недовольным голосом:

- Оснулась-то оснулась, да не вытолкать её.

Где-то что-то громко скрипнуло, слышались новые, ещё более тяжёлые шаги, и вскоре в комнату вошёл крупный думан, по всей видимости, хозяин дома. Как и его жена, он был широк в плечах, но чуть ниже её ростом. Галдѣж детей сразу прекратился, и они с некоторой опаской покосились на отца.

- Глажу, катала осозналась. Веди её на травяну – будем гладеть, можно ли её вытолкать. Ели не, прибѣм, - сказал он жёстко.

Бескрылая думана схватила Лиль за руку, снова сдёрнула её с постели, словно пришедшую в негодность простыню, и, не оглядываясь, потащила за собой. Галдя и перегоняя друг друга, за ними побежали дети, и, замыкая шествие, неспешно зашагал хозяин дома.

Из-за слабости в ногах Лиль едва поспевала за женщиной. Из недавнего разговора той с мужем она поняла только последнюю фразу. Наверное, это была плохая шутка, или же слово «прибѣм» имело у этого народа совсем иной смысл. По телу таяны пробежала нервная дрожь, а голову заполонили не оформленные в мысли, дурные предчувствия.

Тем временем, они преодолели два больших помещения внутри дома и задержались на мгновение ещё в одном - поменьше. Оно было залито солнечным светом, и здесь бескрылая думана намотала себе на руку длинную, тонкую, но с виду крепкую верёвку. Она была сплетена из лоскутков лыка и на одном конце заканчивалась петлёй.

Через небольшой проход они вышли на поляну, поросшую такой низкой травой, что она доставала Лиль всего лишь до колен. Здесь её тут же окутало солнечное тепло и, умытая свежим, прохладным воздухом, она немного приободрилась. «Уловить мгновение и лететь прочь!» - мелькнула в голове первая ясная мысль.

Незнакомка между тем резко нагнулась и, бесцеремонно схватив Лиль за ногу, в мгновение ока набросила на её ступню петлю, которую тут же туго затянула на щиколотке. От боли Лиль взвизгнула и инстинктивно отдёргнула ногу – женщина, всё ещё державшая верёвку, потеряла равновесие и чуть не упала лицом вниз.

Новая резкая боль в затылке заставила таяну обернуться – позади стоял глава семьи и смотрел на неё налитыми кровью глазами, а его тяжёлая рука, только что отведённая от её головы, ещё источала остатки его свирепости. Между тем боль от затылка распространилась по всей голове и запульсировала в висках.

- Важи дале! – гаркнул он на жену. На ходу разматывая верёвку, та двинулась к плетённому забору, который тянулся вдоль лужайки перед домом. Дойдя до столба, она крепко обвязала вокруг него конец верёвки, а оставшийся моток бросила на землю.

Хозяин, всё это время стоявший позади Лиль, нагнулся и согнутой в локте рукой ударил её под колени, одновременно толкнув в спину. Не удержавшись, таяна упала, успев упёреться руками в землю.

- Седайте! – крикнул он совершенно неожиданным, добродушным голосом. Оказывается, этот призыв предназначался детям. И вся ватага, налетев на Лиль, начала карабкаться ей на спину.

- Крылки не уломите! – крикнул он, хохоча от казавшегося ему забавным зрелища.

Лиль поймала себя на мысли, что язык этих думанов не так уж сложен для понимания. Он звучал как исковерканный язык таянцев.

Детей было пятеро, и, когда пятый начал забираться вслед за братьями и сёстрами, спина Лиль не выдержала. Как можно мягче, не желая повредить детям, она легла плашмя на землю и зажмурилась, ожидая новых ударов хозяина. Однако на этот раз в мужчине заговорил разум – он отвёл троих ребят постарше в сторону и снова заставил Лиль встать на четвереньки.

Сейчас вес не был невыносимым. Крамольная мысль взлететь вместе с детьми и улететь прочь мелькнула и угасла, словно не родившая пламя искра – Лиль вспомнила о петле на ноге. Думать о побеге теперь было незачем. Наверное, лучшее, что сейчас можно было сделать, это стараться вести себя так, чтобы избежать дальнейших побоев. А там, очень хотелось в это верить, она что-нибудь придумает – ведь не будут же они вечно держать её на привязи.

Грозный голос хозяина вырвал её из потока мыслей. Судя по тону, он обращался к ней. Лиль повернула голову. Движение его руки не оставляло никаких сомнений – он указывал ей на небо, он требовал, чтобы она взлетела вместе с его детьми. Так вот почему они называли её каталой.

Лиль расправила крылья и заработала ими, изо всех сил молотя воздух. Ребятишки на её спине завизжали от поднявшегося ветра, страха и восторга. Ещё мгновение и катала оторвалась от земли и полетела над лужайкой.

Глава 8

Жизнь за жизнь

Взвалив на спину своего брата и не обращая внимания на острые сучья и торчавшие из земли корневища, Ленвел бежал по лесу на закат. Сейчас смеркалось, а значит, он бежал уже долго, и можно было надеяться, что сильно оторвался от преследователей. Он немного сбавил ход и только теперь ощутил едва уловимый, сладковатый аромат, разлитый в пряном воздухе леса.

По мере продвижения на запад, этот аромат всё явственнее вытеснял другие запахи, и вскоре приобрёл такую силу, что Ленвелу стало трудно дышать. Лес явно расступался, однако садов, о которых говорил ему Ластан, по-прежнему не было видно. И всё же, заполонивший весь лес пьянящий запах не оставлял никаких сомнений - он двигался в правильном направлении. Ощутив на какое-то мгновение слабое головокружение, Ленвел вспомнил совет Ластана – пора было смастерить маски. Он стал озираться в поисках упавших на землю соцветий тополя, но их нигде не было. Тогда Ленвел задрал голову - насколько хватало глаз, росли лишь дубы, буки да клёны. Наверное, он вышел из леса севернее, чем ожидал Ластан. Дышать тем временем становилось всё труднее, и казалось, вместо воздуха его ноздри и лёгкие заливало дурманящим зельем. Кастид, полулежавший-полувисевший у него на спине, вдруг зашёлся сильным кашлем – идти дальше без масок становилось опасно. Что же делать? Неужели тополиный пух нельзя ничем заменить? Ленвел знал множество растений, отправлявших свои семена в воздушное плавание под пуховыми зонтиками. Так почему обязательно тополь? Из памяти тут же всплыла картинка другого пухоносного растения, росшего в избытке вдоль леса, а особенно вдоль рек. Ленвел резко развернулся и из последних сил помчался в обратном направлении, туда, где губительный аромат ещё не так сильно разъедал лёгкие. Как только дышать стало легче, он осторожно уложил брата в глубокий мох и, развернувшись так, чтобы его правое плечо освещалось слабеющим светом заходящего солнца, бросился вперёд. Там, если верить Ластану, протекала река, а значит, можно было надеяться найти если не тополь, то хотя бы репейник или подобное ему растение.

Поиски быстро увенчались успехом – куст репейника рос на дальнем краю поляны. Карабкаясь по стволу, хватаясь за одни шипы и извиваясь словно червь, чтобы не налететь на другие, Ленвел добрался до увядшего цветка в форме корзинки, до отказа набитой пухом. Он уперся ногами в торчавшую прямо под цветоножкой толстую иглу и начал аккуратно собирать пух, время от времени похлопывая по нему ладонью. Уплотняя его таким образом, он превращал податливый материал в тонкую мягкую пластину. Киянец работал просто виртуозно и совсем скоро держал в руках две маски, к которым оставалось лишь прикрепить завязки - те он собирался сделать из висевшей тут же на кусте тончайшей паутины.

Он спустил заготовки на землю и набрал полную пригоршню пыльцы в цветках фиалок, росших по соседству. Затем, работая одной рукой не менее проворно, чем двумя, Ленвел вновь вскарабкался на репейник. Он притаился за листом в ожидании хоть какой-нибудь букашки, которая по недомыслию угодит в паучий капкан – для того, чтобы украсть несколько липких нитей, надо было отвлечь всё внимание паука, и момент, когда он будет занят своей жертвой, подходил для этого как нельзя лучше.

Ждать пришлось недолго. Крохотный мотылёк забился в липкой сети, каждым судорожным движением крылышек прокладывая дорогу к своей гибели. Паук, прятаясь под листом, тут же показался на паутине. Он на мгновение замер, будто бы оценивая свой улов, и не спеша отправился к жертве, чтобы закутать её агонизирующее тельце в липкое одеяло, а затем вонзить жало с ядом и удалиться на время, пока еда не будет готова для роскошного пира. Ленвел расположился поудобнее – можно было и ему передохнуть.

Прошло некоторое время, и вот паук засеменил по своей паутине на обед. Как только пиршество началось, не теряя ни мгновения, Ленвел щедро осыпал пыльцой нескольких нитей у самого основания и, взявшись за их теперь не липкие концы, резко потянул. Добрый кусок паутины оторвался от кружева и заколыхал в воздухе обрывками. Обед паука был в самом разгаре и, даже если тот и заметил киянца, он не стал бросать реальной жертвы ради возможной.

Получив абсолютную свободу действий, Ленвел стал аккуратно сматывать оторванную паутину, пересыпая её пыльцой, оставляя самые кончики нетронутыми. Ещё несколько мгновений потребовалось, чтобы прыжками с листа на лист добраться до самого нижнего.

Наконец, обхватив ствол одними ногами, то и дело упираясь пятками в преграды в виде шипов, он благополучно соскользнул вниз.

Сидя на земле, Ленвел разделил свою добычу на четыре равные части. Затем с двух сторон закрепил на каждой заготовке липкие концы нитей – будущие завязки – и принялся поочередно разматывать паутинки каждой из них. Полученные тончайшие верёвочки он перекрутил для прочности между собой, так что вскоре у него в руках оказались две отменные маски с крепкими завязками. Закрыв одной из них нос и рот и скрепив узлом концы завязок на затылке, он бросился к месту, где оставил брата.

Кастид лежал с широко распахнутыми глазами. Ленвел склонился над ним, собираясь надеть маску, и только в этот миг заметил обезумевший от ужаса взгляд брата, который был направлен куда-то поверх его головы. Запрокинув лицо, Ленвел тут же встретился глазами со здоровенной змеей, свесившейся с дерева и, видимо, решавшей вопрос, достаточно ли она голодна для того, чтобы покинуть весьма удобное висячее положение и плюхнуться на землю.

Крепко обхватив брата руками, Ленвел буквально вырвал его из-под носа нерасторопной гадины и словно юркая ящерица метнулся в сторону. Змея, так и не поняв, что произошло, продолжала тупо смотреть в то место, где только что отдавал теплом и ароматом вкусный обед.

- Я уже было смирился со своей участью, - с трудом выговаривая слова, прошептал Кастид.
 - Ну уж нет, братец! Не для того мы с тобой сбежали от извергов, чтобы быть сожранными змеей.

Из-за маски слова прозвучали так глухо, что Кастид ничего не расслышал.

- Зачем ты в маске? – наконец сфокусировавшись на лице брата, проговорил он. Не говоря ни слова, тот надел на Кастиду точно такую же и, наклонившись к самому уху, прошептал:

- Дурманный сад. Мы должны пробраться сквозь него, тогда мы спасены – воины не рискнут следовать за нами, они не станут вторгаться во владения кадасов.

- Кадасы? Кто это? – не понял Кастид.

- Это народец чуть покрупнее нас, который обосновался за садами.

- Они не такие, как киянцы? – с надеждой в голосе спросил Кастид.

- Будем в это верить, - ободряюще ответил Ленвел, хотя вопрос, озвученный братом, мучил его с тех самых пор, как он бросился бежать за заходящим солнцем в страну кадасов. Что, если кадасы ничем не лучше киянцев? Что, если у них царят такие же жестокие нравы? Что, если, высвободившись из одних сетей, они угодят в другие? Но похоже, выбора у них не было. Страна кадасов сейчас была той неизбежностью, которую приходилось принять, а дальше действовать сообразно с новыми обстоятельствами.

Не говоря больше ни слова, Ленвел осторожно поставил брата на ноги. Ноги Кастиды тут же задрожали от напряжения, и по его телу пробежала судорога боли. Не опасаясь теперь едкого воздуха, старший вновь водрузил младшего на спину и медленно зашагал в сторону садов.

Они уже подходили к тому месту, где Ленвел в первый раз почувствовал дурноту, когда его слуха достиг столь знакомый звук летящей стрелы. Он инстинктивно присел, дав дорогу короткой, толстой стреле, которая просвистела над их головами, едва чиркнув по волосам. В следующее мгновение он рухнул в траву и затаился, но тут почувствовал, как ступня его правой ноги легко вошла в землю по самую щиколотку. «Кротовая нора!» - пронеслось у него в голове. Легко высвободив ногу и уповав на то, что это заброшенный ход или хозяин охотится на другом уровне, Ленвел опустил Кастиду на землю и, приложив палец к губам, кивком головы указал ему на вход в подземелье. «Сам сможешь?» – одними глазами спросил он брата. Тот кивнул и начал быстро углубляться в кротовину, благо, как и положено, за исключением небольшой вертикали у самого выхода все её извилины располагались практически параллельно поверхности земли.

Вскоре Кастид исчез в лесной почве по самый затылок.

«Береги маску», - жестом показал ему Ленвел и что было сил пополз прочь.

- Вылезай, гнида! – услышал он голос почти рядом с собой, когда расстояние между ним и братом измерялось уже сотней шагов. Он резко метнулся в сторону, чтобы направлением своего движения не выдать местоположение Кастида.

- Вылезай, иначе, как только найду, вышибу тебе мозги, несмотря на приказ взять живым! – рявкнул тот же голос, но уже на некотором расстоянии. Решив, что брат в относительной безопасности, Ленвел встал во весь рост, вытянув руки вперёд ладонями вверх в знак того, что он не собирается сопротивляться и молит о пощаде.

- Где второй? – грозно спросил всё тот же голос, принадлежавший воину, который, наконец, предстал перед Ленвелом. Это был здоровенный детина с непропорционально маленькой головой, которая покоилась на толстой шее. Ленвел знал его в лицо, но не помнил имени.

- Я бросил его, - как можно небрежнее крикнул Ленвел сквозь маску.

Неожиданно верзила разразился громким хохотом.

- Жаль, здесь нет Аделона, - давился он словами сквозь смех. – Этот придурок Ластан вообразил, что ты спасаешь брата, и наш мягкотелый командир поверил, – его ржание сотрясало всё его несообразно большое тело. – Конечно же, ты бросил его. Какой идиот будет столько бежать по лесу, таща на себе никому не нужный мешок с костями! Эй, Бетис, Гадлен, сюда! Живо! Я нашёл дезертира! Брата он спасал, как же! Свою шкуру от воинства спасал, предатель, - и здоровяк смачно сплюнул.

Через несколько мгновений из-за кустов с двух разных сторон показались двое, по всей видимости, Бетис и Гадлен. Последнего Ленвел знал не понаслышке.

- Сколько закатов и восходов! – дико сверкая белками глаз, произнёс тот, подходя к Ленвелу сбоку. – Похоже, мне удастся поквитаться с тобой, не таким, как все, - и он достал из-за пояса нож. – Это ведь от тебя здесь такой смрад, - он поморщился, резко вытолкнув ноздрями воздух.

- Его нельзя трогать! – рявкнул тот, что звался Бетисом, – приказ главаря!

- Главарь в лагере, а мы здесь, - прошипел Гадлен, приближаясь к Ленвелу.

- Но здесь Аделон! Из-за тебя у нас будут большие неприятности.

- И кто же ему расскажет? – Гадлен повернулся к Бетису, и взгляд его был красноречивее всяких слов. – Туб, ты ведь подтвердишь, что Ленвел оказал нам сопротивление, путив в ход нож?

- Так и было, - сказал верзила и опять заржал.

- А что скажешь Аделону ты, Бетис?

Говоря это, Гадлен резко повернулся к соплеменнику, недвусмысленно наставив на него острие своего ножа. Этот момент нельзя было упускать: метнувшись к противнику, одним ударом ноги Ленвел выбил из его руки нож и, обхватив сзади, повалил за собой в траву. Не обременённый большим умом, но меткий Туб тут же выпустил в них стрелу. Та, перепутав в суматохе цель, пробила правую руку Гадлена и пригвоздила её к земле, заставив того разжать кулак и отпустить нож, который, не успев затеряться в траве, был подхвачен Ленвелом. И вовремя, потому что с двух сторон к нему уже подступали оставшиеся невредимыми воины.

Едва Ленвел успел вскочить, как над ним раскрылась противокомариная сеть, в военное время служившая киянцам дополнительным оружием. Прыжок с переходом в кувырок через голову позволил ему увернуться от сети, но при этом он попал прямо под ноги Тубу, который недолго думая, со всего размаху, огрел Ленвела кулаком по голове, мгновенно лишив сознания.

- А ты прав, Гадлен, он и впрямь смердит, - заметил Туб, резко втянув ноздрями воздух. Больше он ничего не сказал, поскольку лес вдруг поплыл у него перед глазами, и огромный Туб, словно подкошенный, упал прямо на Ленвела, целиком накрыв того своей тушей. Удивлённый Бетис присел и, оказавшись в траве по самый нос, стал озиаться вокруг,

уверенный в том, что Туба атаковали сзади. Но насколько хватало глаз, никого не было видно. И тут он услышал отдалённый хруст ломающихся под ногами сухих листьев и веток, и в то же мгновение успел различить в глубине леса две фигуры, бегущие в его сторону. Он инстинктивно протянул руку к колчану, висевшему за спиной, и уже выдернул стрелу, когда узнал в бегущих Аделона и Ластана.

Бетис выпрямился и крикнул, и тут же тишину взорвало хлопанье крыльев вспорхнувшей стаи оранжевогрудых зарянок.

- Сюда! Сюда! Мы схватили его! – он скосил глаза на тело Туба, которое своим весом намертво прижало Ленвела к земле, и исправился, - Туб схватил его! – подумал ещё и тихо изрёк, - погрёб его ... то есть, он погребён под Тубом.

Пока Бетис подыскивал слова, чтобы отрапортовать начальству о сложившейся ситуации, Аделон и Ластан уже сидели на корточках возле Туба и пытались стащить его обмякшее и отяжелевшее тело с Ленвела. Оба были в пуховых масках.

- Я же приказал вам не идти дальше зарослей тростника, - рявкнул Аделон, сверкнув глазами в сторону Бетиса. И хотя через маску звук пробивался ослабленным, тот понял, что командир взбешён.

- Надеть немедленно! – прорычал Аделон, бросая Бетису две точно такие же маски и указывая рукой на раненого Гадлена.

- Мы увлеклись погоней, - пробормотал, оправдываясь, первый, путаясь в завязках, поочерёдно водружая маски на себя и Гадлена. Тем временем Ластан повязал ещё одну на Туба. Пока Бетис сбивчиво рассказывал о том, *как* всё произошло, Аделон и Ластан развели небольшой костёр и принялись «колдовать» над Гадленом.

- Так ты говоришь, он давным-давно бросил в лесу спасённого им воина? – мрачно уточнил Аделон. Он взглянул на Ластана и, грустно усмехнувшись одними глазами, сказал:

- Как хочется ошибиться в думанах – хоть раз подумать о них хуже, чем они есть на самом деле!

Грусть тут же слетела с его лица, уступив место жёсткой поперечной складке на лбу:

- Чувь всё это, наивная чувь. Не брата он спасал, а шкуру свою. Ещё один наложивший в штаны дезертир, - и Аделон бросил презрительный взгляд в сторону не приходившего в сознание Ленвела. – Если б не приказ, пришили б его здесь – слишком высокая честь для этой мрази, тащить её в лагерь, - он перевёл хмурый взгляд на Бетиса.

- Отправляйся на север, найдёшь Сулана. Пусть передадут по цепочке, что беглец пойман, и возвращайтесь в лагерь..

Когда Бетис исчез за кустарником, Ластан открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь в защиту Ленвела, но прикусил язык. Может ли быть, что его спас дезертир? Что, если Ленвел обманул его? Ведь Ластан не видел его брата, он просто поверил беглецу на слово. Сейчас вся сцена с Хобом вновь предстала перед его мысленным взором. Он вглядывался в лицо Ленвела, стараясь припомнить хоть что-то, что выказало бы его неискренность. Но нет, чутьё упрямо настаивало на том, что всё, что он говорил, было правдой. К тому же киянцы с таким внутренним стержнем никогда не дезертировали – им была чужда трусость. Он не мог припомнить ни одного подобного случая – такие, как Ленвел, предпочли бы смерть в битве позорному бегству.

- Я сейчас вернусь, - бросил Ластан Аделону, сделав вид, что отправляется по нужде, и нырнул в траву – если Ленвел успел спрятать брата, поняв, что их обнаружили, тот не может быть далеко. Отойдя немного, Ластан остановился. Он лихорадочно соображал, где бы сам спрятал раненого брата, не имея в распоряжении лишнего мгновения, окажись он на месте Ленвела. Просто в траве? А где же ещё? Не мог же он успеть выкопать ему укрытие в земле. Тут Ластана озарила новая мысль. Зачем же копать, когда в лесу полно самых разнообразных подземных ходов – кротовин, мышиных и змеиных нор. Последние отпадают. Он посмотрел

под ноги: то тут, то там земля была заметно приподнята – здесь поработал крот, и не один. Что ж, надо искать входы. Киянец пошёл вдоль внешней стороны свода подземного туннеля.

- Ластан! – раздался заметно раздражённый голос Аделона, - где ты пропадаешь?

Ластан раздосадовано пнул ногой землю и бросился на зов.

Когда он вновь вынырнул из травы, его глазам предстала следующая картина: руки Ленвела были связаны за спиной, а вокруг шеи была затянута петля, которая, однако, не мешала тому свободно дышать.

- Если споткнётся, ему конец, - заметил Ластан с деланным безразличием. Он избегал сейчас смотреть Ленвелу в глаза.

- Хочет прожить ещё пару дней, не споткнётся, - бросил Аделон, наматывая другой конец верёвки на руку. – Сибул не любит дезертиров. Помню, в прошлом году от такого же ублюдка, как этот, - он скосил глаза в сторону пленника, - он не оставил ничего кроме волос – у того была густая шевелюра, и Сибул счёл материал полезным для луков и перетяжек в лесу, да и верёвки, говорят, получились неплохие.

Ластан украдкой взглянул на Ленвела, но тот смотрел куда-то в сторону и был крайне напряжён, как будто к чему-то прислушивался. Ластан напряг слух, но ничего не услышал.

- Аделон, что-то с животом, я мигом, - соврал он снова и бросился туда, куда мгновение назад так озабоченно глядел схваченный ими киянец.

Неотрывно глядя себе под ноги, Ластан пробежал расстояние с десятков прыжков кузнечика. Вдруг он услышал непонятный шум – то ли шорох, то ли барахтанье. Он остановился и осторожно пошёл на звук. Ещё издали он увидел торчащую из земли голову, а затем из кротовины с трудом высвободились и руки.

Ластан сразу понял, что брат Ленвела не сможет оказать ему никакого сопротивления – тот был слишком слаб. Цепочка дальнейших событий пронеслась в его голове вереницей сменяющих друг друга картинок: он несёт ослабевшего воина и кладёт его перед Аделоном, одновременно требуя от Ленвела объяснения его поступка в лагере. Тот говорит, что вмешался в ритуал, потому что спасал от смерти родного брата. Ластан просит Аделона отойти с ним на пару слов и предлагает отпустить обоих пленников с условием, что те навсегда покинут пределы родной земли и уберутся через сады на чужбину. Аделон отвечает, что не может их отпустить. Для этого у него есть две веские причины: во-первых, по законам воинства Ленвел в любом случае подлежит наказанию, а его брат умерщвлению, а во-вторых, у них три свидетеля – Бетис, Туб и Гадлен.

От досады Ластан схватил и вырвал с корнем целую пригоршню травы. Он прекрасно понимал, что вторая причина непреодолимее первой, и его наивный план уже умер, едва успев родиться.

Забрезжившей новой идее некогда было оформиться в здравую мысль. Поэтому всё, что происходило дальше, было подчинено одному наитию, которое, впрочем, зиждилось на изрядном опыте и мудрости.

Между тем Аделон осматривал своих горе воинов. Туб до сих пор лежал без сознания и этим страшно раздражал, поскольку солнце уже начало свой небесный спуск, а значит, у них оставалось всё меньше времени для передвижения в сторону лагеря. Гадлен сидел на земле, опершись о ствол молодого дуба, и ковырял в зубах основанием крошечной сухой травинки – рана его была обработана соком подорожника, который воины неизменно носили с собой во флягах, а затем засыпана золой из догоревшего костра и забинтована – а значит, руке ничего не угрожало, как, впрочем, и её хозяину.

- Ластан! – рывкнул Аделон, теряя терпение. Однако, ответа не последовало. Аделон прислушался, надеясь уловить шуршание травы или сухой земли под ногами воина. Напрасно - ни один звук, который мог бы сопровождать приближение думана, не потревожил лес.

- Укуси меня комар! С какой жратвы его так разобрало?! – выругался Аделон. – Ластан!!! Ты скоро там? – На этот раз ответом ему был лишь слабый выдох ветра в кронах деревьев.

- Гадлен, иди узнай, что там у него. Скажи, пусть поторопится - надо приводить в чувство Туба и убираться отсюда.

Гадлен пошёл в том же направлении, куда прежде убежал Ластан. Он продвигался вперёд, глядя по сторонам, то и дело выкрикивая имя пропавшего киянца. Наконец на островке низкой и редкой травы он увидел его – тот лежал на боку, к нему спиной, и не двигался. Гадлен едва успел удивиться и сделать ещё два шага, когда земля под его ногами зашевелилась. В последний миг перед тем, как погрузиться во тьму, он успел заметить две руки, взметнувшиеся из-под земли – они схватили его за башмаки из лыка и рванули вниз, да с такой силой, что через миг на том месте не осталось и следа от недавнего присутствия думана.

Затащив соплеменника поглубже в нору, так чтобы тот ещё не скоро мог выбраться, пятясь так быстро, как только ему позволяли силы и сноровка, Ластан добрался до пересечения с поперечным туннелем, который должен был привести его ближе к Аделону, Ленвелу и Тубу. Здесь он смог развернуться и теперь полз лицом вперёд, что было несомненно удобнее. Впервые в жизни Ластан, привыкший, как и все киянцы, ненавидеть кротов, которые портили ягодные поляны, а иногда, делая туннели прямо под домами, обрушивали целые улицы, был благодарен этому животному за такую качественную строительную работу. Туннелей было множество, они разветвлялись, разбегаясь в разные стороны, так что поляну, на которой сейчас сидели воины, можно было пересечь под землёй вдоль и поперёк. Теперь он ясно слышал, как ругался Аделон, понося его последними словами – земля прекрасно разносила звуки. Но этот гнев не беспокоил его так, как мучил один-единственный вопрос – есть ли выход из этого лабиринта где-нибудь рядом с Тубом.

На мгновение Ластан замер, вслушиваясь в то, что говорил Аделон. Из его речи, изобильно сдобренной бранью, явствовало, что Туб приходит в сознание, а это были плохие новости. Он заработал руками и ногами не хуже сороконожки и вскоре был совсем рядом с ними. Здесь в подземелье проникал рассеянный рыхлой землёй свет. Ластан задрал голову – о удача, чуть впереди белел просвет – выход на поверхность. Теперь оставалось ждать – ждать до тех пор, пока Аделон, отчаявшись и начав нервничать, привяжет Ленвела к дереву и, оставив его с Тубом, отправится на поиски двух других пропавших воинов.

К счастью, ждать пришлось недолго. Понося всех разом, Аделон наконец встал, сделал несколько кругов, очевидно, привязывая пленника к дереву, а затем отправился прочь с поляны. Действовать надо было молниеносно, иначе весь его рискованный план провалится.

Ластан вынырнул по пояс из норы и увидел рядом с собой левую руку Туба. Ещё один толчок руками, длинный прыжок, и вот он уже тащил Туба ко входу в нору, крепко держа того за ноги. Пребывавший в полузабытьи Туб, похоже, не собирался сопротивляться.

Ластан моментально погрузился в кротовину сам, но втащить за собой Туба оказалось ему не под силу – туша была слишком велика в поперечнике. Ластана заколотил озноб – неужели всё пропало? Но трудности, похоже, только раззадоривали его смекалку. По какому-то озарению сначала с трудом, а потом всё ловчее и ловчее он начал закидывать одну ногу Туба за другую, таким образом, вкручивая того в землю. Теперь дело пошло, и вскоре так ничего и не понявший бедолага был в земле по самые уши.

Ластан тут же отполз, ища ногами разветвление и, найдя его, мгновенно поменял направление и вскоре уже карабкался наружу из соседнего лаза. На всякий случай он взглянул на то, что торчало из норы – глаза Туба были плотно закрыты, похоже было, что он снова утратил связь с этим миром.

Не теряя больше ни мгновения, Ластан бросился к Ленвелу. Напрягшись всем туловищем так, что, казалось, сейчас лопнет покрывающая мышцы кожа, тот пытался если не разорвать,

то хотя бы ослабить верёвку, которая мёртвой хваткой впилась в его тело, распластанное по стволу тонкого дерева.

Ластан выхватил свой каменный нож и одним ударом перерубил верёвку, а затем разрубил узел, связывавший пленнику руки.

- Пригнись! – скомандовал он движением руки и кивком головы позвал того за собой.

Их бег через поляну отличался от полёта лишь тем, что иногда они всё-таки пускали в дело ноги, но, едва оттолкнувшись, продолжали лететь низко над землёй.

На месте, где Ластан оставил Кастида, надев на него свою хитиновую броню, лежала лишь последняя. Недалеко от поверхности уже были слышны стоны выкарабкивающегося из земли Гадлена.

- Твой брат должен быть в дальних зарослях папоротника, - шепнул он Ленвелу, махнув рукой в южном направлении, - только разбей мне лицо на прощание.

Ленвел поморщился, но, подобрав с земли острый камень, резанул им Ластана по щеке, а второй рукой ударил наотмашь по лицу.

- Прости, - тихо сказал он.

- Прощай, - бросил воин, падая на землю и одновременно провожая беглеца взглядом. Затем, дважды пересчитав пальцы на руках – этого времени Ленвелу должно было хватить, чтобы добежать до папоротников, Ластан начал корчиться от боли, сопровождая это громкими стонами. Поняв, что Аделона поблизости нет, он перестал изображать адские муки, встал, на всякий случай пошатываясь, сделал несколько шагов в сторону землекопа Гадлена, изобразил изумление, упал на четвереньки и, наконец, будто бы преодолевая сильную боль во всём теле, стал помогать ему раскапываться.

Когда извлечённый из-под земли киянец уже сидел рядом с Ластаном, ругаясь и отплёвываясь, откуда-то из воздуха материализовался Аделон.

- Это что за дурацкие шутки! – испепеляя их взглядом, гаркнул он. – Что у тебя с лицом? И где вы, чтоб на вас сорока нагадила, были всё это время?

- Кто где, - проскрежетал зубами Гадлен, продолжая отплёвываться и сморкаться, с трудом избавляясь от земли и песка, пригравшихся во рту и носу.

Стирая тыльной стороной ладони кровь с лица, Ластан поднял глаза на Аделона:

- Ты давно оставил Туба одного с пленником? Надо срочно рвать на поляну, - и, показав на своё разбитое лицо, добавил, - это дело рук его братца.

Не говоря больше ни слова, все трое бросились назад и, выскочив на поляну, остановились, как вкопанные: вокруг основания дерева, у которого недавно томился Ленвел, валялась лишь разрезанная верёвка. В родившуюся в этот момент удивлённую тишину тут же вторглось что-то вроде хрюканья, взбитого с пыhtением. Все разом опустили глаза вниз и уставились на крупную воронку, которая на глазах начала вращаться, и вскоре исторгла из себя здоровенную голову Туба, который, бешено тараща глаза, с остервенением выворачивал сам себя из земли.

Все вместе они бросились ему на помощь и общими усилиями выкопали бедолагу, который, не успев прийти в себя, уже готов был из себя выйти. И только узнав, что не один он оказался так унижен какими-то презренными дезертирами, громадный киянец несколько успокоился.

Обратно в лагерь все шли в мрачном молчании – они упустили беглецов, позволив тем скрыться за пределами киянской земли. Преследовать их дальше они не могли, ведь воинам запрещалось пересекать границу и вторгаться на территорию чужеземцев, во всяком случае, без объявления последним войны. Впереди хмуро брели Гадлен и Туб, а на некотором

расстоянии позади, шагали Аделон и Ластан. Последний избегал смотреть в сторону своего начальника и друга.

Вдруг Аделон резко остановился и, согнув ногу в колене, схватился за ступню.

- Ластан, - он скривил лицо, - по-моему, я всадил себе занозу.

Ластан подошёл и, сев на корточки, стал разглядывать грубую кожу в поисках болезнетворной иголки или щепки, но тщетно.

- Я ничего не вижу, - сказал он и задрал голову. Сверху вниз на него глядел Аделон. Такого взгляда Ластан у него никогда прежде не видел. В глазах не было обычной суровости – скорее растворённая в серьёзности печаль.

- Что-то не так? – обеспокоенно спросил Ластан.

- Не знаю, - пожал плечами Аделон, не меняя выражения и продолжая испытывать друга взглядом, - но очень хотел бы знать.

- Что? – похолодев от неприятного предчувствия, спросил Ластан.

- Чем я заслужил твоё недоверие? Почему ты просто не рассказал мне, что обязан Ленвелу жизнью? Ради того, чтобы отвлечь меня и помочь ему бежать ты устроил целый спектакль: рассовал этих идиотов по кротовым норах. А мог бы всего лишь предъявить мне его брата? Это бы многое поменяло.

Ластан опустил глаза:

- Откуда ты знаешь, что я нашёл его брата?

- Неужели ты думаешь, что, найдя нору, извергавшую нечленораздельные звуки, которыми так богат язык Гадлена, я не догадался, что на такое способен только ты? Да я тут же залез на ближайший высокий куст и наблюдал за всем оттуда. И, честно говоря, умер бы со смеху, если бы меня всё время не оставлял вопрос - почему же ты мне просто всё не рассказал?

Ластан поднял глаза и, пожалуй, впервые увидел перед собой не Аделона-воина, не Аделона-начальника, а Аделона-думана. И это открытие потрясло его. Оказывается, за этим всегда непроницаемым лицом жила трепетная, ранимая и, судя по всему, израненная душа.

Почувствовав, что выдал себя, Аделон мгновенно спрятался в своей всегдашней скорлупе.

- Я надеюсь, ты действительно обязан Ленвелу жизнью - только это могло бы оправдать неповиновение приказу и помощь дезертирам, - сказал он своим обычным жёстким тоном, - иными словами, от того, *что* ты мне сейчас расскажешь, зависит, увидишь ли ты завтрашний рассвет.

Ластан вновь пытливо взглянул на Аделона, но лицо того оставалось непроницаемым.

- Возможно, я произнесу крамольную мысль, - начал он, - но всё то, что я делаю, всё то, чем я живу, не подчинено одному долгу. Отчего-то мне совершенно необходимо жить в ладу с самим собой. В случае с Ленвелом честь оказалась превыше долга.

- Для воина это опасный образ мыслей, - нахмурился Аделон.

- Это не образ мыслей, - покачал головой Ластан. – Это образ жизни. Я не думаю, как поступать, я чувствую. Осмысление приходит потом.

- Чувствовать на войне вдвойне опасно, - не глядя на подчинённого, сказал Аделон.

- Говорят, что ещё любовь к женщине может заглушить чувство долга, - будто не слыша собеседника, продолжал Ластан. – Этого я не знаю – никогда никого не любил, кроме матери и сестрёнок, а их уже нет в живых. И потому сначала честь, потом долг, а дальше всё остальное, если ещё, вообще, что-то есть.

- Не рассказывай о своих приоритетах Сибулу, - сказал Аделон, и на мгновение в его чертах вновь проступила та глубоко спрятанная чувствительная душа, о существовании которой раньше Ластан лишь смутно догадывался, а теперь знал наверняка.

Они пошли дальше, не пытаясь сократить увеличившееся расстояние до Гадлена с Тубом, однако и не теряя тех из виду. По дороге Ластан поведал Аделону всё, что произошло с момента бессмысленной гибели Гаста, и закончил тем, как, надев на Кастида свою броню и

убедившись в том, что тому хватит сил добраться до папоротниковых зарослей, сам зарылся в кротовину, утащил за собой Гадлена и начал своё подземное путешествие. Все дальнейшие события, теперь уже не скрывая улыбки, ему описал Аделон, наблюдавший за действием с довольно большой высоты.

Если бы хоть один из них неожиданно резко обернулся, то примерно на том же расстоянии, что отделяло их от Туба и Гадлена, он увидел бы невразумительные желтовато-бурые силуэты,двигающиеся за ними по пятам. Но ни Аделон, ни Ластан ни разу не обернулись.

Глава 9

У кадасов

Уже несколько дней Лиль жила во дворе дома кадасов – именно так называли себя и своих редких гостей её хозяева. Это было странно и страшно, но таяну здесь держали на положении жука. Иногда просто из озорства, а иногда, чтобы дать отдых своим крыльям, её соплеменники бывало садились на этих тварей верхом. Занятие это было опасное и временами приводило к гибели. И в этом отношении кадасам было куда проще с Лиль – в отличие от жуков, она понимала, что отвечает за жизнь наездника.

Таяна была неизменно привязана всё той же тонкой, но очень прочной верёвкой к забору. Первые несколько ночей она безуспешно пыталась её развязать - её тоненькие, непривычные к тяжёлой работе пальцы не могли совладать с туго завязанным затейливым узлом. Мало того, хозяйка всякий раз обнаруживала следы её отчаянной работы, и Лиль больно били осокой по рукам. Она очень скоро поняла, что опасаться ей надо только за руки – все остальные части тела были нужны для полёта, а вот руки – их можно было истязать как угодно и сколько угодно, тем более что это ещё и лишало её последней надежды на спасение - ведь только с их помощью она могла освободиться.

Лиль взглянула на свои ладони – они были исполосованы вдоль и поперёк багровыми бороздами. И хотя последние два дня ей удавалось избегать наказаний, предельно точно выполняя все приказы своих больших и маленьких хозяев, кожа заживала медленно – дать рукам абсолютный покой не получалось.

Послышался шум, и вскоре на дворе появилась хозяйка, которую, как теперь знала Лиль, звали Дасадар. Она вела за руку свою младшую дочь Сидар. Сейчас таяна поймала себя на том, что испытывает к этой маленькой кадаске тёплые чувства. Сидар была очень лёгкой, и катать её не составляло никакого труда. К тому же по вечерам, когда её родители удалялись в дом, Сидар незаметно пробиралась к Лиль, прихватив с собой либо сладости, либо ягоды. Кадаасы обожали сладкое. Похоже, сладости ценились здесь выше всякой другой еды, поскольку за обладание ими дети устраивали настоящие баталии. Положить им конец мог только страшный окрик хозяйки или телесные наказания, если, к несчастью, в тот момент рядом оказывался отец семейства Бодор. Тем трогательнее было получить от Сидар сбережённые за день огромными усилиями воли конфеты, крендельки или печенье.

Поначалу Лиль отказывалась от даров своей маленькой хозяйки, но однажды увидев, как та, смахивая кулачком слёзы, выбрасывает отвергнутое угощение за забор, стала их принимать, тем более что пища, которой её кормили, хоть и была сытной, имела вкус очень далёкий от вкуса цветочного нектара. Этот вкус был настолько непривычен, что иногда после первой ложки – к этой штуковине Лиль долго приноравливалась – вместе с кашинной, как её называла Дасадар, таяна глотала слёзы - те почему-то наворачивались сами собой и подсаливали и без того щедро посоленную пищу. Лиль и в самом деле тосковала по сладкой ароматной диете таян. И если бы по ней одной! Только теперь, прозябая словно травинка, которая не может

оторваться от единственного, предназначенного ей судьбой места, она начала осознавать, как же счастливо и беззаботно они жили в своём Западном Саду. Казавшиеся и раньше вздором распри между таянами сейчас не вызвали у неё ничего, кроме горькой досады – со дна её нынешнего положения все их проблемы походили на пузыри, которые во время солнечного дождя раздувались и лопались на поверхности озера, примыкавшего к их саду с северо-восточной стороны. Похоже, таяны искусственно создавали себе сложности, чтобы раскрасить уж чересчур однообразное, безмятежное существование. Нет, Лиль никому не желала зла, но иногда в самые горькие моменты ей хотелось, чтобы на её месте оказались Мара, Диоза или, на худой конец, та нахальная рыжеволосая таяна, которую она бросила тогда в саду в смешном положении. Сейчас, сидя на привязи во дворе у кадасов, она больше не жалела о том, что не помогла ей – так ей и надо!

Из потока мыслей и воспоминаний её вырвал резкий, словно удар осоки, голос Дасадар.

- Полна и долго покоилась. Пора *потрудить*, - и, обращаясь к Сидар, добавила. – Седай и полетай, ак казано. Всё справа и сраз вертай. Всё памятуешь?

- Да, ма, - ответила Сидар с сияющими глазами – никогда прежде её не выпускали на катале одну. Она подошла к Лиль. Та встала на четвереньки, подставляя девочке спину. Перекинув ногу, Сидар схватилась за поводья, которые были пропущены подмышками и вокруг шеи таяны. Как только малышка уселась в седле, что крепилось ремешками на спине Лиль, та, заработав крыльями, начала медленно и плавно подниматься в воздух – она не хотела причинить своей маленькой наезднице никаких неудобств. Сидар тянула за поводья вверх, заставляя Лиль подниматься всё выше и выше. Так высоко сама Лиль ещё никогда не летала – внизу остались растрёпанные верхушки кустов жасмина, а соломенная крыша большого дома кадасов бледнела бесформенным желтоватым пятном на зелёно-буrom фоне огорода и окружающих полей.

Сейчас Лиль впервые увидела окрестности своего нового жилища. Кадасские дома, отстоявшие довольно далеко друг от друга, были разбросаны по склонам холмов, словно поникшие белёсые бутоны. Насколько хватало глаз, всё было устлано пышным зелёным ковром, однотонную гладь которого то тут, то там нарушали цветные полосы - по-видимому, теснившиеся друг к другу полевые цветы. Но с высоты полёта это больше походило на разноцветную пыльцу, рассыпанную затейливым узором на поверхности гигантского листа. Пейзаж сильно отличался от привычной картины таянского сада, однако был не менее грандиозным и впечатляющим. Никогда прежде Лиль не видела столько неба и солнца сразу.

Таяна едва успела вобрать в себя всю эту головокружительную красоту, когда Сидар резко припала к её спине и слегка толкнула ножкой в правый бок, командуя разворачиваться и опускаться. Лиль почувствовала разочарование – ей так не хватало этого ощущения открытого простора, мягкого и в то же время упругого воздуха, поддерживающего её крылья, этой захватывающей дух высоты и опьяняющей свободы. При мысли о свободе сердце Лиль защемило, и она украдкой бросила взгляд вниз, на тянущуюся от её щиколотки, казавшуюся бесконечной верёвку, державшую сейчас на привязи тот кусок неба, который содержал в себе таяну.

Теперь они летели по небольшому кругу. Сидар то понукала Лиль лететь очень быстро, мягко постукивая её по бокам своими маленькими пяточками, то натягивала поводья, заставляя её плавно сбавить скорость. С каждым кругом они опускались всё ниже и ниже, как будто маленькая кадаска проверяла лётные возможности своей каталы. Наконец, они несколько раз описали в воздухе самый большой круг, который позволяла сделать верёвка, не задевая при этом забора.

Как только Лиль приземлилась возле дома, Сидар легко соскочила на землю и подлетела к ожидавшей её матери. Дасадар была явно довольна сноровкой своей младшей дочери: погладила её по голове и протянула горсть сладких вяленых ягод, а затем быстро зашагала по

направлению к дому. Стоило матери скрыться в тёмном зеве жилища, как Сидар со всех ног бросилась к Лиль и, пересыпав половину ягод в другую ладошку, протянула их таяне со словами:

- Обои затрудили, вкушай!

Лиль её поняла и, улыбнувшись впервые за всё время пребывания в этом доме, нарушила принятое ею изначально решение ни с кем здесь не разговаривать. Она ответила девочке на её же языке.

- Те радони за всё, крохая Сидар.

От удивления та раскрыла рот и расширила глаза – похоже, ей и в голову не приходило, что перед ней на самом деле не большая кадасоподобная бабочка, а разумная, говорящая думана.

- Ма! – закричала она, распираемая желанием поделиться с матерью своим открытием. Тут же пожалев о своей мгновенной слабости, Лиль схватила её за руку и, приложив палец к губам, посмотрела на малышку с такой мольбой в глазах, что та мгновенно примолкла. Недоумевая, почему катала на хочет, чтобы все знали, что она умеет говорить, маленькая кадаска присела рядом с нею на траву и заглянула ей в глаза. Затем, взяв Лиль за руку, она начала быстро тараторить. Из всей её сбивчивой речи Лиль разобрала совсем немного. Однако главное она поняла. Сидар недоумевала, почему она не разговаривала с ними раньше, почему не сказала, что она такая же, как они. Ведь мама и папа сразу бы её отвязали и разрешили жить в доме со всеми.

Лиль слушала и лишь печально улыбалась. Как объяснить малышке, что её родители прекрасно знают, что Лиль не насекомое и не птица? Как объяснить, что её папа и мама посадили её на привязь и затянули такой затейливый узел именно потому, что она разумное существо?

Сидар взяла руку Лиль и потянула её за собой в сторону дома, но таяна остановила её и, покачав головой, снова села на землю. Тогда Сидар топнула ножкой и разразилась слезами. Отвернувшись от Лиль, она бросилась в дом. Мгновением позже из сеней донеслись всхлипы и крики малышки, на которые ей что-то отвечала мать. Затем крики перешли в истерику, и вскоре в дверях вновь показалась Сидар. Утирая кулачком слёзы, она тащила за собой Дасадар. Малышка подвела мать к Лиль и крикнула, пытаясь придать голосу твёрдость:

- Скажай! Жались, скажай!

Но Лиль только недоумённо смотрела на Дасадар, будто бы не понимая, чего от неё хотят.

- Сидар! – наконец прикрикнула на малышку мать, - остани и ходай до дому.

Теперь уже Дасадар взяла безутешную девочку за руку и повела её в дом. Сидар не сопротивлялась, она лишь обернулась на мгновение, и у Лиль защемило сердце при виде её обиженного, ничего не понимающего личика.

Глава 10

Ярмарка

В эту ночь, впервые за бесконечную вереницу дней, Лиль ночевала в доме. Её отвели в ту же комнату, где она когда-то приходила в себя. После стольких ночей на жёсткой, холодной земле лечь на мягкий матрас и укрыться лёгким одеялом было неописуемым наслаждением. Не успела луна порадоваться за несчастную таяну, как та уже провалилась в сонный колодец, оставив за его пределами все невзгоды последних недель. Ей снился чудный сон: она была с родителями и братьями. Они порхали с цветка на цветок наперегонки с бабочками, пили сладкие нектары, наслаждаясь их разновкусьем, и весело болтали обо всём на свете.

Здесь, на земле кадасов, Лиль ещё ни разу ничего не снилось. Когда следующим утром её разбудила Дасадар, и она открыла глаза, сон вдребезги разбился о действительность, и чтобы не расплакаться от попавших в глаза осколков, Лиль пришлось сделать невероятное усилие над собой.

В это утро и без того резкая Дасадар была отчего-то сильно раздражена. Лиль буквально вырвали из постели, выволокли на двор, дали выпить какой-то густой, сладкой жижи, надели сбрую и, привязав к ноге всё ту же верёвку, повели со двора. Вместе с ней за околицу вышло и всё семейство. То, что накануне она видела с высоты птичьего полёта, теперь расстилалось вокруг до самого горизонта. Это было красиво, но не свободно, потому что для ощущения свободы обязательно нужно оторваться от земли.

Сидар, не простившая Лиль обмана, за всю долгую дорогу ни разу к ней не подошла. И безмятежная на вид таяна в душе недоумевала: неужели её вчерашняя неосторожность с малышкой усилила опасения хозяев настолько, что они теперь будут всюду брать её с собой, боясь, что ей всё-таки хватит ума развязать верёвку и улететь?

Ответ на свой вопрос Лиль получила уже в полдень, когда солнце, наполнявшее всё весёлым светом, оказалось у процессии почти над головой. Теперь к ним присоединились другие группы кадасов, стекавшиеся со всех сторон, словно бабочки на медоносные цветки. В основном это были большие семьи с пёстро разодетыми женщинами и многочисленными, не менее ярко одетыми детьми. Были и молодые пары, шедшие держась за руки, и пожилые кадасы, видимо, так и не прижившие детей.

Казалось, холмы кончились, и дорога наконец выровнялась. А вскоре пейзаж полностью изменился – впереди по направлению движения показались яркие шатры и расставленные между ними столы, что тянулись словно гигантские гусеницы без конца и без края. Из котлов, висящих над кострами тут и там, клубился пар. В воздухе, сгущая его, струились самые разнообразные запахи, щекоча ноздри, маня пришедших сюда найти их источники и попробовать чудо-стряпню.

Когда Лиль и её хозяева поравнялись с первыми шатрами, глазам изумлённой таяны открылась ещё более удивительная картина: в глубине между шатрами возвышалось гигантское сооружение, представлявшее собой круглую вращающуюся площадку, вдоль края которой располагались деревянные фигуры различных животных. На их спинах сидели маленькие кадасы и визжали то ли от восторга, то ли от страха. Завидев их, Сидар и её братья и сёстры захлопали в ладоши и, как по команде, обернулись к родителям с выражением, в котором трогательным образом смешались предвкушение счастья и мольба о том, чтобы их его не лишили. Бодор протянул всем какие-то блестящие камешки, и дети, вопя и перегоняя друг друга, бросились к карусели.

Только сейчас, оставшись в сопровождении одних взрослых, Лиль отвлеклась от невиданного ею доселе вращающегося сооружения. Вокруг было множество кадасов, и она стала с интересом озираясь, чтобы их получше рассмотреть, но тут же обмерла. Вместо того, чтобы умильно глядеть на своих счастливых чад, они разглядывали её. Десятки глаз были устремлены на Лиль со всех сторон. Спектр чувств, отражавшийся в них, простирался от искреннего изумления и любопытства до подозрения, насмешки и даже откровенной враждебности. Растерзанная, растоптанная этими взглядами таяна упёрлась глазами в землю, пытаясь как-то совладать с собой.

Когда дети вернулись, всё семейство вместе с Лиль двинулось дальше на другую сторону реки по сколоченному через неё мосту. Теперь за ними увязалась толпа зевак. Перейдя через мост, Бодор остановился в центре обширной площадки между шатрами, вытащил из вещевого мешка колышек и стал вбивать его в землю. По всей окружности чуть выше основания колышек имел глубокую и широкую канавку. Не мешкая, Дасадар пропустила по канавке ту

самую верёвку, другой конец которой был туго затянут вокруг щиколотки таяны. Затем она обмотала ею колышек несколько раз и крепко-накрепко завязала.

Лиль настолько смешалась от такого неприятного внимания к себе, что не придавала всей этой суете с верёвкой никакого значения – она уже давно привыкла сидеть на привязи. Впрочем, сейчас, когда вокруг было столько свободно разгуливающих, где им вздумается, думанов, её положение выглядело унижительным как никогда.

Из замешательства её вывела Сидар – жестом она приказала Лиль опуститься на четвереньки. Оседлав таяну и, по обыкновению, легонько ткнув её пяткой в бок, она направила свою каталу к облакам, а затем, сколько хватало верёвки, пустила её по большому кругу.

Теперь уже не только те, что стояли рядом, но, казалось, вся ярмарка, задрав головы, как зачарованная следила за необыкновенным действием.

Проделав несколько кругов, Сидар посадила Лиль на землю. И тут толпа словно взорвалась: это завизжали дети, которые, выворачиваясь из рук родителей, бросились к таяне и начали карабкаться ей на спину. Это тут же пресекли Бодор и Дасадар, и вскоре здесь выстроилась самая большая на ярмарке очередь – все хотели прокатиться на катале.

Надо отдать должное хозяевам Лиль – они ходили вдоль вереницы детей и удаляли из неё переростков, которых хрупкая таяна никогда бы не смогла поднять ввысь.

А дальше началась каторжная работа. В мешок Дасадар сыпались и сыпались разноцветные камешки, а спина Лиль прогибалась под очередной ношей. Таяна уже не помнила, сколько кругов сделала над ярмаркой. Пот лил с неё ручьём, одежда прилипла к телу, а мышцы спины сводила судорога.

Поначалу её примиряла с действительностью радость маленьких кадасов, впервые в жизни вкусивших восторг полёта. Но очень скоро она поняла, что даже для этих малышей мало чем отличается от деревянных фигур на каруселях.

Солнце уже сильно клонилось к закату, когда совсем крошечный мальчик, родители которого заплатили за один круг, приземлившись, ни в какую не пожелал слезать. Когда рассерженный Бодор схватил его за плечи и с силой дёрнул вверх, тот успел со всего размаху ударить Лиль пятками по бокам и так вцепился ручонками ей в волосы, что оторвать его удалось только вместе с белыми прядками.

От боли и унижения вконец измотанная таяна расплакалась. Крупные слезинки покатались по её щекам, прокладывая тоненькие едва заметные тропинки в дорожной пыли, что тонким слоем покрывала её щёки. Но этого не заметил ни один ребёнок, не говоря уже о родителях – все, нетерпеливые и раздражённые, ждали своей очереди.

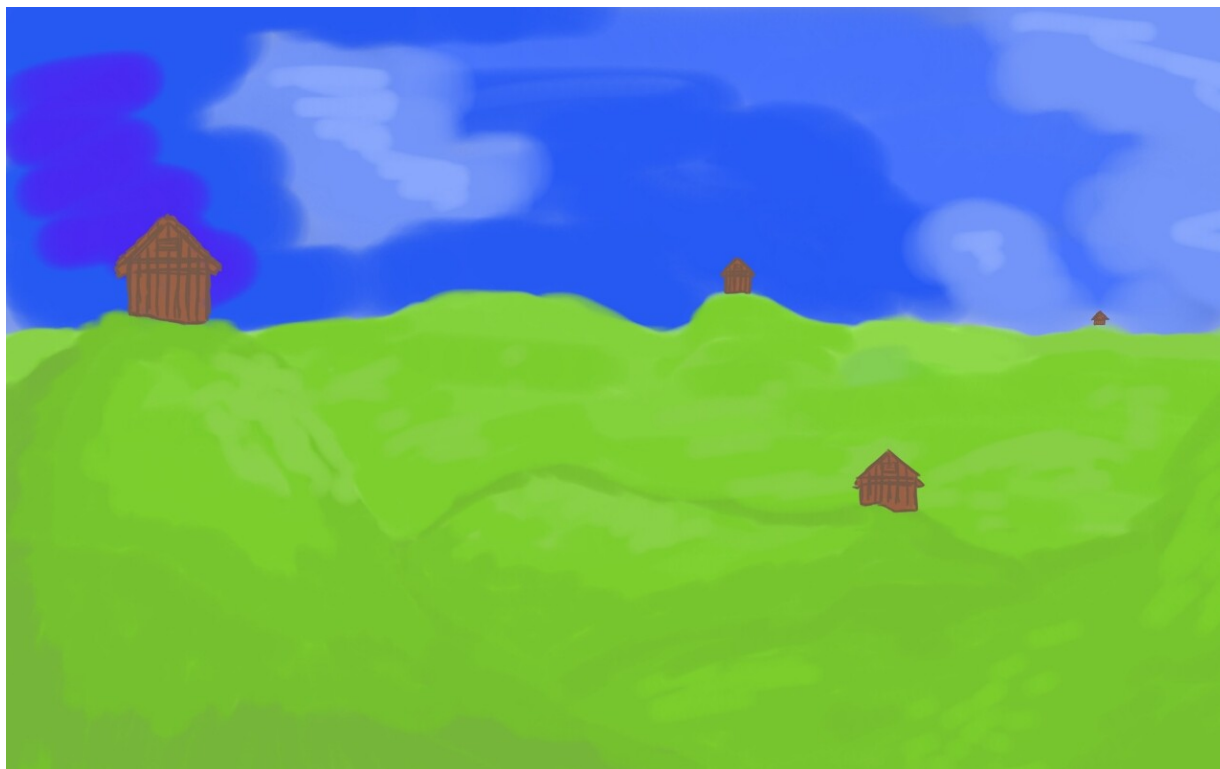
И всё же к ней метнулось одно маленькое существо. Это, конечно же, была Сидар. Её доброе сердце не могло долго сердиться. Маленькая хозяйка заслонила Лиль своим худеньким тельцем и начала отчаянно плакать, умоляя своих родителей остановить аттракцион. Она гладила таяну, обнимала её своими нежными ручонками, а потом, увидев под ремешками стёртые в кровь плечи и грудь, с остервенением, какого от неё не ожидали даже родители, начала расстёгивать и снимать с таяны упряжь.

По толпе побежал недовольный ропот, и раздались гневные голоса, требовавшие в таком случае вернуть им камни в двойном размере – за несостоявшееся катание и потерянное время.

Бодор решительно направился к неиствующей Сидар, и вряд ли бы это закончилось хорошо для неё и её каталы, если бы не вмешательство Дасадар. Та бросилась за мужем и, когда они поравнялись с Лиль, стала увещевать его, указывая на кровоподтёки, потёртости и царапины на теле таяны. Из всего потока слов, произнесённых ею, с трудом соображавшая Лиль смогла уловить лишь четыре: «помрё, не вытолкать, сдыхае, до сленедь». В переводе на таянский это означало примерно: «Она умрёт, толку не будет. Лучше дай ей отдохнуть до следующего раза». Это возымело действие – Бодор зло сплюнул и пошёл разбираться с толпой. Судя по

продолжавшимся ещё долгое время возмущённым крикам и спорам, он очень неохотно расставался с камнями, которые рассчитывал заработать потом Лиль, но так и не успел.

Уже смеркалось, когда семейство Бодора отправилось в обратный путь. Всю дорогу они шли молча, и Лиль всерьёз опасалась за свою маленькую заступницу – не грозит ли ей суровое наказание за такое вызывающее поведение на ярмарке?



Прошло несколько дней с тех пор, как, миновав удушающие сады, Ленвел и Кастид оказались на земле кадасов. Пейзаж, открывшийся им, едва они вынырнули из цветочных кущ, очень сильно отличался от привычного для глаза киянца: кругом расстилались поля такого яркого оттенка зелёного, что резало глаза. Волнистым покрывалом они кутали низенькие бесщётные холмы. Именно последние, разбросанные по поверхности, словно наросты на ветвях в киянском лесу, не позволяли оглядеть окрестности как следует, потому что стоило взобраться на самый высокий из них, как взгляд упирался в точно такие же, вздымавшиеся из земли то тут, то там, будто намеренно заслоняя горизонт.

Ленвел помнил предостережение Ластана о том, что кадасы не любят чужаков. Поэтому приятное обстоятельство, что за все эти дни они не встретили ни одного местного жителя, не только не удручало, а несказанно радовало братьев.

Однако Кастид был всё ещё слишком слаб, и теперь, когда торопиться было некуда, они продвигались вперёд очень медленно. Да и был ли смысл углубляться в чужие земли? Надо было лишь найти подходящее место для жилья и материалы для его строительства. Последняя задача на окраине кадасской земли вряд ли была выполнима – здесь ничего не росло кроме густой, налитой соком травы. Правда в ней в изобилии водились кузнечики, что было некоторым утешением – оба брата являлись отменными ловцами этих насекомых, а значит голод, по крайней мере, им не грозил.

В пути братья спали лишь тогда, когда сон валил с ног. Они укрывались где-нибудь в низине от гулявших по верхушкам холмов ветров, а то и от дождя, если везло найти крупнолистные

растения вроде лопуха. И всё же надо было идти дальше, чтобы добраться хотя бы до какого-нибудь кустарника, пригодного для строительства дома.

Уже начинало смеркаться, когда на очередном холме, вынырнувшем из-под линии горизонта, братья разглядели домишко, прилепленный к пологому склону, словно улей к дереву. Он был белый и оттого хорошо заметный даже издали. Этот и соседние с ним холмы были значительно ниже предыдущих, и если первые походили на огромные зелёные волны, то последние скорее напоминали рябь на воде. Кроме того, они были покрыты редким низкорослым кустарником. Вглядевшись вдаль ещё пристальнее, киянцы различили похожие дома и на других далёких склонах.

- А вот и кадасы, - безрадостно глядя на чужеземные постройки, произнёс Ленвел.

- Зато появились кусты – будет из чего сложить хоть какое-нибудь жилище, - ответил Кастид.

- Это будет непросто, - помрачнел Ленвел. – Срезать ветки под самым носом у недружелюбного народа. Я уже не говорю о том, что нам придётся перетаскивать весь этот строительный материал на большое расстояние – селиться возле них опасно.

- А мне кажется, это наоборот безопаснее. Взгляни, как далеко друг от друга они живут – не очень-то они общительны. Если они и знают своих соседей, то разве что ближайших – не будешь же ты каждый день покрывать такие расстояния, - и он развёл руки в стороны, - если мы поселимся на отшибе, а раньше или позже нас всё равно кто-нибудь обнаружит, это вызовет подозрения. Если же мы отстроимся там же, на одном из холмов неподалёку от остальных, никто и внимания не обратит. Во всяком случае не те, кто будут невзначай проходить мимо, идя откуда-нибудь издалека. А уж своим малочисленным соседям мы найдём что сказать, если они вообще надумают нас когда-нибудь навестить.

- И что же мы им скажем? – Ленвел с сомнением посмотрел на брата, поскольку сам не был силен в небылицах.

- Например, что нашу землю затопило и мы одни спаслись, или что весь урожай пожрала саранча и все разбрелись кто куда в поисках еды и мест, не столь излюбленных этими прожорливыми тварями.

Ленвел криво усмехнулся:

- Остаётся надеяться на их необщительность, иначе мы увязнем с тобой во вранье по самые уши, - он вновь посмотрел на далёкие дома. - Что ж, пошли. Похоже, у нас нет выбора. Не можем же мы, в самом деле, поселиться в кротовой норе.

И братья улыбнулись, вспомнив о проделке Ластана.

- Жаль, что мы никогда больше его не увидим, - задумчиво промолвил Ленвел, - среди воинов у меня не было друзей, и, честно сказать, я не верил, что дружба не пустое слово. Почему судьба не свела нас с ним раньше, ведь мы два года сражались почти бок о бок?

- Но всё-таки свела, и в самый важный для нас с тобой момент.

- Момент... - повторил Ленвел и вдруг вскинулся, взглянув на брата горящими глазами. – Почему всё светлое – всегда лишь момент, молния во мраке муки и скуки повседневности? Почему всегда так, а не наоборот?

Кастиду нечего было ответить, и он только молча обнял брата.

Глава 11

Ночной визит

Работа на ярмарке до полного изнеможения стала для Лиль обычным делом. Каждые четыре дня жители стекались с соседних холмов для всевозможных развлечений, обмена стряпнёй и безделушками. От природы нелюдимые кадасы и здесь не особенно преоблажались. Даже

веселье не было общим. Оно распадалось на отдельные радости каждой семьи. Никто никому не уступал места в очереди, никто не помогал чужим малышам. Вся забота целиком и полностью была направлена только на членов своей семьи и на своё добро. Тем необыкновеннее и дороже для Лиль была любовь маленькой Сидар.

Теперь в день ярмарки семейство Бодора вставало ещё до рассвета, чтобы прибыть на место как можно раньше и заработать спиной Лиль как можно больше драгоценных камешков, которые позднее можно было обменять на всё, что душа пожелает.

Многие семьи с маленькими детьми тоже старались прийти спозаранку, чтобы успеть к катале до того, как по всей территории ярмарки выстроится огромная извивающаяся змеёй очередь, ведь за какую-то пару недель это развлечение стало любимым у кадасской детворы.

Постепенно Лиль привыкла к тяжёлой работе: мышцы спины окрепли, вместо потёртостей образовались ничего не чувствующие мозоли, и она легко взлетала с очередным визжащим от восторга малышом и, легко сделав ровно столько кругов, сколько было оплачено, приземлялась, чтобы подставить свою спину новому наезднику.

Сейчас Лиль вновь летела над землёй, и в её голове беспрестанно возникали мысли, которые она тут же отбрасывала за негодностью. Она не видела для себя никакого спасения, ни единой зацепки, ничего, что могло бы вселить настоящую надежду. Она вышла за пределы территории отчаяния – не хотела больше ни о чём думать, не хотела мучить себя ни воспоминаниями, ни бесплодными страхами о будущем. Она смирилась с безысходностью своего положения.

Нарастающий шум внизу вывел её из состояния отрешённости. Вся очередь была чем-то взбудоражена, и Лиль увидела, как кадасы, стоящие в хвосте, отделяются большими группами и направляются мимо карусели куда-то в противоположный конец ярмарки. Она проследила взглядом направление их движения и вдруг зависла, словно стрекоза, и можно было бы сказать, что потеряла на мгновение дар речи, если бы уже долгое время не хранила молчание.

Там, на противоположном берегу ярмарки, разделённой надвое узким рукавом реки, через который был перекинут широкий деревянный мост, в небо взлетала другая катала. Лиль с трудом различила её тонкий силуэт. Единственным, что бросалось в глаза, было ярко рыжее пятно волос. Таяна едва сумела подавить в себе крик радости и надежды, который был готов сорваться с губ и полететь над головами всех собравшихся здесь ненавистных ей кадасов; полететь к единственному родному существу на свете, к той рыжеволосой таяне, по воле судьбы разделившей её печальную участь.

Она полетела дальше, забыв считать круги и думая только о том, как привлечь внимание второй каталы. Гневный окрик заставил её вернуться к действительности – Бодор жестом приказывал ей садиться.

Не успела она приземлиться, как к ней подлетел разъярённый хозяин и со всего размаха ударил по лицу – размечтавшись, она подарила своему крошечному наезднику лишний круг: тот сиял от счастья, но толпа недовольно гудела. И вскоре Лиль с горящей от удара щекой вновь парила над крышами и пиками увеселительных построек и с болью в сердце вглядывалась в даль, надеясь, что та, другая, тоже заметила её, и так же как она воспряла духом. Вместе они обязательно что-нибудь придумают! Вместе! Но как им оказаться вместе?



В эту лунную ночь Лиль не сомкнула глаз. Они ушли с ярмарки раньше обычного из-за меньшего наплыва желающих прокатиться. Всю дорогу домой Бодор скрежетал зубами и сквернословил. И хотя Лиль не поняла доброй половины того, что он сказал, было ясно, что он страшно раздражён появлением конкурентов, которые увели с его аттракциона половину посетителей, а вместе с ними и половину выручки. Он говорил Дасадар о некоем Разоне, который, как и он сам, частенько навещался в дальние сады за пряными травами – высушенные те были излюбленной приправой ко всем блюдам у кадасов. Мозг Лиль, измученный призрачной надеждой, лихорадочно заработал. Сады были довольно далеко от поселения кадасов, и, как она поняла из сумбурной речи хозяина, туда редко кто отчаивался заходить. Видимо, точно так же как таяны боялись оказаться в Нижнем Мире, кадасы опасались неизведанных ароматных зарослей, рисуя в своём воображении всевозможные опасности, которые могли подстергать их за каждым цветочным кустом.

Бодор со своим семейством жил на самой окраине обширной деревни, если это слово подходило для описания разбросанных по холмам домов, отстоящих друг от друга на приличные расстояния. Раз этот самый Разон тоже промышляет в саду, то и живёт, скорее всего, где-то неподалёку от Бодора. Лиль знала всего три дома в округе. Если её рассуждения верны, рыжеволосая катала томится где-то совсем неподалёку в одном из этих трёх домов. Лиль бросила взгляд на ненавистную верёвку, которая, возможно, не помешает ей сделать первый шаг на пути к спасению – может ли быть, что её длины хватит, чтобы долететь до ближайшего из соседних домов? Таяна вздрогнула – так хватит или нет?

Когда поздно вечером все ушли со двора, таяна подошла к обмотанной вокруг колодца верёвке. Она пыталась прикинуть, какова будет длина, если её вытянуть. Воображение отказывало ей. Так отчего бы просто не проверить?

Едва дыша от страха, как можно тише Лиль зашагала вокруг колодца, наматывая верёвку свободными крупными кольцами на руку. Когда та наконец вся оказалась у неё на руке, таяна разложила на земле ровно столько, чтобы хватило перелететь через забор. Держа моток в руках, она тихо вспорхнула и вскоре уже летела низко-низко, распуская кольца по мере

движения. Поравнявшись с пологой вершиной ближнего холма, Лиль увидела соседский дом. С замиранием сердца она взглянула на оставшуюся ещё не размотанной верёвку, и её дыхание участилось – казалось, её хватит, чтобы достичь забора, а может даже перелететь через него.

Невероятным усилием воли стряхнув с себя последние страхи, она уверенно направилась к дому. Не долетев до забора около трёх гусениц махаона, Лиль бесшумно приземлилась и, неслышно ступая, почти не дыша, подошла вплотную к частоколу. К счастью, два кола не слишком плотно прилегали друг к другу, и сиявшая словно от радости за Лиль луна помогла ей разглядеть внутренний дворик во всех подробностях: он был похож на двор Бодора. Однако по сравнению с довольно неопрятным огородом Дасадар здесь всё было удивительно ухожено.

Убедившись, что двор пуст, Лиль начала медленно подниматься в воздух, на мгновение зависла над забором, ещё раз окинула окрестности пристальным взором и полетела над купавшимся в лунном свете огородом к ближайшему окну.

Подлетев вплотную, она затаила дыхание. Створки, сделанные из крыльев стрекозы, играли в лунном свете. Почти прозрачные, они позволяли разглядеть внутреннее убранство дома, которое говорило о том, что его хозяева были зажиточнее родителей Сидар. Настилы из перьев каких-то диковинных птиц, кружевные одеяла, сотканые из тончайшей паутины, посуда из идеально подобранных, одинаковых по форме шляпок желудей и отёсанных скорлупок каштанов была инкрустирована крошечными блестящими камешками, напомнившими Лиль капельки росы на нежных лепестках её цветка поутру. Она давно запретила себе любые воспоминания, и оттого сейчас, непрошенные, они оцарапали сердце гораздо сильнее. Она явственно ощутила свежесть росной воды на своих ногах, когда, проснувшись с первыми лучами солнца, нежилась в медленно раскрывавшемся бутоне, а потом танцевала в его чаше, заставляя капельки слетать со вздрагивавших стенок-лепестков, подставляя тело под щекочущий прохладный душ.

Лиль вздрогнула, и мирная картина прежней жизни неожиданно рассыпалась, потому что ей почудилось, что в глубине комнаты что-то зашевелилось, и испуганная таяна отпрянула от окна. Но ничто не нарушало тишины, и Лиль постепенно вновь осмелела. Она опять подо двинулась к окну и в этот момент услышала едва различимый звук. Но что это был за звук! Она безошибочно отличала бы его от любого другого из бесконечного разнообразия в природе! Здесь, на чужеземье, он был особенно родным, единственно родным и вселяющим надежду! И доносился он не из комнаты, и даже не из дома, а из крошечной постройки, к которой Лиль всё это время стояла спиной. Трепеща одновременно и от радости, и от страха – а вдруг она ошиблась – таяна подлетела к единственному крошечному оконцу в стене постройки и прильнула к нему.

Освещённая бледным лунным светом, обхватив руками прижатые к груди колени, будто пытаясь спрятаться от судьбы, на деревянном полу в углу комнаты спала таяна. Она лежала, отвернувшись к стене, и Лиль не видела её лица, зато прекрасно видела крылья, одно из которых было как-то неестественно оттопырено – именно оно издавало тот слабый шум, шурша по полу при каждом глубоком вздохе своей обладательницы.

Лиль продолжала наблюдать. Она буквально сверлила спящую взглядом, вложив в него все остатки сил своей измученной души. «Проснись! Пожалуйста, проснись!» - кричало всё её существо. Она не задавалась вопросом, что будет делать, если её страстное желание исполнится. Сгорая от отчаяния, она иступлённо просила, умоляла, гипнотизировала рыжеволосую таяну. Но чуда не происходило – чары сна не отступали.

За всё время напряжённого ожидания глаза Лиль постепенно привыкли к темноте, и сейчас она могла хорошенько разглядеть помещение, в котором спала её соплеменница. Это был сарай, в котором вдоль одной из стен располагались садовые инструменты. К противоположной стене, у которой, свернувшись словно испуганная гусеница, лежала таяна,

было прибито массивное деревянное кольцо. Оно находилось так близко к полу, что Лиль не сразу его заметила. Только теперь она увидела, что кольцо плотно сжимает в запястьях обе руки крылатой думаны. Ещё мгновение назад Лиль позавидовала своей подруге по несчастью, решив, что той больше повезло с хозяевами, раз она спит пусть не в доме, так хотя бы под крышей. Но сейчас её сердце заныло от сострадания и боли за существо, ставшее за эти несколько мгновений родным. Каково же ей приходится, если даже во сне не дают забыть, что она пленница? Лиль покосилась на верёвку на своей щиколотке, позволявшую ей свободно передвигаться на большие расстояния и горько усмехнулась – по сравнению с этой каталой она была практически на свободе. «Оказывается, мне стоило бы поблагодарить своих хозяев. Теперь я знаю, что они далеко не худшие из кадасов» - подумала она, ощутив набегающие слёзы, которые в следующий миг потекли по щекам.

Боясь разрыдаться в голос, Лиль отвернулась от окна и, размазав непрошенную влагу кулачком по лицу, широко раскрыла глаза – прежде это всегда безотказно помогало ей перестать плакать.

Прямо перед собой она увидела аккуратные ряды фруктовых деревьев и изящные грядки, засаженные всевозможными овощными культурами – многие из них росли и в саду Дасадар. «Светает!» - вдруг осознала Лиль. В страхе, что её отсутствие заметят, таяна резко взлетела и, стремительно сматывая верёвку и разрезая крыльями воздух так, что вокруг неё поднялись вихри, ринулась в обратный путь.

Глава 12

Наконец-то!

Строить дом из веток кустарника оказалось делом непростым. Этому умению братьев должен был бы научить отец, если бы его не увели из деревни налётчики из соседнего племени. Долгие годы после того страшного дня, стоило Ленвелу закрыть глаза, перед мысленным взором возникала картина: мать стоит на коленях перед врагами и умоляет не отнимать у детей отца; Кастид плачет навзрыд, ничего не понимая, кроме того, что всё не так, как всегда; сестрёнки, спрятавшиеся за мать, судорожно сжимают в маленьких кулачках подол её юбки; а он, Ленвел, стоит у крыльца, впервые в жизни познавая настоящее горе и впуская злобу и ненависть в доселе распахнутую для добра душу. Именно в тот день он дал себе слово стать воином, чтобы суметь защитить тех, кто ему дорог.

Ленвел сумел похоронить родившиеся тогда чувства на самом дне своей души, но с тех пор ничто не могло помешать им восставать из мёртвых всякий раз, когда на его глазах творилась несправедливость или жестокость.

Дом, пусть медленно, но прибывал, и наступил день, когда осталось лишь постелить крышу. В полдень, устав от работы, начавшейся с рассветом, Ленвел и Кастид сидели у одной из стен, защищённые от ветра, и наслаждались тенью, которую теперь можно было найти всегда. Слишком поздно, чтобы успеть хоть как-то подготовиться, они слышали шаги, и в тот же миг из-за дома появился высокий, очень крепкого телосложения кадас. Он мрачно взглянул на недостроенный дом, не меняя выражения лица, на горе-строителей и, не говоря ни слова, прошёл мимо. Тут же из-за дома показались двое весьма упитанных юношей. Те, в свой черёд, смерили братьев неприветливыми взглядами и так же, как их отец, не проронив ни слова, отправились дальше по направлению к благоухающим садам.

Когда они скрылись за ближайшим холмом, Кастид стукнул ладонью по колену и весело сказал:

- Ты как всегда был прав. Если они все такие, нам вообще ничего не угрожает.

Ленвел ответил не сразу. Казалось, поведение кадасов повергло его в глубокие и тягостные размышления.

- Если они все такие, их мир, быть может, ещё хуже нашего, - изрёк он наконец.

- Но почему? – удивился Кастид. – Их просто не занимают посторонние. Возможно, их мир включает в себя лишь ближний круг – свою семью. А все остальные пусть разбираются со своими проблемами сами, лишь бы их не трогали. Разве это хуже, чем убивать друг друга?

- Это то же самое, только не так откровенно, а потому подлее.

- Я тебя не понимаю, - пожал плечами Кастид. – Во всяком случае, нам такой мир только на руку.

- Поживём-увидим, - мрачно проговорил Ленвел, поднимаясь и вновь принимаясь за работу.

Остаток дня они провели, сражаясь с крышей из прутьев и травы. Та, словно упрямый ребёнок, никак не хотела покрывать весь дом и то и дело обрушивалась на пол, заставляя братьев начинать всё с начала. Но они не роптали, а лишь с *большим* усердием принимались за дело, обучаясь ремеслу строителя на ходу. К моменту, когда солнце забрало с неба свои последние лучи, дом наконец был готов и, не имея сил радоваться этому, едва перешагнув порог, киянцы рухнули на усыпанный травой и ветками пол и моментально утонули в вязком сне без единого сновидения.

Ярмарка гудела, как растревоженный улей, но Лиль ничего не слышала. Все её стремления и помыслы были на другом берегу реки, а единственное родное существо, казалось настолько поглощённым работой, что не замечало ничего вокруг. Уже несколько раз Лиль буквально зажимала себе рот – вопль отчаяния был готов сорваться с её губ и полететь над головами кадасов, и будь, что будет! Но в последнее мгновение она успевала одёрнуть себя, сознавая, что такое безрассудство может дорого стоить и ей, и той, кружившей над другим берегом – лишившись возможности ночных полётов, она бы лишила их обеих пусть и призрачной, но всё же надежды на совместный побег.

Все предыдущие ночи Лиль неизменно летала к соседям. Она глядела в окно на тоненькую озябшую фигурку с неестественно оттопыренным крылом, прикованную за руки к стене, но та всякий раз спала мёртвым сном. Только прошлой ночью Лиль подумала, что поймала удачу – таяна разрыдалась во сне и, казалось, вот-вот проснётся, и тогда уж Лиль нашла бы способ привлечь её внимание. Но, увы, та лишь сжалась в ещё более плотный комок, так и не открыв глаз.

В настоящее Лиль вернул нездешний звук. Он перекрыл гомон ярмарки, и все кадасы, как по команде, задрали головы вверх: на фоне ослепительно голубого неба летела стая необыкновенно красивых птиц. Лиль никогда прежде не видела ничего подобного: казалось, будто кто-то большой и сильный нарвал охапку цветов и подбросил до небес. Птичье оперенье переливалось на солнце всеми цветами радуги, их разноцветные хвосты походили на затейливые кружева панкрациума, росшего в изобилии в Западном саду, а их головы украшали пёстрые хохолки.

Лиль, как и все, любовалась ими, продолжая плавно лететь по заданному кругу. Эти свободные птицы, направлявшиеся туда, куда их влекло сердце, показались ей предвестниками её собственного будущего – это добрый знак! Очень скоро и она полетит за ними. Куда? Пока она была не готова даже задать себе этот вопрос.

Птицы, так громко оглашавшие небо своими криками, пролетели над головой Лиль и, миновав ярмарку, продолжили свой путь над полями, простиравшимися за нею с северной стороны. Проводив их глазами, таяна уже было отвернулась, но в последнее мгновение, скорее душой, чем зрением, уловила чей-то далёкий, но пристальный взгляд. Пронзая густой,

горячий воздух, этот взгляд кричал, взывал, умолял её не отворачиваться, а найти его, обязательно найти!

Из-за реки, медленно плывя по воздуху, на неё глядела та, другая катала. Лиль не могла видеть выражения её глаз, но отчего-то была уверена, что в них был тот же молчаливый призыв, который она сама вот уже несколько ночей подряд безуспешно обращала к рыжеволосой таяне, пытаясь заставить ту проснуться – призыв, излучавший одновременно и отчаяние, и обрётённую надежду. «Наконец-то!» - Лиль чуть не подпрыгнула в воздухе от счастья. Она едва успела зажать себе рот, чтобы не закричать. Теперь они были вместе, и это всё меняло!

Весь оставшийся день они то и дело глядели друг на друга, ведя безмолвный разговор о том, как они понимают и сочувствуют друг другу, и что они непременно найдут способ вырваться из плена мрачных, жестоких кадасов.

Глава 13

Пришедшие из-под земли

Солнце перестало подниматься так высоко над горизонтом, и ночи из жарких и душных превратились в просто тёплые, что давало возможность вкусить прохладу хотя бы во время сна. Это было, пожалуй, единственным благом, доступным сейчас для киянцев. На их земле теперь царила страшная разруха и опустошение. Война, так неожиданно развязанная неизвестным доселе коричневым народом, пришедшим из-за лесов, с каждым днём становилась всё более жестокой и кровопролитной. Это походило на оживший ночной кошмар. Маленькие тёмнокожие существа, называвшие себя кроменами, были подземными жителями, селившимися в заброшенных кротовинах. По рассказам чудом спасшихся киянцев, они расширяли, укрепляли их и делали отвод – вертикальный тоннель – вглубь к грунтовым водам. Питались они в основном дождевыми червями и другой подземной живностью. Впрочем, в засушливые периоды могли напасть и на крота и усилиями небольшого племени победить это мощное животное. В этом случае они не только набивали животы его нежным мясом, но и получали в пользование новые катакомбы.

К этой необычной войне киянцы оказались совершенно не готовы. Вся их сноровка и физическая мощь, полученные в жестоких сражениях и не менее жестоких тренировках, оказались сейчас не у дел. Кромены, обладавшие сильно развитой мускулатурой рук и особенно кистей, помогавшей им в мирное время проворно расширять и укреплять кротовины, все свои необычные умения направили теперь против киянцев.

Они делали подкопы в самых неожиданных местах, проваливая под землю целые отряды противника. Ужасом для киянцев стали возникавшие из-под земли огромные ладони кроменов, хватавшие их за ноги и утаскивавшие в свои подземные ходы. Воин, оказавшийся глубоко в кротовине, был настолько беспомощен против чувствующих себя здесь, как пиявка в воде, кроменов, что дело почти всегда заканчивалось его гибелью.

Кромены избегали открытых сражений на поверхности. Они действовали исподтишка, и эта тактика уже позволила им уничтожить примерно половину киянской армии.

Аделон и Ластан ни разу не говорили об этом, но оба знали, что эту войну, сам того не ведая, развязал Ластан. Это он, спасая Ленвела и его брата, потревожил тогда в лесу жилище кроменов. А те, судя по всему, неверно истолковали ту хитроумную затею, решив, что кто-то вздумал посягнуть на их мирную, никогда не мешавшую наземным существам жизнь. Именно тогда, впервые покинув свою подземную обитель, кромены вышли на тропу войны.

Поняв однажды, что он один всему виной, Ластан больше не находил себе места. Он стал угрюм и нелюдим. Любившие его прежде воины постепенно отделились, не понимая, в чём причина такой неожиданной перемены. И если бы не Аделон, хорошо понимавший, что творится в душе друга, тот бы давно погиб – Ластан ввязывался во все самые отчаянные сражения, разыскивал кротовины и залезал вглубь в надежде наткнуться на врага и уничтожить его или, наконец, быть уничтоженным.

За недолгое время безысходного отчаяния и потока бессмысленных смертей его соплеменников Аделон успел возненавидеть Ленвела. Умом он понимал, что тот невиновен. Но причём тут ум, когда в то время, как они с братом живут себе припеваючи на земле кадасов, их народ находится на грани вымирания из-за того, что кто-то когда-то восстал против принятых ещё их дедами порядков. Получалось, Ленвел спас свою шкуру за счёт всех остальных киянцев, и Ластан, как это ни страшно теперь звучало, был тем, кто ему помог.

Сейчас их отряд медленно продвигался по лесу, буквально буравя глазами землю, в любой момент ожидая подвоха или прямого нападения кроменов. За время этой небывалой войны все киянские воины стали специалистами по рельефу местности – все, кто не сумели ими стать, давно гнили в земле. Характер кочек, рыхлость почвы под ногами, её цвет, запах и даже звук – а воины теперь часто прикладывали ухо к земле, прежде чем ступить на неё – всё это могло предупредить их о надвигающейся опасности или о незримом присутствии кроменов.

Ластан двигался впереди всех, почти не глядя под ноги. Ни на мгновение не терявший его из виду Аделон наблюдал за безрассудством друга с чувством, в равных пропорциях смешанным из досады и понимания. Он один знал, почему его самому надёжному и умелому воину жизнь совсем не дорога. Они ни разу не говорили об этом, но Аделону было достаточно заглянуть в глаза Ластану, чтобы прочесть там страшные, пожиравшие того изнутри муки совести. В такие моменты в душе Аделона взрывалась целая буря эмоций, которую правильнее всего было бы назвать бессильной злобой – злобой на себя за то, что ничем не мог помочь другу, за то, что не было, не существовало тех слов, что могли бы примирить Ластана с самим собой и дать ему право вновь открыто смотреть в глаза соплеменникам. Аделон видел, знал, что Ластан ищет смерти – тот считал её справедливой расплатой за свою вину перед соплеменниками. Расплату за что? Аделон горько усмехнулся. За сострадание, что испытал однажды к другому думану, и за добро, что ему сделал. Впрочем, Аделон знал, что будь он сейчас на месте друга, делал бы то же самое. И что в таком случае ему оставалось? Неотрывно наблюдать, неотлучно быть рядом, не смыкать глаз, пока их не смыкал Ластан, открывать глаза, когда тот открывал свои, и вновь ни при каких обстоятельствах не терять друга из виду. Аделон верил, что, если им удастся одержать победу в этой рухнувшей им на головы, сумасшедшей войне, Ластан сможет простить себя и найдёт силы жить. Надо только уберечь его! Во что бы то ни стало уберечь его от кроменов, а вернее, от самого себя.

И Аделон шагал рядом и не обгонял Ластана лишь потому, что ещё и зорко следил за местностью – он отвечал не только за друга, но и за других воинов. Он обязан был вбирать в себя всю обстановку, весь лес, всю землю под ногами, движения каждого из подчинённых, посторонние звуки и шумы – такое напряжение было не под силу рядовому воину, оно бы раздавило, сломало его. Но Аделон не был рядовым. И сейчас от его не рядовых качеств зависела жизнь других.

В поток мыслей Аделона неожиданно вмешался запах. Он был едва уловим, но всё же нарушал восхитительную свежесть аромата смешанного леса.

- Стоять! – скомандовал он. Все замерли, и теперь в воцарившейся тишине предводитель различил шум, который другой бы принял за заигрывание бриза с листвой разбросанных по лесу дубов и клёнов. Но это было не то. Звук шёл из-под земли. И как только Аделон это понял, он рывкнул так, что задрожал воздух.

- Врассыпную!

Отданный приказ ещё качался на воздушных волнах, когда земля разверзлась у них под ногами и взметнувшиеся из тьмы подземелья огромные жёлто-бурые руки стали словно ядовитые змеи бросаться во все стороны, сжимая мёртвой хваткой не успевших увернуться киянцев и утаскивая их туда, откуда почти никто не возвращался.

Сумевший отскочить в сторону Аделон увидел, как Ластан остервенело орудует топором, балансируя на крошечных островках и полосках не обрушившейся земли, беспощадно кромсая растопыренные пальцы кроменов. Вскоре вокруг него образовалась безопасная зона, в которую поспешили другие воины, последовавшие его примеру. Тем временем Аделон выхватил из-за спины длинное копье и начал вонзать его глубоко в землю, туда, где по его расчетам должны были скрываться в своих невидимых норах обладатели этих наводящих ужас рук. Он знал, что попадает в цель, потому что руки, за мгновение до этого остервенело хватавшие воздух в поисках очередной жертвы, вдруг вздрагивали, замирали и безжизненными плетью падали на землю или ускользали под неё. За несколько мгновений земля под его ногами превратилась в стонущий и воющий приглушёнными воплями раненых или умирающих кроменов ад.

Неожиданно всё стихло. По своим разветвлённым, уходившим далеко под землю ходам темнокожие существа убрались прочь так же стремительно, как недавно появились. Аделон осмотрелся. Обычно кромены не бросали своих убитых, они затаскивали их на большую глубину и там хоронили. Но сегодня земля была усыпана отрубленными фалангами пальцев, кое-где из неё ещё торчали повисшие кистями вниз руки. Кромены впервые потерпели сокрушительное поражение. Киянцы же напротив не обратились в бегство, бросив своих менее расторопных товарищей на погибель, как это часто бывало до сих пор. Конечно, отряд Аделона поредел, но случилось нечто новое, неоценимое – то, что могло перевернуть ход этой войны с головы на ноги – киянцы разбили не только отряд кроменов, они разбили свой, до сегодняшнего дня непреодолимый, почти мистический ужас перед врагом. Осознание того, что противник уязвим, стоит только не терять головы и держаться вместе, совершило переворот в умах и душах воинов. Сейчас они впервые не отводили взгляды, а гордо, с торжеством смотрели друг другу в глаза. И каждый считал своим долгом подойти к Ластану и похлопать его по плечу или пожать руку.

Аделон не торопился подходить к герою сегодняшнего дня – пусть насладится победой, пусть утонет в восхищении своих соплеменников, пусть наконец убедится в том, что от Ластана живого киянцам гораздо больше пользы, чем от Ластана мёртвого.

Впервые за долгое время Ластан улыбался своим товарищам, и Аделон не мог не обратить внимания на его улыбку. Она была удивительной – такой детской, трогательной, такой трепетной и никак не вязалась с тем фоном, на котором сейчас разворачивались события. Казалось, всё светлое, что убили в душе Ластана в тот день, когда он в одно мгновение потерял мать и сестёр, ожило сейчас в этой улыбке и передалось ему, Аделону – не сознавая этого, он теперь тоже счастливо улыбался. В тот миг взгляд Ластана выхватил его из толпы воинов, и ясная улыбка, словно потухшая искра, исчезла с его лица, уступив место ставшему уже обычным для него мрачному безразличию, маскировавшему внутренние терзания. Нет, он не простил себя, никогда не простит. Но самым страшным откровением для Аделона сейчас стало то, что именно он, сам того не желая, является для Ластана неотступным немим укором – тем, кто одним своим существованием будет всегда напоминать ему об истинном положении вещей: ведь что бы Ластан ни делал, какие бы подвиги ни совершал, в душе у него до конца дней останется каменный осколок, глубоко вошедший в неё своим остриём, и никто и ничто на свете не сможет его оттуда вырвать. Даже если киянцы в конце концов одержат победу, его совесть уже теперь истекала кровью стольких жертв этой войны, что никакая победа не принесёт ему мира, потому что не искупит ни эти смерти, ни его вину перед погибшими и изувеченными.

Аделон отвёл взгляд. Он почувствовал, что загнан в тупик. Всё это время он считал своим долгом быть рядом с Ластаном, чтобы тот не наделал глупостей, а оказалось, что своим постоянным присутствием он мучает друга, не даёт тому ни на взмах стрекозиноного крыла забыть о том дне, события которого повлекли за собой столь страшные последствия.

Аделон привык принимать быстрые и единственно правильные решения:

- Ластан! – позвал он. Тот подошёл, стараясь не глядеть другу в глаза. – Скорее всего кромены попробуют атаковать нас вновь и в ближайшее время. Сейчас мы удалимся в чащу леса и до полной темноты будем заниматься ранеными и восстановлением оружия и доспехов. Потом я дам тебе десятерых воинов, и вы отправитесь в разведку. Ваша задача – найти местоположение кромен, вернуться в лагерь и доложить мне. Ни при каких обстоятельствах не нападать на противника. Если случится что-нибудь непредвиденное, бежать врассыпную и возвращаться в лагерь. Ты отвечаешь за жизнь вверенных тебе думанов, - Аделон хотел добавить «и за свою собственную» - он всегда так говорил, отправляя воинов на разведку или в дозор, но не стал, зная, что причинит Ластану лишь новую боль.

- Приказ понял, - ответил тот. – Могу я отобрать воинов сам? – он вскинул на Аделона бесстрастный взгляд, который стоил ему сейчас больших усилий.

- Можешь, только не бери Сланга – ребята будут недовольны, - попытался пошутить Аделон: Сланг был лучшим поваром в отряде – он был таким тонким знатоком пряных трав, что умел стряпать слюноточивые блюда даже из самых пресных и студенистых слизняков.

- Тогда пусть устроит пир, когда мы вернёмся, - не улыбнувшись, ответил Ластан.

Не мешкая, отряд начал углубляться в самую чащу леса, где можно было устроиться на ночлег, не опасаясь кромен, которым плотная, каменистая почва, состоявшая из земли, пронизанной густой сетью затейливо переплетённых корней деревьев, была попросту не по зубам, а точнее не по рукам. К тому же, здесь было полно материала для изготовления кольев, стрел, ножей, брони, сетей и прочего необходимого для воина оружия.

Глава 14

Засада

Отряд Ластана двигался настолько бесшумно, насколько это было возможно в условиях кромешной тьмы. Отправляя соплеменников в разведку, Аделон запрещал им брать с собой второе оружие. Эта вынужденная мера была призвана остудить воинственный пыл отдельных киянцев – чтобы никому в голову не пришло не повиноваться приказу и ввязаться в ближний бой, они должны были быть слабо вооружены. Именно поэтому сейчас они несли с собой только лёгкие каменные топоры, зная, что им не отразить серьёзного нападения, а значит, спастись можно будет только бегством.

Отборные киянцы уже выходили из чащи, когда Ластан каким-то шестым или седьмым чувством ощутил, что за ними наблюдают. Похоже, кроменам тоже не спалось, и точно так же, как киянцы, они вышли на разведку. Ластан замер, и шедшие за ним воины мгновенно сделали то же самое. Вряд ли можно было опасаться нападения – кромены, вынутые, словно рыба из воды, из своих привычных подземных лабиринтов, до сих пор ни разу не рискнули схватиться с киянцами на поверхности. Однако, присутствие здесь разведчиков означало, что где-то совсем неподалёку расположился один или несколько из многочисленных разбросанных по всему лесу отрядов.

Вдруг тишину словно стрелой прорезал крик совы. Совы здесь были не редкостью, и острый слух Ластана сразу определил, что сегодняшняя ночная гостья – обительница нездешних мест.

- Назад! – скомандовал он резким шёпотом, но в зловещей тишине его приказ был услышан каждым.словно единый организм воины ринулись обратно в чащу. Когда последний оказался на безопасном расстоянии от ожидавшей их западни, Ластан жестом приказал всем залечь. Каждый нашёл себе место – либо лист цветка, либо высокий пенёк, либо тяжёлый плоский камень – киянцы уже давно отучились ложиться на голую землю. Когда воины перевели дух, их командир, до сих пор хранивший мрачное молчание, обвёл всех суровым взглядом:

- Мы не вернёмся в лагерь. Мы пойдём сквозь чащу в обратном направлении и выясним, что творится с противоположной стороны. И если нас поджидают и там... - он перевёл дыхание, затем мрачно усмехнулся и добавил, - не будем забегать вперёд. За мной!

Воины тут же поднялись и снова в едином порыве ринулись напролом сквозь гущу деревьев в южном направлении, оставив лагерь далеко в стороне.

Казалось, они шли бесконечно долго, а рассвет всё не наступал, как будто крошечная тьма вступила в битву со временем и не хотела подчиняться его течению.

Ластан приказал двигаться совершенно бесшумно. Он вглядывался в темноту и вслушивался в тишину до боли в голове. То же самое чувство, что предупредило его об опасности по ту сторону чащи, возникло теперь с новой силой. Ластан ощущал чьё-то незримое присутствие. Сейчас он был почти уверен, что разведчики кроменов сидят высоко в кустах. Будет забавно, если заблудившаяся в их лесах нездешняя сова залетела и сюда. И только он об этом подумал, как сверху раздался хруст, и что-то тяжело шмякнулось об землю на обозримом расстоянии. Ластана несколько не удивило, что это что-то тут же исчезло с поверхности земли, словно просочилось внутрь. Он мгновенно развернул воинов, и они вновь устремились в чащу леса, и на этот раз их целью был лагерь.

Достигнув расположившихся на ночлег соплеменников, Ластан растолкал Аделона.

- Мы окружены. Они везде, по всему периметру чащи. Мы можем выбраться отсюда только ценой больших потерь.

Сон слетел с Аделона словно пыль с башмаков.

- Ты уверен, что нет лазейки?

- Я не могу быть уверен, но если они рассадили дозорных в кустах с двух противоположных сторон на выходе из чащи, вряд ли можно рассчитывать, что между ними оставлены большие бреши. Надо сильно недооценивать противника, чтобы думать, что эти два поста единственные, и нам просто повезло или не повезло наткнуться на них.

Аделон сорвал травинку и засунул её между зубами.

- Долго мы здесь не продержимся - запасы воды на исходе, - он мрачно взглянул на Ластана, - если всё обстоит так, как ты говоришь, у нас нет выбора. Придётся прорываться по их головам. Поднимай Равана, нам надо обсудить всё до мелочей. Потом поднимем остальных, и сразу же доведите до каждого чёткий план действий. До рассвета все должны быть в полной боевой готовности.

Через мгновение Ластан и Раван уже сидели вместе с Аделоном и обсуждали все возможные варианты прорыва кольца окопавшегося за чашей леса врага. В это время сквозь пелену облаков пробилась луна и вырвала из темноты бледные, возбуждённые лица киянцев. Все они выглядели уставшими. Чуть ниже скул на лице Ластана рдел нездоровый румянец, а в глазах, на первый взгляд лихорадочно блестящих от предвкушения битвы, была такая леденящая тоска, что Аделон, взглянувший на него в тот миг, в замешательстве отвёл глаза. Никто и ничто из происходящего не могло захватить Ластана так, чтобы он хотя бы на мгновение забылся. Нет! Каждое новое событие этой войны, каждая новая жертва записывались в его памяти, откладывались всё тяжелевшим и становившемся невыносимым грузом собственной вины.

Когда рассвет ещё едва угадывался между деревьями с восточной стороны, все воины уже были в сборе и готовы выступить. По приказу Аделона они стремительно покинули лагерь и,

растянувшись широкой цепью, начали продираться сквозь заросли, стараясь обходиться без топоров и ножей, чтобы раньше времени не оповестить кроменов о своём приближении. По пути воины подбирали крупные камни и острые палки и бросали их в свои походные мешки.

Возглавлявшие отряд Аделон, Ластан и Раван вслушивались в живую тишину леса, одновременно неустанно глядя на почву под ногами. Когда та сменилась на более рыхлую, Аделон передал по цепочке команду остановиться. Теперь надо было действовать по разработанному плану.

По сигналу, воины перестроились в четыре ряда. Те, что стояли в первых двух, развязали свои мешки, доверху набитые камнями. Аделон поднял руку вверх, а затем резко опустил, будто разрезал воздух, и тут же на открывшуюся перед ними безмятежную с виду поляну полетел град крупных камней. Не успели камни рваным ковром укрыть землю, как из-под неё взметнулись гигантские, похожие на ядовитых пауков, руки. В тот же миг копьа, выпущенные в воздух мгновением ранее, почти вертикальным дождём обрушились на них и намертво прибили к земле. Та загудела от стонов раненых кроменов. Но этот стон не отдавался в душах киянцев ни каплей боли. Не мешкая, они ринулись через поляну по надёжно охранявшим их от нападения снизу камням, мимо воткнутых в землю копьев и истекающих кровью рук.

Аделон и Ластан остались на месте, пропуская вперёд соплеменников, которых сейчас возглавлял Раван. Когда последние воины поравнялись с ними, командиры рванули с места и, замыкая отряд, бросились через поляну на другую сторону. Там было безопасно – чтобы окружить киянцев, кроменам пришлось взять в кольцо всю чашу леса, но их было недостаточно, чтобы сделать это кольцо опасно широким. Именно на это и был расчёт Ластана. Его предположение оказалось верным, и их с Аделоном идея сработала – киянцы были спасены! Поляна стремительно уносилась из-под ног, зелёная гуща деревьев впереди кричала и пела о том, что дальше лес свободен, по крайней мере эта его часть, неохваченная могучими, но не всемогущими руками кроменов. Теперь им надо было во что бы то ни стало соединиться с другими отрядами. Для киянцев настало время выбирать: либо забыть о своих междоусобных распрях, либо погибнуть от руки общего врага. И для любого воина, даже самого недалёкого, заигравшегося в войну и давно потерявшего думанское обличье, выбор был очевиден.

Ластан и Аделон мысленно уже были по ту сторону поляны, когда из-под земли, преодолевая боль, поднялось несколько обезображенных бурых фигур. В их подслеповатых глазах горела звериная ненависть, и эта же ненависть, вырвав из земли копьа, с неистовой силой метнула их в спины убегавшим киянцам. Именно в этот момент что-то заставило Аделона обернуться и, увидев летящие в их сторону, словно стая хищных птиц, копьа, он лишь успел исступлённо заорать: «Врассыпную!» И тут произошло то, что врежется в его память до конца дней; то, что впредь не даст ему покоя ни днём, ни ночью.

Услышав команду Аделона, Ластан тоже обернулся. Копья стремительно приближались, но было ещё время отскочить в сторону или резко пригнуться. Но... вместо этого Ластан вдруг рывком развернулся, раскинул руки в стороны, будто приглашая посланников смерти в гости, и замер. Аделон успел увидеть лицо друга – его освещала счастливая улыбка, а в глазах... в глазах сверкали слёзы – слёзы благодарности судьбе за избавление.

Сразу три смертоносных орудия легко вошли в его грудь и, прежде чем замолчать навеки, его губы успели прошептать: «Спасибо. Наконец-то».



Лёжа в эту ночь на прогретой за день тёплой земле, Лиль поймала себя на том, что впервые за многие дни широко улыбается:

Это случилось несколько ночей назад. Тогда, невзирая на усталость и с трудом преодолевая желание зарыться в сон, она вновь отправилась в своё опасное путешествие. Она уже знала дорогу наизусть – каждый острый камень, каждое высокое дерево или колючий кустарник. Лиль осторожно огибала все препятствия, которые могли бы повредить верёвку. Теперь она добиралась до соседнего дома в два раза быстрее.

Как и прежде таяна подлетела к заветному окну, но, заглянув в него, отпрянула от неожиданности и ужаса. Потом, поняв, что в окно глядит та, чьё лицо она мечтала увидеть так близко уже много дней и ночей, Лиль вновь к нему прильнула. Она не смогла совладать с собой и заплакала от счастья – они всё-таки встретились! Теперь их было двое!

Таяна по ту сторону окна тоже не смогла сдержать слёз. Так они и стояли, рыдая, не в силах остановиться. Они конечно же узнали друг друга. Да и как Лиль могла не вспомнить нахальную рыжеволосую забияку из свиты Мары. Но разве их прежние распри имели теперь какое-нибудь значение? Какая ирония судьбы – там в Западном саду они создавали себе проблемы искусственно, изнывая от сытого, ничем не обремененного существования. Сейчас вся их война представляла в совсем ином свете – какими же глупыми и самонадеянными они были ещё совсем недавно. И Зеда конечно же узнала Лиль – это было написано в её страдавших за время пленения глазах. Глядя на соплеменницу и плача навзрыд, она, наверняка, думала о том же и сокрушалась об их бессмысленных порывах и надуманной неприязни друг к другу – войны от нечего делать.

Но вот, пролившись обильным дождём, буря стихла. Из-за туч вышло солнце, и обе таяны, не сговариваясь, счастливо улыбнулись друг другу. Стрекозиное крыло почти не скрадывало звук, и вскоре два бурных потока речи потекли из их уст, то перегоняя, то перебивая, то смешиваясь друг с другом. Им надо было столько рассказать, что, казалось, не хватит и целой ночи.

Так Лиль узнала историю Зеда, как две капли росы похожую на её собственную. Ещё она узнала, что хозяева заштопали Зеде крыло нитями, добытыми из стебля какого-то неизвестного таянам растения. Однако сделали они это только для того, чтобы зарабатывать её спиной разноцветные камни. Как раз накануне Зеда добыла им столько камней и выглядела такой измождённой, что у хозяйки дрогнуло сердце. Впервые за всё время она пожалела свою каталу и уговорила мужа не сковывать ей на ночь руки. И это был единственный добрый порыв, который Зеда ощутила на себе со стороны кадасов. В тот момент, когда Лиль заглянула в окно, Зеда как раз взвешивала все «за» и «против» зародившегося в её голове плана выломать крошечное оконце, попробовать протиснуться сквозь него и отправиться на поиски той, другой таяны с ярмарки.

Они всё говорили и говорили, а ночное небо на востоке уже подёрнулось светом. Заметив это, Лиль заторопилась домой, умоляя Зеду не делать необдуманных шагов и пообещав вернуться через два дня – в предстоящую ночь она в кои-то веки собиралась хорошенько выспаться. Она верила, что это позволит ей собраться с мыслями и что-нибудь придумать, тем более что теперь причин для побега стало вдвое больше.

Живя в своём доме, не то чтобы на отшибе, но всё же на порядочном расстоянии от соседей, Ленвел и Кастид тем не менее уже много раз видели кадасов. Как и первое семейство, презревшее незнакомцев, возникших из-под земли на окраине их деревни, все остальные местные думаны не проявили к ним никакого интереса. Такое безразличие поражало, но одновременно вселяло надежду, постепенно переросшую в уверенность, что Ластан ошибался, когда предупреждал Ленвела о враждебности этого народа к незнакомцам. Возможно, он имел в виду недружелюбие. Но ни Ленвел, ни Кастид не собирались заводить здесь друзей. Они хотели не бояться завтрашнего дня и не просыпаться по ночам каждый от своих кошмаров. Они не хотели вспоминать прошлое, у одного из них замешанное на чужой крови, а у другого – залитое слезами страданий близких людей:

Кастид рассказал Ленвелу, как умерла их мать, как погибла младшая сестра, а старшую успел спасти влюблённый в неё киянец – один из редких мужчин, кто предпочёл мирную, трудовую жизнь бесконечной братоубийственной войне. Им удалось бежать и где-то скрыться.

Братьям теперь некуда было возвращаться и некого спасать. Они хотели просто жить. Но время шло, и, избавляясь от прошлого, они стали всё чаще задумываться о будущем. Если они собирались остаться здесь, надо было как-то налаживать контакт с соседями, хотя бы с некоторыми из них – так было заведено у киянцев. Уже давно, взбираясь на ближние невысокие холмы, они обратили внимание на то, что в определённые дни жители окрестных домов дружно покидают свои жилища и, кто с обозами, гружёными всякой всячиной, кто, сгибаясь под набитыми сверх всякой меры коробами, устремляются в одном и том же направлении. Было ясно, что кадасы стекаются туда для обмена товарами. То же самое было заведено у киянцев, только было намного проще – ты просто брал свои излишки и нёс к соседу, выменивая на что-то полезное, чего у тебя не было, а у него было в избытке. Это могли быть и сушёные кузнечики, и земляничный сироп, и самые разные вещицы от одежды до поделок.

Ленвел до сих пор помнил деда Удана, который мастерил уморительные игрушки из желудей, каштанов, коры деревьев и прочего подручного материала, которого в деревне всегда было в изобилии. Ещё мальчишкой он часто бегал к нему, выменивая древесных уродцев на собранную в лесу землянику или пойманного и поджаренного на костре кузнечика

– дед был уже стар, детей у него не было, а сам он был не в силах бродить по лесу, нагибаясь за каждой ягодой, не говоря уже от том, чтобы поймать вёрткое насекомое.

Здесь, на земле кадасов, этот обмен излишками явно имел более грандиозный размах. Интересно было бы на это посмотреть. К тому же, привыкшие кормиться дарами природы, братья очень плохо представляли себе, как возделывать землю и выращивать еду. Здесь это умение очень бы пригодилось – ягоды в поле не росли, а питаться одними кузнечиками и жуками им уже порядком надоело.

Заметив, что это общее устремление кадасов куда-то за холмы происходит с завидной регулярностью, братья всё чаще подумывали о том, чтобы отправиться вслед за ними и посмотреть, что же там всё-таки происходит. Чтобы не выделяться из толпы и не вызывать подозрений, они изготовили два больших мешка, наполнили их вялеными кузнечиками и в очередной ярмарочный день спозаранку оставили своё жилище. Им обязательно надо было успеть примкнуть, пусть и на приличном расстоянии, к какой-нибудь семье кадасов, которая непременно выведет их к месту сбора жителей всех окрестных домов.

Им повезло. Не успели они подняться на первый высокий холм, как далеко впереди увидели группу кадасов, толкавших перед собой тележку, набитую деревянной посудой и поделками. Это им и было нужно. Теперь можно было сбавить скорость и, не теряя семейство из виду, идти за ним по пятам.

Дорога оказалась не ближней, но в конце концов с верхушки очередного холма они увидели извивающуюся внизу речушку, по обе стороны которой расстиралось, а вернее, торчало, гремело и крутилось что-то совершенно невообразимое. Всюду толпились кадасы, а многие из них, особенно дети, сидели верхом на крутящихся деревянных штуркувинах небывалых для киянцев размеров.

- Смотри-ка, они как-то выносят общество друг друга, - усмехнулся Ленвел.

Больше не опасаясь отстать от своих случайных проводников, дальше братья отправились самостоятельно.

Ярмарка по своему обыкновению шумела всеми оттенками грохота, скрипа, крика и детского смеха. Маленькие кадасы, оказывается, умели заразительно и заливисто смеяться, чего никак нельзя было предположить, глядя на бесстрастные, безразличные, а порой откровенно недружелюбные лица их родителей.

Ленвел и Кастид направились в самую гущу – здесь было проще затеряться и избежать ненужного внимания. Очень скоро они поняли, что до них здесь никому нет дела. Услышав речь кадасов, в особенности их перебранки, братья удивлённо переглянулись – крепкие словечки этого народца были поразительно созвучны бранным словам киянцев. Внимательно прислушавшись, они сделали открытие, которое сначала озадачило, а потом несказанно обрадовало: язык кадасов очень сильно напоминал их собственный, будто бы немного исковерканный. Слова как-то неестественно растягивались, вместо гортанного «х» кадасы шипели, выдыхая воздух с силой в небо, а раскатистое киянское «р» звучало, как побитое, и больше походило на «л». В общем, язык кадасов был братьям вполне понятен, особенно если те говорили не очень быстро. А значит, со временем они смогут его выучить.

- Надо сюда наведываться почаще, - шепнул Кастид брату. Тот сверкнул на него глазами – не хватало, чтобы их кто-нибудь услышал и догадался, что они чужестранцы. Им действительно стоило побольше бывать в подобных местах, чтобы нахвататься слов, научиться имитировать интонации и произносить неловкие для них звуки. Тогда уж никто не заподозрит, что они чужаки, и они наконец смогут жить, не опасаясь разоблачения и его непредсказуемых последствий.

Вдруг что-то взметнулось в небо где-то на самом краю поля зрения Ленвела и неожиданно прервало ход его размышлений. Он скосил глаза и остановился, поражённый увиденным. То, что так стремительно прорезало небо, оказалось девушкой, на спине у которой сидел совсем

маленький ребёнок. В первый момент Ленвелу показалось, что к спине девушки каким-то невероятным образом прикреплены мастерски сделанные крылья, которые, ритмично двигаясь сами собой, позволили ей оторваться от земли. Но приглядевшись внимательнее, он понял, что эти крылья не рукотворные, а самые что ни на есть настоящие, растущие прямо из спины этого хрупкого и очень миловидного создания. Увидев, куда смотрит брат, Кастид тоже замер в недоумении и уставился на волшебное зрелище. Он уже было открыл рот, чтобы выразить своё изумление, но, будто почувствовав это, Ленвел обернулся и пригрозил ему взглядом.

Братя были ошеломлены. И причина была не только в том, что они впервые в жизни увидели крылатую девушку, но и в очень давних событиях родом из детства. Те вынырнули сейчас из омота памяти и захлестнули их обжигающей волной стыда и запоздалого раскаяния.

В их деревне жил думан по имени Адмиль, которого считали умалишённым, потому что всю жизнь он всех уверял, что его прабабушка была крылатой и якобы лишь этим отличалась от киянцев. Она происходила из рода неких «таян», которые, по его словам, жили в ароматных садах в чашечках цветов и питались, словно бабочки, нектаром и пыльцой. Адмилю никто не верил: дети смеялись над ним и нарочно просили рассказать что-нибудь об этих существах, чтобы подразнить его. А он, будто не понимая, что над ним потешаются, продолжал уверять их, что прабабушку привёл в деревню прадед, но житья ей там не было – мало того, что у неё были крылья, так она к тому же была волшебной красивой: стройной, с изящными руками и ногами, копной ярко-рыжих волос и огромными, словно две капли росы на траве, зелёными глазами. Он говорил, что у них родился бескрылый сын. Когда мальчик подрос, и у него появились друзья, он начал стесняться матери, а позднее стал относиться к ней и вовсе враждебно, и никакие физические и словесные доводы отца на него не действовали.

Отчаявшись обуздать сына, прадед принял единственно правильное решение: в одно солнечное утро, проснувшись, уже почти взрослый сын не обнаружил в доме ни отца, ни матери. Куда отправились любящие друг друга киянец и таяна, никто так никогда и не узнал.

Выслушав очередную, как тогда казалось маленьким киянцам, бредовую историю, они всякий раз поднимали рассказчика на смех и начинали атаковать его злыми вопросами, вроде «где он потерял свои крылышки?» или «где же теперь его непутёвая прабабка?». А тот лишь смотрел на них своими грустными, зелёными, нездешними глазами и тихо, и как будто виновато улыбался.

Одним из тех жестоких мальчишек был Ленвел, а позднее он притащил с собой и младшего брата, чтобы его потешить.

Сейчас, глядя на парящую в небе думану, Ленвел был поражён её сходством с тем описанием, которое Адмиль давал своей прабабушке: тонкие, хрупкие руки; изящный изгиб талии и огненно-рыжая копна волос, факелом горевшая на фоне голубого неба. Только полёт её был не совсем плавным – время от времени она как будто то ли вздрагивала, то ли.... Нет! Только сейчас он понял, что у крылатой думаны повреждено левое крыло – оно было излишне выгнуто, что заставляло несчастную прикладывать дополнительные усилия для того, чтобы наезднику на её спине было удобно и безопасно.

Ярмарка растворилась где-то за гранью сознания Ленвела: он больше не видел ничего и никого – только эту маленькую, напряжённую от усилий и такую беззащитную фигурку, как по волшебству плывущую по летнему небу над хмурым кадасовым морем. Но что она делает здесь? Как она сюда попала? И почему, вместо того чтобы как все прогуливаться по ярмарке, или, что было бы естественно, перелетать по воздуху от одной лавки с лакомствами к другой, она летит по кругу, надрывая крылья?

Лишь только этот вопрос промелькнул в его голове, как всё сразу стало на свои места. Он понял назначение тонкой верёвки, тянущейся к земле от левой щиколотки девушки. Она служила не для того, чтобы помочь этой несчастной очерчивать в небе более или менее

одинаковые круги. Она просто привязывала её к земле, не давая улететь в родные края, лишая воли – самого дорогого для любого разумного существа на земле.

Ленвел знал, что такое рабство. Но одно дело, когда в рабов превращали повергнутых врагов, пришедших грабить твой дом и убивать твоих родных. Совсем другое – поработить безобидное существо только потому, что оно не может дать отпор, и ещё потому, что оно не похоже на тебя. Тогда, выставя его на показ, как диковинку, можно ещё и заработать.

У него защемило в груди. Могла ли эта несчастная предположить, что данное ей от природы преимущество над всеми ползающими по земле, когда-то сослужит ей очень недобрую службу, оказавшись приманкой для нечистоплотных кадасов?

Мысли Ленвела прервал толчок в спину. Он обернулся и увидел недовольное лицо приземистого кадаса.

- Чо става? Али ходай, али седай удома! – зло бросил он и, не церемонясь, теперь уже нарочно задев Ленвела плечом, звонко сплюнул и прошествовал мимо, таща за собой весьма упитанного мальчугана. Тот тяжело семенил своими толстенькими ножками и, борясь с одышкой, визжал, как попавшая волку в пасть лягушка.

- Быро, па, быре! Хочу на каталу!

Вскоре они скрылись в бурлящей толпе, а Ленвел, кивком головы подозвав Кастида следовать за собой, пошёл в том же направлении – он очень хотел увидеть каталу поближе.

Глава 16

Смотри, Ластан!

Погребение Ластана было совершено в соответствии с древними традициями киянцев. Тело умершего укладывали на крупный лист и накрывали сверху другим таким же. Незадолго до заката его несли к водоёму, где вынимали из погребальных листьев, раздевали, окунали в воду, а затем тут же отправлялись к заранее выбранному лесному муравейнику и, раскачав тело, забрасывали его на самую вершину. После этого надлежало немедленно покинуть ту часть леса хотя бы на сутки – оставаться рядом с муравейником означало нарушать таинство обряда и беспокоить дух умершего.

Аделон уходил прочь с другими воинами своего племени. Он знал, что прощается навсегда не только с близким другом, не только со своей прежней жизнью, в которой Ластан ещё был, жил, воевал с ним плечом к плечу и какой-то удивительной внутренней чистотой облагораживал беспросветное существование погрязших в войне киянцев. Он навсегда прощался с убеждением, что война – это единственное достойное мужчин дело. Именно эта воспитанная в нём отцом с раннего детства уверенность долгие годы давала ему внутренние силы, давала право на то, что он делал всю свою жизнь. И вот теперь, после гибели единственного друга, в душе была тяжёлая пустота, как будто из его тела что-то вырезали, а образовавшуюся брешь до отказа набили камнями. Вся жизнь – война. Но какой смысл был в этой жизни? Врагов у него всегда было хоть отбавляй, а вот друзей, тех, кто коснулся его сердца, за всё это время набралось бы не больше чем пальцев на руке. И жизнь каждого из них была сожрана войной, этой ненасытной, кровавой пастью с острыми, как ножи, зубами.

Уже много дней Аделон неотступно думал о Ластане. Тот, как и он, рано лишился семьи, и война для него была спасеньем от голодной смерти и одиночества. Но смерть всё равно настигла его, и вот теперь друга больше нет, от него не осталось ничего, кроме разрозненных картинок в голове Аделона: вот они на привале молча смотрят на звёзды, вот вместе идут в разведку, вот бегут по лесу за Ленвелом, вот Аделон влез на дерево и оттуда со смешанными чувствами наблюдает за хитроумными манёврами друга...

Ленвел... Где он сейчас? Растворился среди кадасов и живёт себе припеваючи, не имея понятия о том, что его спасение впоследствии оказалось оплачено жизнями сотен киянцев, не исключая и самого его спасителя? Аделон остановился и прислонился к дереву. На мгновение ему подумалось, что надо бы разыскать этого дезертира, обрушить на него все события, произошедшие после его бегства и оставить его с этим жить. Аделон знал, что самое страшное наказание, существующее на этой земле, это муки совести, что отпускают лишь во сне с тем, чтобы вновь стать комом в горле и язвой в сердце, стоит лишь открыть глаза. И превратить жизнь Ленвела в такой кошмар казалось справедливой карой за беды его народа и потерю близкого друга. Он отдавал себе отчёт в том, что Ленвел стал причиной всех этих бед по какому-то роковому стечению обстоятельств, а не по злой воле. Но это ничего не меняло. Тот спасал жизнь родного брата, а это заслуживало гораздо меньше уважения, чем спасение постороннего тебе думана из понимания и сострадания.

Да, ему непременно надо разыскать Ленвела. Он не знал, что будет делать и что ему скажет при встрече, но потребность найти его вдруг заполонила всё его сознание. И именно сейчас, уходя с другими воинами от могилы погибшего друга, он дал себе клятву, что сделает это, как только война с кроменами будет выиграна. Теперь у них было больше оснований верить в победу - только две поляны назад к ним присоединился другой отряд киянцев. Их вождь передал Аделону добрую весть: по всему лесу шло братание доселе враждовавших племён, как будто на всех киянцев одновременно снизошло одно и то же озарение: либо выжить вместе, либо погибнуть порознь.



Время шло. В войне с кроменами произошёл решающий перелом. Киянцы больше не бродили в страхе по лесу, прислушиваясь и ожидая в любой момент нападения. Теперь они сами разыскивали норы врага, выкуривали его оттуда хитроумными уловками и уничтожали.

Киянцы племени Ки всё свободнее перемещались по лесу и всё чаще встречали другие отряды соплеменников, обучали их своей тактике, и те вливались в их ряды.

Сейчас Аделон имел под своим командованием целую армию, и боевой дух воинов находился в самом зените. Зародившаяся некоторое время назад вера в скорую и окончательную победу теперь превратилась в уверенность. Никто уже не помнил, откуда взялась та спасительная тактика борьбы с затаившимся под землёй врагом, кто первым придумал, как вынудить кроменов обнаруживать своё присутствие ещё до того, как им удалось совершить нападение. И только Аделон да Раван знали, что эта идея, перевернувшая всё и изменившая ход войны, принадлежала Ластану. Если бы он только знал, что его быстрый ум в итоге спас киянцев и вернул им не только их извечную среду обитания – их лес – но и мир, потерянный задолго до войны со свирепым подземным народом. Аделону хотелось верить, что он знал. Ему очень хотелось верить, что сверху Ластан видит, что эта страшная бойня обернулась небывалым прежде единением его народа. И теперь, на исходе войны, когда в часы ночного отдыха Аделон лежал на спине, уставясь в чёрное, усыпанное звёздами небо и глядел на их бесчисленные желтовато-белые лики, он всё чаще обращался к другу, что так безвременно покинул его:

- Смотри, Ластан. Смотри внимательно. Ты видишь, какое несметное число киянцев отдыхает здесь, не опасаясь больше нападения? Могли ли мы думать о таком ещё совсем недавно? Нас теперь очень много! За всю свою жизнь я не видел вместе такого количества воинов, объединённых общим стремлением и единой целью. Я пока не знаю, что все мы будем делать с нашей победой. Разбредёмся по домам? Но где они, наши дома? Создадим новые деревни? Только кто в них будет жить? Среди нас нет киянок, и, говорят, их почти не осталось после стольких лет междоусобиц и этой последней кромешной войны. Что будет делать такое несметное количество мужчин, умеющих только отчаянно сражаться, обустрой их и посели в добротные дома? Я пока не знаю. Знаю лишь одно: я никогда не думал, что мир на нашей земле воцарится так скоро, что я смогу увидеть его собственными глазами. И всё же я не могу понять, что я чувствую сейчас. Меня опьяняет это единство, этот неведомый мне доселе общий порыв, но... Я боюсь будущего, боюсь, что мечта о мире для нашего народа разобьётся о вечные киянские пороки. И оттого мне не по себе. Я впервые в жизни боюсь! Боюсь всё это потерять: и войну, и мир!

После разговора с другом Аделону становилось легче – как будто все его сомнения и тревоги делились надвое – он верил, что тот слышит его, сочувствует и всё понимает. И всякий раз глаза Аделона блеснули от переполнявшей его досады на себя – никогда при жизни он так не разговаривал с Ластаном – всегда сухо и немногословно. И он точно знал, что случись чудо, оживи Ластан и явись сейчас перед ним, он бы и теперь не сказал ему десятой доли того, что позволял себе доверить Ластану умершему.

Аделон отвел глаза от неба – они слишком предательски блеснули, и он не хотел, чтобы друг, если он видит его сейчас, видел его таким. Подложив под голову скомканную накидку, он закрыл глаза, и усталость тут же толкнула его в бездну без мыслей, чувств и снов.

Глава 17

Неожиданное спасение

Теперь походы на ярмарку стали для братьев обычным делом. До сих пор они так и не решились попытаться продать своих сушёных кузнечиков. За всё время ни Ленвел, ни Кастид ни разу не видели, чтобы кто-то вывалил на прилавок такой товар. Видимо, не в традициях этого народа было набивать себе животы подобным деликатесом. Именно поэтому они не

рисковали – это могло бы привлечь к ним ненужное внимание, что было бы весьма опасно, поскольку никто из братьев не сумел бы изъясниться с покупателем на местном наречии.

Зато мешки с этим незатейливым лакомством были отличным прикрытием – они служили для отвода недобрых глаз. Ведь любой кадас мог легко заподозрить странных думанов, которые почему-то пришли налегке туда, куда все прибывают гружёные тюками со всякой всячиной.

Кастид прекрасно понимал, *что* заставляет Ленвела вскакивать спозаранку каждый третий день и гонит за холмы вопреки всякому здравому смыслу. В канун одного из таких дней он всё-таки решился поговорить с братом начистоту.

- Хотя ты и старше, но и я уже не ребёнок, – сказал он Ленвелу, сосредоточенно загружавшему в мешок пресловутых кузнечиков, – и я не понимаю, как мы можем помочь этой несчастной. Не думаешь ли ты средь бела дня похитить её на глазах у толпы кадасов? Хорошо, допустим, нам это удалось, и что мы будем делать дальше? Мы сами беглецы. Мы пришли сюда в поисках убежища. Слава Земле, нас никто не трогает. Но это пока! Стоит нам сделать один неверный шаг, и станет ясно, что мы чужеземцы. И что тогда?

А поскольку Ленвел продолжал укладывать тушки кузнечиков в мешок с непроницаемым лицом, Кастид в отчаянии перешёл на крик:

- Я тебя не понимаю! Сначала ты боишься, что нас услышат и разоблачат, и не даёшь мне вымолвить ни слова на ярмарке, где оно, не расслышанное, потонуло бы в шуме и гаме. А теперь, словно умалишённый, ходишь в одно и то же место с одним и тем же мешком и пропадаешь там по пол дня. Мало того, что мы почти забросили начавшее было налаживаться хозяйство, мы ещё и больше чем когда-либо рискуем. А тебе не приходило в голову, что кадасы могут обратить, а возможно уже обратили внимание на твоё странное поведение? Я и сам теперь узнаю постоянных посетителей ярмарки. Отчего же ты так уверен, что они не узнают тебя? Конечно, с чего бы это им обращать на тебя внимание? Это же так естественно – прийти на ярмарку, сгибаясь под тяжеленным мешком и, вместо того чтобы встать, как порядочный торговец, у прилавка, замереть на одном месте, будто вкопанный в один и тот же клочок земли, и пялиться на эту крылатую девку! А она, между прочим, тебя даже не замечает! И если ты заплатишься за это головой, она об этом никогда не узнает!

Кастид знал, что не должен был так разговаривать с братом, не имел права. Но чтобы тот вынырнул из дурмана, которым опоила его эта крылатая колдунья, надо было его задеть, ударить по больному месту.

Но Ленвел даже не взглянул на него и продолжал свою работу.

- Пожри меня змея! – вскричал теперь уже по-настоящему разозлившийся Кастид. – Тебе, похоже, наплевать не только на себя, но и на меня! Зачем надо было меня спасать, если теперь ты готов принести меня в жертву своей крылатой страсти?

Тут Ленвел наконец оторвался от работы, какими-то больными глазами посмотрел на брата и тихо, но жёстко сказал:

- Ты уже большой мальчик. Если что, сможешь сам о себе позаботиться. И на ярмарку я тебя сетью не тащу. Можешь туда и вовсе не ходить. А она... – и глаза Ленвела подёрнулись туманом – этот новый взгляд порядком раздражал Кастиду, – она хрупка и беззащитна. К тому же, она в рабстве у этих извергов. Я должен её выволить.

- Ха-ха! – Кастид вдруг разразился едким смехом. – Да ты посмотри на себя! Ты даже думать разумно не можешь, стоит тебе её увидеть, что уж говорить о том, чтобы взвешенно действовать. Ты погубишь и её, и себя!

- Хуже, чем теперь, ни ей, ни мне уже не будет. А ты, как я уже говорил, волен поступать, как знаешь. Хочешь бежать с нами – пожалуйста. Нет – оставайся здесь. Я приму любое твоё решение. Во всяком случае, на ярмарку ходить ты не обязан.

- Обескровь меня комар! – воскликнул Кастид. – Очнись! Как я могу отпускать тебя одного, когда ты готов на любые безрассудства. Даже не надейся, что тебе удастся улизнуть туда без

меня. Может, та ведьма тебе и дороже родного брата – такова уж несправедливость жизни – но ты-то мне по-прежнему дороже всех на этой земле.

Не говоря ни слова, Ленвел оставил мешок, подошёл к Кастиду и крепко его обнял.

- Прости, брат, - только и сказал он. Затем, затащив верёвку, взвалил ношу на спину и шагнул за порог. Кастид недолго думая сделал то же самое, и братья вновь устремились туда, куда одного влекло неведомое ему доселе, внезапно разгоревшееся чувство, а другого – любовь к брату и опасение за его жизнь.

Этот разговор состоялся теперь уже лун десять назад, и сейчас, едва поспевая за Ленвелом, который буквально летел на крыльях любви, Кастид размышлял о том, такое ли уж это светлое чувство. По нему, так это было чувство весьма тёмное, разуму неподвластное, а оттого схожее с такими понятиями, как чары, колдовство, заклятье, а то и проклятье, или ещё того хуже – помешательство. И в самом деле - Ленвел перестал принадлежать себе. Всё его поведение, смена настроения, мысли и скудные речи были полностью подчинены сжигающей изнутри страсти. Разве это нормально неотрывно думать о существе, с которым ты ни словом не перемолвился? Кастид даже не был уверен в том, что эта рыжеволосая таяна вообще умеет говорить. Он как-то рискнул высказать своё предположение брату, на что тот ответил, что таких глаз, как у неё, он не видел ни у одного киянца, добавив при этом, что среди тех, хоть и весьма редко, но всё же встречались разумные особи. На вопрос, о каких таких глазах тот говорит, Ленвел ничего не ответил, но его взгляд сразу же приобрёл то раздражавшее Кастида выражение, которое про себя он называл «забодай меня жук-рогач». И правда, то выражение лица, с которым Ленвел и сейчас стремительно двигался в направлении ярмарки, больше подходило какому-нибудь юнцу, который только что вступил в ряды воинов и покорно идёт на смерть в своём первом бою, чем зрелому, многоопытному киянцу, который ни разу не дрогнул, заглянув этой самой смерти в пустые глазницы.

Но вот из-за холмов показалась ярмарка, а ещё через несколько мгновений над толпой взмыл и зачертил на бирюзовом небе круги изящный тёмный силуэт.

Увидев её, Ленвел прибавил шагу и вскоре уже пробирался через толпу кадасов, стараясь найти свободный кусочек земли поближе к таяне.

Заметив небольшой просвет в гуще родителей и детей, Ленвел направился туда, тяжело опустил свой мешок, но, ставя его, задел полную, черноволосую кадаску, которая тут же вскинулась, словно потревоженная гадюка.

- Чо, без гладелок? - и повернувшись к Ленвелу, вдруг заголосила так, что вся гудевшая толпа почти разом смолкла и как по команде обернулась на крик.

- Чо та лазешь седа?! Я тя глядаю кажный недь! Малых нета, чо те надито?

Кастид, наблюдавший за происходящим из-за спин доброй дюжины кадасов, так быстро, как это только было возможно, протиснулся к стоявшему в замешательстве брату, положил руку тому на плечо и, вперив несвойственный ему суровый взгляд в продолжавшуюся надрываться мамашу, заорал:

- А те чо требато? Знашь стоято, коли надито! Можа мо родник болявый, можа ак малой! – при этом Кастид больно сжал Ленвелу плечо, опасаясь какой-нибудь неуместной реакции с его стороны.

Услышав речь брата, Ленвел просто опешил: он и так был в замешательстве, не понимая, как реагировать на выпад кадаски. А потому новость о том, что Кастид так лихо и чисто говорит на местном наречии, придала выражению его лица ещё больше растерянности, добавив правдоподобия словам брата о его слабоумии. Однако Кастид был наивен, если полагал, что весть о болезни Ленвела вызовет понимание или хотя бы снимет напряжение. Не успел он

произнести слово «болявый», как поднялся всеобщий крик, значение которого они оба прекрасно поняли. Взбешённые кадасы замахали на них руками, и Ленвел попятился, ошеломлённый их всеобщей озлобленностью. И если бы не Кастид, который схватил его за локоть и потащил прочь в направлении площадки, над которой кружила таяна, те, пожалуй, растерзали бы их обоих.

Именно в этот момент Зеда приземлялась после очередного круга и только в последнее мгновение увидела выбегающих из толпы прямо ей под ноги киянцев. Она сделала резкий рывок в сторону, чтобы избежать столкновения. Сидевший у неё на спине мальчик, за миг до того отпустивший поводья, чтобы помахать ожидавшим его внизу родителям, не удержался и, опрокинувшись на бок, упал на землю. Больно ударившись всем телом, он заплакал навзрыд. Родители тут же сорвались с места и бросились к сыну. Оказавшись на земле, перепуганная Зеда в ужасе рванулась к ребёнку, но мать уже подняла его с земли и, похоже было, что мальчик отделался лишь лёгким испугом и парой синяков.

Таяна не успела добежать до матери, чтобы извиниться и выразить своё сочувствие. Сзади её настиг взорвавший спину удар хлыста, затем другой, от которого она сама упала на землю – это свирепствовал Разон, её хозяин. Вскоре к ней подскочил и разъярённый отец мальчика – теперь ещё и тяжёлые удары кулаков посыпались ей на голову.

Ленвелу некогда было думать. Жизнь воина приучила его действовать мгновенно и наверняка. Подскочив сзади к хозяину Зеде, одной рукой он сдавил ему горло, успев другой поймать хлыст, высвободившийся из разжавшихся пальцев кадаса, которому отчаянно понадобились обе руки, чтобы ослабить мёртвую хватку нападавшего. Почувствовав более сильную руку и взлетев в неведомом доселе по мощи замахе, хлыст всей длиной опустился на отца мальчика, успев подумать, что он совсем не прочь сменить старого хозяина на державшего его в руке чудо-богатыря. Оставив на одновременно разъярённом и изумлённом лице кадаса глубокую красную борозду, хлыст взмыл вновь и обрушился на не успевшего оправиться от удивления думана новым поперечным ударом, который сбил его с ног, уложив на землю рядом с Зедой.

- Отвяжи верёвку! Я прикрою! – бросил Ленвел Кастиду. Он был готов в любой момент обрушить новый удар на любого, кто попытался бы вмешаться.

Кастид тут же кинулся к Зеде, его ловкие, тонкие пальцы проворно заработали, но не тут-то было – узел не поддавался. В воздухе мелькнуло лезвие каменного ножа. На самом деле, Ленвел запретил Кастиду брать его с собой на ярмарку, но на этот раз, уловив боковым зрением взмах оружия, старший брат был рад, что младший его не послушал. Через несколько мгновений щиколотка Зеде была освобождена. Кастид наклонился над таяной и рывком поднял с земли.

- Улетай, - шепнул он ей, - немедленно!

Плохо понимая, что происходит, Зеда растерянно посмотрела на свою щиколотку, потом на освободившего её киянца, а затем на другого – с хлыстом.

- Взлетай! Быстрее! – заорал в этот миг Ленвел, кивком головы указывая на небо и одновременно замахиваясь хлыстом на двинувшегося на него из толпы кадаса.

Помедлив ещё мгновение, рыжеволосая таяна расправила свои к счастью не повреждённые кнутом крылья и, в последний раз взглянув на Ленвела, взмыла ввысь. Посмотрев оттуда вниз, она увидела, как разбушевавшаяся толпа сомкнулась за спиной двух непохожих на остальных кадасов, взяв их в живое, плотное кольцо. Зеда резко развернулась и полетела над шумевшей внизу ярмаркой к маленькой фигурке, чертившей круги в небе за рекой.

Ещё издали Лиль увидела стремительно летящую к ней Зеду. Та свободно передвигалась по небу, за ней не тянулась верёвка, и никто не сидел у неё на спине. Зародившаяся надежда очень скоро переросла в уверенность, что каким-то чудом Зеда смогла вырваться из плена и теперь летит вызволять свою недавно обрётённую подругу. Но как она сможет это сделать? У

Лиль на спине сидел ребёнок, а узел на ноге - она знала это наверняка - Зеде будет не под силу развязать. Но в следующее мгновение та метнулась в сторону, перелетела через всю ярмарку и исчезла где-то за её шатрами. Сердце Лиль упало – Зеда явно подумала о том же, о чём только что думала она, и поняв, что не сможет помочь подруге, рассудила здраво – чем погибать вместе, лучше уж спастись кому-то одному. Огромным усилием воли Лиль остановила подступавшие к глазам слёзы на полпути. Зеда была права - она бессильна ей помочь. Зато никто не мешает ей теперь полететь домой в сады и рассказать другим таянам, а может быть, и таянцам, что Лиль держат в плену. И они прилетят, их будет множество, и тогда уже кадасы не смогут противостоять целой армии, пусть маленьких, но смелых и сильных духом крылатых думанов. И только Лиль воспряла духом, как градом тяжёлых семян на неё обрушились воспоминания об их жизни в Западном Саду: об их разрозненности и обособленности, о той отвратительной войне, которую они развязали на пустом месте, и о том, как всё это в итоге привело её сюда, на землю кадасов. Как можно было рассчитывать на помощь от тех, кто готов был обидеть и даже ударить другого из-за пустяка? Лиль понуро опустила голову и начала снижаться – пришло время менять наездника.

Приземлившись, она как обычно встала на четвереньки и опустила крылья. Очередной кадасёнок забрался ей на спину и вдруг нежно к ней прильнул.

- Мила мая! – услышала она щебетание Сидар.

Лиль оглянулась. Она не ошиблась – сияющая Сидар и впрямь сидела у неё на спине, а поодаль стояли улыбающиеся Дасадар и Бодор. С тех пор, как Лиль работала на ярмарке, малышка больше не каталась на ней дома, потому что видела, как та оставляет здесь все свои силы, и жалела её. И сейчас она выпросила у родителей разрешение сделать круг на собственной катале.

Для своей Сидар Лиль была готова и на большее. Только что она могла сделать, сидя на привязи возле дома?

- Держани крепко, - шепнула она, улыбнувшись и подмигнув малышке, и проворно заработала крыльями.

Они взмыли над серой толпой, и тут, к своему удивлению, Лиль вновь увидела Зеду, которая возвращалась оттуда, где исчезла некоторое время назад. Она летела одна и явно направлялась к подруге по несчастью.

Не понимая, что та задумала, Лиль полетела по заданному кругу, не спуская однако глаз с приближающейся таяны. Через некоторое время она смогла различить в руках Зеде что-то острое. Ещё несколько взмахов крыльями, и вооружённая таяна подлетела совсем близко. Теперь стало ясно, что в руках она сжимает каменный нож. Можно было только догадываться о том, где она его взяла. Подлетев вплотную, не теряя времени на разговоры, Зеда начала сосредоточенно пилить запутанную вокруг щиколотки Лиль верёвку. Это оказалось делом непростым.

Стоявшие внизу кадасы не сразу поняли, что к чему. Когда же до Бодора дошёл смысл происходящего, он схватился за верёвку и, резко потянув её вниз, стал наматывать на руку. Повинуясь движению верёвки, Лиль сильно дёрнулась, и Сидар слетела бы у неё со спины, если бы таяна не успела обеими руками ухватить девочку за ноги. От страха маленькая кадаска завизжала и прижалась к Лиль, крепко обхватив ту своими маленькими ручонками.

В первый момент Бодор испугался, что может причинить дочери вред, но увидев, как крепко катала держит Сидар, он успокоился. Медленно и плавно он продолжал подтягивать верёвку и наматывать её себе на руку – Лиль начала снижаться.

Тем временем Зеда в отчаянии пыталась перетереть тонкую, но очень прочную верёвку ножом, который подобрала возле ближайшего к ярмарке дома - на её счастье хозяева не потрудились убрать его с обеденного стола. Она лихорадочно пилила, а когда рука немела совсем, Зеда перекладывала нож в другую. К несчастью, неподатливая верёвка всё ещё была

распилена только наполовину, и Лиль, хоть и медленно, но неумолимо снижалась. Ещё немного, и тянувшиеся к ним руки разгневанных кадасов смогут схватить обеих за ноги. Зеда то и дело кидала взгляды вниз на разъярённую толпу. А взметнувшиеся вверх руки, походившие сейчас на уродливые щупальца плотоядного растения, извивались всё ближе и ближе.

- Улетай! – услышала Зеда голос Лиль, которая изо всех сил старалась не выдать своё отчаяние, – улетай, или мы погибнем вместе. Какой смысл?

- Пустине мя! – раздался вдруг другой резкий, тоненький голосок. Зеда вскинула глаза. Маленькая Сидар сидела на спине Лиль, выпрямившись и разжав руки.

- Пустине мя! – завизжала она опять, теперь уже высвобождая ноги из рук своей каталы.

- Отпусти её! – поняв, чего хочет девочка, крикнула подруге Зеда.

- Я не могу! Она разобьётся! – понимая, что всё пропало, глотая слёзы, ответила Лиль.

- Пустине! Пу-сти-не! – заорала Сидар, брыкаясь с такой силой, что Лиль еле удерживала её ноги.

- Мы совсем низко! В худшем случае она сильно ушибётся! – взмолилась Зеда. – Если я перережу верёвку, куда мы полетим с ней? Ты подумала об этом?

Лиль заплакала навзрыд и медленно разжала пальцы, а маленькая Сидар вдруг влезла своими ножками ей на спину и, сильно оттолкнувшись, прыгнула не вниз, а вперёд, в центр очерчиваемого таянами круга. Раздался её испуганный визг, мгновение она свободно летела и, наконец, приземлилась прямо на отца, сбив того с ног. Верёвка резко дёрнулась вниз, и в это мгновение пальцы кадасов коснулись ног таян. Но сбитый с толку своим падением и оглушённый воплями и слезами только что упавшей с неба дочери Бодор разжал руки и отпустил верёвку.

Почувствовав это, таяны резко взмыли вверх. Ещё три отчаянных движения уставшей до изнеможения руки, и верёвка пала на головы кадасам.

- Летим отсюда! – крикнула Зеда, но Лиль будто приросла к этому клочку неба. Она зависла над толпой, не двигаясь с места.

- Летим! Летим быстрее! – Зеда подлетела к подруге и дёрнула её за руку. А Лиль смотрела вниз, с болью в сердце пытаясь разглядеть в бурлящей, сомкнувшейся толпе Сидар. И она увидела её, свою маленькую хозяйку, свою бесстрашную спасительницу. Сидар сидела на руках у отца и рыдала, глядя в небо. Она была жива!

Тогда Лиль набрала в лёгкие побольше воздуха и, разрывая густой гул толпы, горячим ветром полетели на землю слова, предназначенные крошечной кадаске.

- Сидар, я люблю тебя!

Лиль знала, что Сидар поймёт её, догадается, что значат её слова. Она не могла сказать ей это на кадасском языке – Сидар могла бы за это жестоко поплатиться.

Ещё раз взглянув вниз и увидев, как кто-то в толпе целится в них поднятым с земли камнем, таяны взметнулись ввысь и полетели прочь.

- погоди! – крикнула подруге Зеда, когда ярмарка осталась позади, а впереди уже маячил дом Бодора, за которым, создавая естественную границу между землями кадасов и других думанов, простирались холмы, а ещё дальше душистые сады, в одном из которых таяны оставили свои ароматные, шелковистые дома. – Мы не можем лететь домой! – Зеда с мольбой в глазах посмотрела на Лиль.

- Почему? – удивилась та. – Куда же нам ещё лететь?

- Почему ты не спрашиваешь, как я оказалась на свободе?

- Я как раз собиралась об этом спросить.

- Мне помогли, - Зеда зависла в небе, вынуждая подругу сделать то же самое. – меня освободили два странных кадаса.

- Действительно странно, - согласилась Лиль. – хотя, если судить по Сидар, на свете есть и добрые кадасы.

- Да нет, я не о том, - от досады, что её не понимают, Зеда даже поморщилась. – Они действительно странные: ниже других примерно на голову, а волосы и кожа у них темнее, чем у кадасов, - она озадаченно посмотрела на Лиль, - смуглая, с древесным отливом, даже смуглее, как будто они живут не на открытых просторах, а в гуще леса.

- Я понимаю, о чём ты, - подхватила мысль подруги Лиль. – наша кожа меняет цвет в зависимости от цветка, в котором мы живём. Именно поэтому мне хочется поскорее добраться до садов, - и она с горечью провела ладонью землистого цвета по такой же точно руке.

- Да, - перебила её Зеда, - но у кадасов кожа всегда одинаковая. Вот почему мне кажется, что мои спасители так же, как и мы, здесь чужестранцы. И хотя я так и не выучила кадасский, они явно обращались ко мне на другом языке.

- Что здесь забыли чужестранцы? Более недружелюбный и замкнутый на себе народ трудно представить. Даже мы при всех своих глупых распрях умеем дружить и с удовольствием проводим время в общих играх...

- Или войнах, - горько усмехнулась Зеда, но тут же сделала нервное движение рукой, будто отмахиваясь от уводящего её от важной темы разговора. – Не сбивай меня, я ведь не о нас. Я – о них. Они спасли меня – сначала от ударов хлыста, а потом от кадасов, перерубив верёвку остро заточенным камнем. Если бы я не видела, как это сделали они, я бы ни за что не сообразила, как мне освободить тебя – пыльца да зёрна хороши только в борьбе с зарвавшимися таянами.

Лиль чуть не хихикнула, вспомнив, как однажды лихо закупирила Зеде рот, но вовремя спохватилась и серьёзно сказала:

- Спасибо им за это большое.

- Наше спасибо им не поможет, - горько покачала головой Зеда. – Улетая, я оставила их в окружении плотного кольца взбешённых кадасов, а вооружены мои спасители были всего лишь камнем и хлыстом.

Повисло напряжённое молчание, во время которого глаза Зеды сверлили Лиль, вызывая к её состраданию. Лиль прекрасно поняла, к чему клонит подруга.

- Но как мы им поможем? Мы не смогли бы сразиться с толпой кадасов, даже если бы владели оружием, - а поскольку Зеда продолжала глядеть на неё с немой мольбой, добавила. - То, о чём ты думаешь, невысказано. Это даже не глупость и самонадеянность, это безумие! Ты понимаешь, что мы не только не спасём этих чужестранцев, но, что вернее всего, погибнем сами? В лучшем случае вновь окажемся в плену у кадасов, которые на этот раз вряд ли отнесутся к нам с прежним жестоким безразличием – ведь в их глазах мы будем уже не рабами, а врагами.

- Но ведь те двое рискнули всем ради меня, и только благодаря им я сумела вызволить тебя. Я не могу улететь и просто выбросить их из головы, - сверкнула глазами Зеда.

- Придётся, - жёстко сказала Лиль, - у нас нет выбора, - и, хватаясь за соломинку, добавила, - они сильные, не чета нам. Возможно, они уже на свободе.

- Возможно, именно сейчас им нужна наша помощь, - тут глаза Зеды гневно загорелись. – А я-то думала, ты совсем другая. Значит, нам не по пути. Мара была права, говоря, что Диоза собрала вокруг себя всех самых никчёмных таян.

Сказав это и не дожидаясь ответа, Зеда развернулась к несостоявшейся подруге спиной, да так резко, что поднявшийся вихрь разметал белокурые волосы Лиль по всему лицу. Взметнувшись ещё выше в небо, рыжеволосая таяна начала удаляться от Лиль с какой-то нетаянской скоростью, как будто гнев давал ей дополнительные силы в борьбе с густым, горячим воздухом.

Глава 18

Дружба есть

Кольцо вокруг Ленвела и Кастида уплотнялось всё новыми и новыми зеваками, слышавшими о небывалом событии: кто-то посмел вмешаться в дела другой семьи. Это было неслыханно. Испокон веков кадасы, как никакой другой народ, соблюдали негласный закон: чужая семья – чужое дело. Что бы ни происходило у соседей или на ярмарке у всех на глазах, никто не вмешивался, если это не касалось его семьи или его самого. Все семьи жили по своим собственным правилам, которые в большинстве случаев устанавливались мужем, а не женой. Бывали, правда, редкие случаи, когда всё обстояло совсем наоборот. И уж совсем неслыханным было, чтобы супруги решали дела вместе. Так или иначе, но каждая семья была сама себе закон.

Именно то, что этот основополагающий закон кадацкого образа жизни был кем-то бесцеремонно попран, привлекало сейчас всё больше и больше зрителей к тому отвоёванному хлыстом и ножом пятачку земли, на котором стояли спина к спине Ленвел и Кастид. Последний держал в руке захваченный так кстати нож, угрожая пустить его в ход, если кто-то посмеет приблизиться. Ленвел же направо и налево разрезал хлыстом воздух, покрывая и добрую половину той территории, которую защищал его младший брат. И хотя вокруг, кто в немом удивлении, а кто в гневе, толпилось не менее сотни кадасов, никто, похоже, не собирался нападать на братьев. Многие переводили взгляды с чужестранцев – то, что они чужаки, распространилась в толпе так быстро, словно эту новость разнёс поднявшийся чуть раньше ветер – на главу семьи, в плену у которого ещё совсем недавно томилась Зеда. Разон, отец пятерых сыновей, двое из которых ещё были столь малы, что их пока не брали на ярмарку, в бешенстве молотил руками воздух. Он и двое его старших сыновей были совершенно безоружны (третий – не в счёт: он только пару лет, как начал говорить), если не считать подобранных с земли камней – одним из них ещё прежде Разон хотел поразить так дерзко улетевшую от него Зеду. Катала приносила семье хороший доход, и он уже начал привыкать к своему новому положению рабовладельца, со всеми вытекающими преимуществами. Это был и свалившийся, в прямом смысле слова, с неба недостаток, вызывавший зависть соседей, и необузданные мечты о праздном и сытом будущем. Первое подогревало его самолюбие и уже позволило ему приобрести новую повозку, которую всё семейство доверху нагружало продуктами, а иногда и игрушками, пошитыми его женой на продажу, а затем два его старших сына, крупные, дебелые детины, легко тащили её на ярмарку. А мечты и желания толкали на самые вычурные поступки. Например, незадолго до того, как Зеде было позволено спать не прикованной к стене, Разон выложил своему соседу целую гору заработанных её спиной и крыльями разноцветных камней за удовольствие созерцать, как танцует его старшая дочь. В тот же вечер алчный отец приволок заплаканную юную кадаску к Разону и заставил выполнить прихоть богатого соседа. Разон понимал, что нуждающиеся знакомые и соседи будут готовы на всё ради чудо-камней, а потому уже вынашивал целую череду самых невероятных, а порой нечистоплотных планов.

И вот теперь все его планы рассыпались в прах из-за каких-то недоносков: мелких, жалких тлей, да ещё, судя по всему, чужаков, которые имели наглость вмешаться в дела его семьи. Ярость буквально разрывала Разона изнутри. Его не сильно отягощённый мыслями, зато возбуждённый инстинктами мозг понимал, что, что бы он сейчас ни сделал с этими двумя, это не вернёт ему крылатую девчонку. И всё же, так просто они не отделаются! Он объяснит им,

что вторжение в чужие дела чревато большими неприятностями, а может быть, непереносимой болью, а может, даже смертью.

Неустанно работая хлыстом то одной, то другой рукой, Ленвел не позволял Разону приблизиться ни на шаг. Он смотрел обидчику Зеде в глаза и, видя в них тупую звериную ярость, думал только о том, сколько же страданий это животное должно было причинить его таяне, сколько же ей бедной пришлось вытерпеть. Эта мысль лучше любых воинственных речей его бывших главарей поддерживала в нём боевой дух, а тело в напряжённой готовности действовать мгновенно и наверняка. По повадкам Разона и других кадасов он быстро понял, что те давным-давно не нюхали войны. Тела их были дряблы и неповоротливы. Два старших сына Разона, несмотря на яростное желание отца схватить обидчиков, не предпринимали никаких активных действий. Они стояли по обе стороны от него, чуть позади, явно надеясь, что происходящее их никак не коснётся. Некоторые недолюбливавшие Разона кадасы перешёптывались, злорадствуя от всей души. Других начали уводить жёны, потому что было действительно пора идти домой. Так что в скором времени кольцо вокруг киянцев пришло в движение и начало рассасываться.

- Они расходятся! – крикнул через плечо брату удивлённый и ободрённый Кастид.

- Все не разойдутся, – мрачно бросил тот. Уж Ленвел-то знал, что на каждый десяток-другой ленивых, малодушных, а может, добрых или просто равнодушных обязательно найдутся один-два бедокура, готовых вступить в драку просто из интереса или чтобы потешить свой молодой организм. Но такие не будут вступаться за слабых. Сначала они цинично оценят силы противника, а уж потом, будто случайно, примкнут к уже и без того побеждающей стороне.

- Не расслабляйся! – крикнул он брату, наблюдая за тем, как Разон, отчаявшись подойти ближе и не имея достаточной ловкости, чтобы схватить хлыст, бороздивший воздух так, что мелькало в глазах, прицелился в него увесистым, острым камнем. Камень оторвался от бросившей его ладони и тупо полетел вперёд по немудрёной, просчитанной Ленвелом заранее траектории. Не долетев до цели, он был отброшен назад хлёстким ударом хлыста, и, если бы имел глаза, успел бы заметить удивлённое выражение лица Разона, прежде чем, оставив багровый отпечаток на его лбу, безжизненно упал на землю.

Однако Ленвел напрасно рассчитывал сбить противника с ног – слишком толстокожей и толстокостной была голова дремучего кадаса. Разбитый лоб и последовавшие за этим смешки тех, кто видел, как ловко Ленвел отправил камень в обратный путь, взбесили кадаса настолько, что он рванул с места прямо под сыпавшиеся со всех сторон удары хлыста. За ним, боясь гнева отца, очень неуверенно двинулись и сыновья.

Ещё издали Зеда из всех сил стала вглядываться в тот уголок ярмарки, где она оставила двух незнакомцев, которые так неожиданно вмешались в её судьбу и судьбу Лиль. Впрочем, о Лиль она сейчас думать не хотела. Зеда, конечно, допускала, что у неё самой есть отдельные недостатки, но в их перечень уж точно не входили чёрная неблагодарность и трусость. А вот Лиль, похоже, они были не чужды. В пылу обиды и негодования она как-то совсем забыла о том, что именно «трусливая» Лиль разыскала её в сарае, рискуя собственной жизнью. И та же «неблагодарная» Лиль, узнав в ней свою давнюю обидчицу, первая улыбнулась и предложила никогда не вспоминать о прошлом. А позже, узнав о том, как с ней обращается Разон, постоянно приносила Зеде то ягоды, то орехи, которые самой Лиль перепадали лишь тогда, когда добрый Сидар удавалось её тайком угостить.

Вскоре таяна уже различала изрядно поредевшую толпу кадасов. Она не знала, что и думать: то ли Лиль оказалась права, и чужестранцам-таки удалось сбежать, то ли кадасы справились с

ними и, возможно, теперь они томятся в плену у Разона вместо неё. А может, - сердце Зеда заколотилось, заглушая все окружающие звуки, - их уже нет в живых.

Она прекрасно понимала, что своим появлением над ярмаркой отвлечёт внимание кадасов от чужестранцев, если те ещё здесь. А что ещё ей оставалось? И тут в её голове возникла шальная идея. Зеде некогда было обдумывать возможные последствия. Она вильнула в сторону, на несколько мгновений исчезла за парой рослых деревьев, стоявших вдоль вытоптанной кадасами и их повозками дороги, и вскоре показалась вновь над окраиной ярмарки. Ещё несколько взмахов крыльями, восторг праздного парящего полёта, и Зеда уже хорошо видела, что творится на том пятачке, где в землю был воткнут кол с привязанной к нему верёвкой, что, словно греющаяся на заходящем солнце змея, лежала, разметав свои кольца.

Нет, они были живы! Но одного из них подмял под себя Разон, а другой ещё стоял на ногах, размахивая тем же острым камнем, который недавно, подчиняясь его воле, перерезал злополучную верёвку. С двух сторон к нему неуверенно приближались старшие сыновья её бывшего хозяина, также сжимая в руках по здоровенному камню. Мгновенно оценив ситуацию и поняв, кому помощь нужна в первую очередь, Зеда подлетела ближе и зависла прямо над распластавшимся поверх Ленвела телом Разона.

- Надеюсь, каменный дождь охладит твой пыл! – крикнула она в исступлении, припомнив в этот миг все свои страдания у него в доме, и больше не медля, развязала завязанный узлом подол юбки.

Услышав возглас с неба, участники битвы и зрители невольно задрали головы, но в тот же миг площадку огласил бешеный рёв Разона, на голову и туловище которого обрушился настоящий град из камней всех размеров и мастей. Если бы кто-либо их зевак мог сейчас отвлечённо думать, его поразило бы их количество и то, что такое хрупкое существо смогло не просто поднять их в воздух, но и некоторое время с ними лететь. Однако в этом не было ничего удивительного – тяжёлая работа на протяжении длительного времени конечно вымотала таяну и душевно, и физически, но зато натренировала её прежде пусть и стройное, но чересчур изнеженное тело.

Вопреки ожиданиям Разон не только не лишился чувств, но, забыв про Ленвела, вскочил, зачерпнул руками камни и изо всех сил швырнул ими в ненавистную таяну.

- А та, твара крылка, пожди! Я тя ко земи прибую и крылки целы преломю! – заорал он в бешенстве.

Не готовая к такому повороту событий Зеда лишь в последний момент сделала рывок вверх, и несколько тяжёлых, острых камней угодили ей прямо в ступни. От боли у неё чуть не выступили слёзы, но она сглотнула их и, взглянув на свои разбитые ноги, тут же перевела взгляд вниз на землю. О Небо! Её лицо осветила улыбка радости и триумфа: пользуясь тем, что она отвлекла Разона, старший из её спасителей - тот, что так искусно владел хлыстом - прорвал кольцо в его самом слабом месте, а именно, побросал сыновей кадаса на землю. Легко раскидав остальных зевак, он сейчас убежал прочь, увлекая за собой младшего. Вместе они за какой-то миг пересекли территорию ярмарки и исчезли в высокой траве, густо покрывавшей весь крутой берег реки.

Зеда была в таком упоении от своей победы, что, забыв об опасности и продолжая улыбаться, всё это время провожала их взглядом. И только просвистевший возле левого крыла таяны камень, вернул её к окружающей действительности, заставив вновь обратить свой взор на землю. А там бушевал Разон. Он подпрыгивал и швырял в неё всё, что подворачивалось под руку, успевая при этом отвешивать подзатыльники подоспевшим к нему бестолковым сыновьям, которые, как ни старались, ничего не могли до неё добросить.

От этого зрелища Зедой овладел поистине безумный восторг.

- Давай! Давай! – закричала она сверху и начала выписывать в воздухе такие фигуры, которым могли бы позавидовать все крылатые жители земли. Таяна была в ударе! Она дразнила Разона и его увальней, то стремительно проносясь почти над их головами, то резко взмывая ввысь. Ей даже удалось перехватить пару потерявших задор и, едва долетев до неё, засобиравшихся в обратную дорогу камней. Их она запустила прямо в макушку старшему из сыновей. Тот взвыл и схватился за голову.

- Думать больно? – звонко посочувствовала Зеда и залилась безудержным смехом. - Бе-э-днень-кий! – хохотала она в исступлении. – А меня прутом стегать не больно было? А окатывать ледяной водой из колодца не больно? Жаль, что я не могу отплатить тебе и твоему братцу тем же!

Зеда продолжала носиться, расчерчивая небо немыслимыми кружевами. Внизу почти с такой же скоростью носился Разон, разбросавший к этому времени все имевшиеся в его распоряжении камни. Он смешно подпрыгивал, пытаясь схватить таяну хоть за что-нибудь, когда она в очередной раз пикировала вниз, чтобы в последний миг взмыть вверх, оставив своего бывшего хозяина с носом.

Стоявшие на площади кадасы не торопились расходиться. Хватаясь за животы, они сгибались пополам, приседали и даже падали от смеха на землю. В какой-то момент, обессилив от бесконечной погони, Разон всё-таки споткнулся и упал, растянувшись во весь рост. Увидев это, Зеда резко развернулась, подлетела и зависла над ним, а затем, запрокинув голову, закатилась победным хохотом. В своём торжестве она не заметила, что рука упавшего Разона оказалась точно у рукоятки хлыста, который, переходя из рук в руки и, наконец, оказавшись на земле, до сих пор с завидным безразличием наблюдал за всем происходящим. Из этого блаженного состояния его вывела рука хозяина, который, подняв рукоять над головой, в злобном бессилии полоснул им воздух.

Зеда мгновенно перестала смеяться, поскольку вместе с ощущением резкой, с трудом переносимой боли, почувствовала, что она не в состоянии держаться в воздухе. В панике таяна взглянула на свои крылья – они были рассечены хлыстом поперёк и бессмысленно трепыхались, словно лохмотья подола её юбки.

- Ма-ма! – заорала Зеда, понимая, что камнем летит вниз, но, к своему изумлению, вдруг оказалась на чьей-то изящной спине и, только услышав знакомый голос, крикнувший: «Держись крепче!», поняла, что эта красивая, а между тем, очень крепкая спина принадлежит Лиль. А дальше боль всепоглощающим ливнем обрушилась на её сознание: в голове Зеды зашло солнце, тело её обмякло и начало сползать в бездну, окончательно теряя связь с внешним миром.

Глава 19

Знакомство

Лиль понимала, что долго так не протянет. Если бы Зеда продолжала сидеть у неё на спине, возможно, ей хватило бы сил домчаться до ароматных садов, и, спрятавшись в чашке какого-нибудь крупного цветка, они оказались бы в безопасности. Но та потеряла сознание и, если бы не быстрая реакция подружки, сползла бы у неё со спины, и ... Лиль не хотела думать о том, что произошло бы в этом случае. К счастью, она успела ухватить Зеду за ноги и прижать их к себе, но тело и голову той, будто увядший цветок на ветру, болтало из стороны в сторону, нарушая равновесие и постоянно подвергая их обеих смертельному риску. Поэтому очень аккуратно, за руку и за ногу Лиль стащила Зеду со спины и теперь несла её на руках, крепко прижав к груди. Раненая таяна весила почти столько же, сколько Лиль, и, хотя жизнь у

Бодора сделала его пленницу выносливее и сильнее, руки уже затекли и одеревенели настолько, что она их почти не чувствовала и опасалась в любой момент уронить свою ношу.

Понимая, что у неё нет выбора и придётся садиться, Лиль внимательно посмотрела вниз. Убедившись, что никто не преследует их по земле, она начала медленно снижаться, боясь делать резкие движения, чтобы не причинить ещё больше вреда рассечённым крыльям Зеда. Земля постепенно приближалась, и стало ясно, что сесть им придётся в местности, сплошь покрытой высокой травой. Это было неудобно и опасно. Таян с детства пугали травой, поднимавшейся выше их головы. Лиль до сих пор помнила наизусть мамину колыбельную:

Вот восходит бледная луна,
До рассвета спать велит она.
Залетай в свой шёлковый цветок,
Выбирай помягче лепесток.
Спи и знай, во сне и наяву
Не ныряй в высокую траву –
Там спуют без кожи, без костей
Твари всех размеров и мастей.

И сейчас от последних двух строк у неё по спине побежали мурашки. Тем временем она уже опустилась ниже остроконечных верхушек тонких листьев, торчавших из земли, и продолжала снижаться, лавируя между стеблями, надеясь найти хоть крошечный голый пяточок, чтобы приземлиться.

Ленвел до сих пор не мог себе простить, что в рукопашном бою не совладал с Разоном. - Да он на две головы выше тебя и раз в пять тяжелее, - потрясённый неуместными переживаниями брата, восклицал Кастид. – К тому же, ты был безоружен, а я говорил тебе, с этим народцем надо держать нож в кармане, а стрелу в колчане. Ну допустим, последнее слишком бросается в глаза, а вот нож надо было точно носить с собой. Пустил бы ему жир - и ему бы полегчало, и тебе. А так конечно! Если бы на меня навалился бешеный ёж и до смерти заколол, а я был бы безоружен и пал смертью храбрых оружие-с-собой-не-берущих, думаю, ни один воин не посмел бы надо мной насмеяться. К тому же, ты не собирался его убивать, а он был совсем не против отправить тебя к муравьям. И зачем ты только запретил их убивать?! Забодай меня улитка, мне так хотелось ткнуть своим добрым другом каменным ножом в тупой лоб сына этого толстяка. И если бы не твои постоянные окрики: «Только не убей их, Кастид! Только не убей их!», я бы точно не устоял перед искушением, - Кастид покачал головой и плюнул с досады. – Кстати, - подмигнул он Ленвелу, - а через какую прореху в этой жирной туше ты так громко кричал?

Ленвел, лежавший неподалёку на подстилке из сорванной здесь же мягкой травы, не смог сдержать улыбки. Он сейчас впервые понял, что его брат уже совсем не тот маленький, слабый мальчик, которого он когда-то, уходя на войну, потрепал по голове. За этот недолгий срок, что они были в бегах, Кастид доказал старшему брату свою нужность: хоть это их и не спасло, но его способности к языкам оказались просто поразительными. Ленвел провёл с кадасами ровно столько же времени, но так и не продвинулся дальше фраз: «сколько это стоит», «извините» и «спасибо». Да и в критический момент, когда действовать надо было быстро и наверняка, брат не сплывал. Он и сейчас вёл себя, как настоящий друг, превращая все переживания Ленвела в шутку и не позволяя тому падать духом.

- И всё же мы бежали с поля боя, - у Ленвела не выходило из головы, что не появишься в самый разгар битвы над ярмаркой таяна, они могли бы сейчас быть совсем в другом месте или не быть совсем.

- А надо было остаться! – с деланным укором вскричал Кастид. – Побегать за этим толстяком, заломить ему руки, и ни за что и никуда не отпускать! И тогда, быть может, твоя таяна промахнулась бы и уронила камень на голову не Разону, а тебе. А ты бы, воздев руки к небу и истекая кровью, воскликнул: «Благодарю тебя, о прекрасная крылатая дева, за то, что не пришлось мне бежать с поля боя! Уж лучше смерть от твоей руки, чем вечный позор!» А она, осознав, что сотворила, сложила бы крылья и упала уже вторым камнем вниз, прямо тебе на грудь...

- Остановись! – сквозь смех попросил Ленвел. – Кстати, о ней, - смех тут же слетел с него, - Как бы нам узнать, что с ней всё в порядке?

- О чудные светляки, жаром своего живота освещающие ночное небо! Мой брат больше не рвёт на себе волосы и не разбрасывает их между стеблями высокой травы, озадачивая пауков! Он задал мне разумный вопрос. Он может думать о будущем! Боюсь, что никак, - добавил он без всякого перехода. – Единственное, что мы можем сделать, это подойти к ярмарке на безопасное расстояние и убедиться, что твоя таяна там больше не летает.

- Тихо! – Ленвел вдруг вскочил на ноги, и тут до Кастида донёсся шум, чем-то напоминавший гудение воздуха от трения о брошенный в него камень. Звук шёл сзади и сверху и нарастал. Оба брата задрали головы, готовые сорваться с места и затеряться в высокой траве. Ещё мгновение и прямо над их головами промелькнула таяна, которая бережно несла в руках другую. Голова этой другой безжизненно свешивалась вниз, так что рыжие волосы, развевающиеся от встречного ветра, касались верхушек лезвий высоких травинки.

- Это она! – вскричал Ленвел и бросился напролом через чащу травы в том же направлении, в котором только что пролетела эта странная пара. Кастид, не раздумывая, кинулся за братом, в очередной раз пожалев о том, что на двоих у них всего один каменный нож, которому, впрочем, он тут же нашёл применение, орудуя им направо и налево, расчищая себе дорогу.

Вскоре он догнал брата, сражавшегося со злополучными стеблями голыми руками, и сунул тому в руки нож, исходя из простого соображения, что если невлюблённый Ленвел намного сильнее и ловчее его самого, то влюблённый Ленвел по силе и ловкости наверняка превосходит двух Кастидов сразу.

Ленвел работал с какой-то тупой яростью, как будто трава была его личным врагом. Отсечённые от своих оснований стебли безжизненно падали полукругом, открывая взору всё новые и новые ряды безмолвных стражей травяной чащи. «Отрежь мне руку, лист осоки, если я когда-нибудь влюблюсь и превращусь в одно большое сердце с силищей топора и разумом младенца!» - в сердцах подумал Кастид, с сочувствием глядя в движущуюся впереди напряжённую спину.

Лиль села на смятую траву, заткнула нож за пояс юбки и взглянула на белое, как лепесток ромашки, лицо подруги. С тех пор как она спиной почувствовала, что тело Зеда обмякло, та больше не приходила в сознание. Сейчас она лежала на ворохе травы, срубленной Лиль здесь же тем самым спасительным ножом, который она нашла за поясом у подруги. Лиль мысленно ругала себя за то, что не смогла тогда остановить её. Она не знала, помогла ли та чужестранцам, зато она точно знала: Зеда ещё очень скоро сможет летать, если вообще сможет. Мало того, что им не удалось покинуть землю кадасов, и, не ровён час, разъярённый Разон может устроить погоню, так вдобавок теперь они смогут передвигаться лишь рывками и на очень небольшие расстояния. Лиль смотрела на свои покрасневшие руки – она только-

только начала их вновь ощущать и понимала, что на восстановление сил потребуется время. Здесь не было никакого подручного материала, чтобы попробовать залатать Зеде крылья, обрывки которых цеплялись за всё вокруг, усугубляя и без того серьёзные повреждения. Здесь не было лекарственных растений, чтобы залечить её раненные ноги. Здесь не было даже воды, чтобы привести её в чувство.

Мысль о воде заставила её отвлечься от размышлений и посмотреть вокруг – её самую мучила ужасная жажда: она с утра не держала во рту ни росинки. Лиль знала, что они недалеко от реки, но как оставить Зеду одну? С другой стороны, если как следует не напиться, она вряд ли сможет продолжить путь. Да и раны на ногах Зеде следовало как можно скорее промыть водой и замотать хотя бы той же травой.

Лиль ещё раз с тревогой взглянула на подругу. А если та придёт в себя, пока её не будет? Ответ тут же возник в её голове сам собой: она никуда не денется – Зеда была не в состоянии лететь или идти. Возможно, она очень сильно испугается, поняв, что лежит в высокой траве, да ещё в одиночестве, но и только. Что ж, придётся ей немного поволноваться, пока Лиль вернётся – а разве Лиль сейчас не волнуется? Как бы ей хотелось выговорить Зеде всё, что она думает о её выходке. Её дурачества могли стоить ей жизни, и, в конечном счёте, могут стоить жизни им обоим.

Здравый смысл окончательно победил все сомнения, и Лиль, легко взлетев, на мгновение зависла над зелёным озером травы, пристально глядя вниз, чтобы убедиться, что никто и ничто не угрожает Зеде. И вдруг обмерла, а глаза её расширились от ужаса – совсем близко от места их посадки она заметила бурное движение. Бесшумно опустившись чуть ниже, она различила двух кадасов: один из них с дикой яростью разрубал мешавшую ему продвигаться вперёд траву, а другой семенил чуть позади. Лиль знала, что Разон не может здесь оказаться – она оставила его на ярмарке с кнутом в руке, растянувшимся во весь рост на земле. Тогда кто же эти двое? Вдруг огненной молнией сверкнула мысль и оглушила её громом ужаса: это сыновья Разона. Зеда рассказывала ей про этих жестоких кадасов, которых отец воспитал по своему образу и подобию. Наверняка, это они и есть – она ведь летела очень медленно, а те бежали следом по земле, и, заметили, куда она приземлилась. И теперь они идут сюда.

Лиль прошиб холодный пот. В панике она стала озираться по сторонам в поисках всё тех же камней – как ещё могла она помешать их продвижению вперёд? Но камней здесь не было и быть не могло. «Нож!» - мелькнула спасительная мысль. Лиль некогда было подумать о том, что она никогда в жизни никого не убивала, что она даже ни разу не держала в руках оружия. Не мешкая ни мгновения, она почти камнем упала на землю, вырвала из-за пояса нож и, держа его остриём вниз в высоко поднятой руке, развернулась лицом к приближающемуся врагу.

Время замерло вместе с ней, как будто и оно приготовилось к решительному броску. Солнце клонилось к закату, и здесь в густой высокой траве было сумеречно, и оттого ещё страшнее. Но Лиль не теряла самообладания – в ней как будто проснулись неведомые ей самой силы. Она знала, что сможет убить – они не могут снова оказаться в плену. Уж лучше умереть!

И вдруг время бешено рванулось с места. Лиль услышала шум падающей замертво травы, не способной противостоять ударам ножа, шуршание ног, тяжёлое дыхание и, наконец, последняя завеса осыпалась зелёным дождём, и её взору явился низкорослый светловолосый какас с удивительно одухотворённым лицом, по которому градом тёк пот. Увидев Лиль с высоко занесённым ножом, он резко остановился с опущенной вниз рукой, в которой держал почти такой же. На его лице было написано удивление, что, в свою очередь, озадачило Лиль. Вдруг выражение его лица резко изменилось – его озаарила светлая, почти детская улыбка. Если бы Лиль не была уверена, что это сын Разона, посланный, чтобы схватить их, она бы призналась себе в том, что эта улыбка была одновременно наполнена мукой и трогательной нежностью. Ещё миг и Лиль поняла, что улыбка обращена не к ней. Едва касаясь её руки,

взгляд незнакомца был устремлён мимо – туда, где на ворохе впопыхах сорванной травы в беспамятстве лежала Зеда.

В этот момент из зарослей за спиной у первого появился второй кадас. Этот был темноволосый и ещё ниже ростом. Увидев Лиль, он тоже замер на месте и начал с интересом её разглядывать, как будто никогда прежде не видел таян. Затем он тронул первого за плечо и кивком головы показал на его нож. Светловолосый бросил нож в траву и перевёл взгляд с Зеды на Лиль.

- Боюсь, они не понимают ни кадацкого, ни киянского. Хотя, можно попробовать, - сказал Кастид брату и чётко и громко продолжил на чистом кадацком языке. – Мы не кадасы. Мы киянцы. Мы здесь чужестранцы, как и вы.

А поскольку Лиль продолжала стоять с воинственным видом, он указал на лежащий у основания стеблей нож и добавил:

- Мы не причиним вам вреда. Наоборот, мы пришли, чтобы помочь, если, конечно, вам нужна наша помощь.

В первое мгновение, заслышав кадацкую речь, Лиль до судорог в руке сжала нож. Но, чем дольше незнакомец говорил, тем больше она верила ему – кадацкий язык явно давался ему с большим трудом. Более того, иногда он обращался к своему спутнику, и тогда переходил на язык, которого Лиль не знала, но который, как и кадацкий, отдалённо напоминал таянский.

- Как объяснить ей, что это мы помогли её подруге бежать? – не зная, к какому средству ещё прибегнуть, вновь обратился Кастид к брату. – Может, займёмся лицедейством? Подыграешь мне? – и он подмигнул Ленвелу.

К ужасу Лиль, говоривший с ней темноволосый незнакомец подобрал с земли нож. Однако она не успела как следует испугаться, потому что в следующий миг он начал рубить траву, расчищая площадку позади себя. Его светловолосый спутник помогал ему голыми руками.

Когда посреди зарослей образовалась небольшая круглая поляна, первый вновь бросил нож у окаймлявших её стеблей и, взяв за руку второго, поставил его на краю круга.

- Я буду твоей таяной, а ты самим собой, понял? – бросил Кастид Ленвелу и побежал по краю поляны, размахивая руками, имитируя полёт Зеды.

- Вдыхай! Прижимай руки к сердцу! Смотри на меня томным взглядом! – командовал Кастид.

В первый момент Лиль ошарашено глядела на разворачивающееся перед ней действие. Но постепенно до неё начал доходить смысл происходящего. Тем временем тот, что явно изображал таяну, столкнулся с другим, бежавшим ему наперерез, и упал. Тут светловолосый незнакомец сделал странный жест – он поднял скрещенные руки перед своим лицом. Потом, сорвав длинную травинку, он начал хлестать ею первого. Темноволосый смешно заламывал руки, и через некоторое время Лиль увидела тот же самый жест. И тут она поняла, что действующих лиц в этой истории больше двух, и скрещенные руки означают смену сцен и героев. Догадаться было нетрудно – в мирное время в Западном саду таяны тоже частенько развлекались, создавая целые многоактные спектакли.

Тем временем «хлыст» (Лиль прекрасно поняла, что именно изображала сорванная травинка) был вырван из рук нападавшего. Теперь уже на высокого светловолосого незнакомца посыпались его страшные удары, и он, в свой черёд, оказался на земле. Опять новая сцена. На этот раз тот, что пониже, обвязал другую травинку вокруг своей щиколотки и лёг на землю. Второй схватил нож и, подбежав, разрубил травяной узел. Наконец, первый вскочил с земли и, вновь размахивая руками-крыльями, сделал круг и вдруг ринулся прочь в чашу травы.

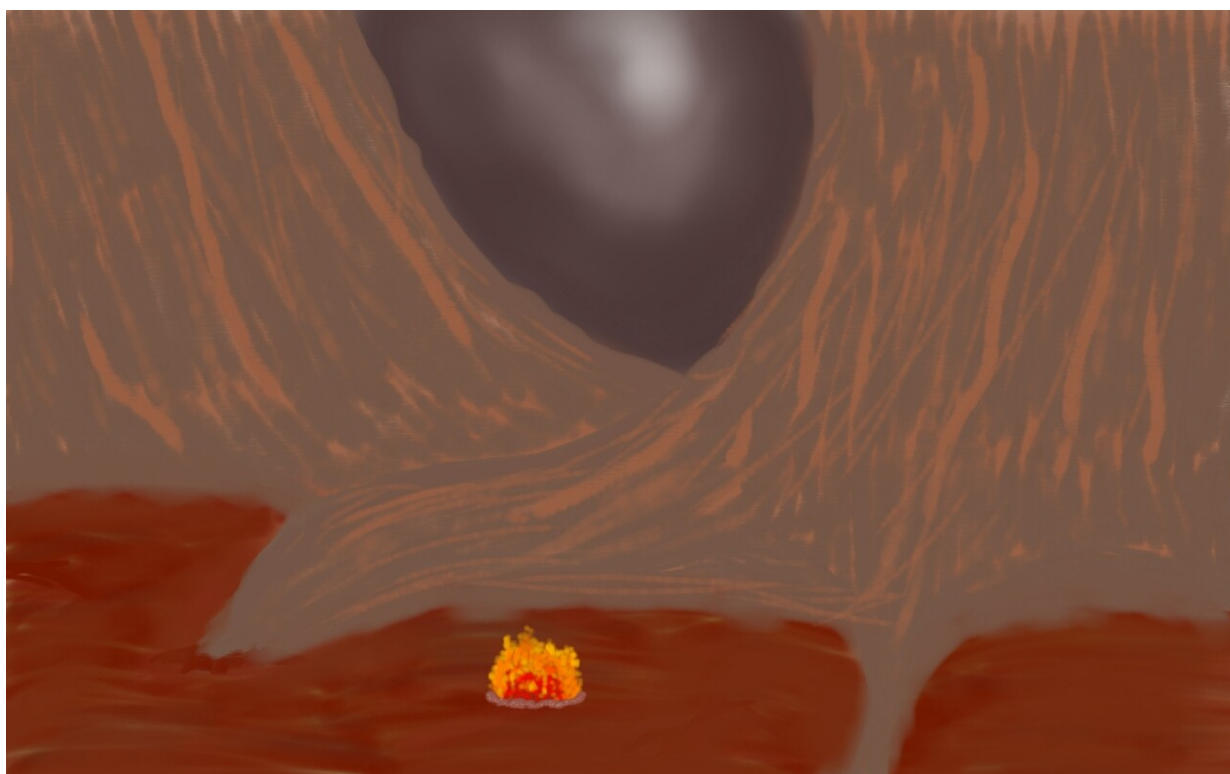
Когда через мгновение он, запыхавшийся и взмокший, вынырнул из зарослей, оба незнакомца с надеждой взглянули на Лиль. Та сидела на траве, держась за живот, и беззвучно хохотала, а неподалёку, поблёскивая от досады, что не умеет смеяться, лежал давно отброшенный в сторону нож.

Лиль всё поняла! Это были те двое, что спасли Зеду! Это же было очевидно: низкий рост думанов, необычный оттенок их кожи и незнакомый язык. Лиль хохотала и не могла остановиться. Им с Зедой ничего не угрожало. Более того, быть может эти двое смогут им помочь! Кошмар её рабства, невыносимое напряжение сегодняшнего дня, ужас от мысли о преследовании – сейчас всё это показалось страшным сном, который неожиданно закончился. Выстроенные ею в душе преграды, не позволявшие всё это время падать духом, разом рухнули, и все накопившиеся переживания вырвались наружу неудержимым, бурным потоком.

Обескуражено и виновато смотрели Ленвел и Кастид на только что заливавшуюся смехом, а теперь безутешно рыдавшую белокурую таяну. Они не понимали, чем вызвали такую бурю чувств. Они не знали, что им сделать, чтобы успокоить её, и может ли вообще кто-то или что-то её сейчас успокоить. Братья стояли и молчали, а Лиль всё плакала и плакала, закрыв лицо руками и уронив голову на колени.

Глава 20

На обломках мира



Армия наконец была распущена, и киянские воины разбредались, кто куда. У кого-то ещё теплилась надежда, что вдруг каким-то чудом на том священном месте, где он когда-то на заре молодости оставил мать с братьями и сёстрами, ещё стоит его родной дом. *Стоит* только туда добраться, и постаревшие, но как и прежде нежные руки обнимут его уставшее тело и вольют в него новые силы; выбегут навстречу повзрослевшие сестрёнки, наверняка красавицы, и, окружив, наперебой станут расспрашивать о его военных походах и рассказывать, как плохо им жилось-былось без него.

С такими мыслями отправлялся домой и Раван, но спустя неделю вернулся в лагерь – от дома остался лишь каменный очаг и каменная ограда вокруг. То ли тот давно сгорел, то ли его

разобрали на доски воины одного из противоборствующих племён. О судьбе матери и сестёр Раван боялся и думать – женщины редко выживали, если война натыкалась на их дом, а уж тем более, гостила в нём.

Аделону некуда было идти, и он всё это время оставался в лагере, организуя тех, кому, как и ему, война не оставила выбора.

Каждый день начинался с дальнейшего освоения поляны и места на ней, где оставшиеся не у дел воины будут строить себе дома. Каждый верил, что стоит отстроить новое, уютное жилище, и жизнь наладится сама собой. Аделон в это не верил, но всячески поддерживал надежду в других, говоря, что если остались в живых киянцы, то где-то должны быть и киянки, в страхе покинувшие свои дома и прячущиеся где-нибудь в лесах. Раньше или позже до них обязательно дойдёт молва о возвращённом мире, и они начнут искать своих отцов, братьев и мужей.

- Зачем ты это делаешь? – как-то спросил его Раван. После завершения постройки очередного лесного дома, они с Аделоном сидели на поляне у костра, облокотившись о крепкие стволы молоденьких осин.

- Что? – не понял Аделон.

- Вселяешь в них напрасные надежды.

- Не все такие отшельники, как мы с тобой, и могут смириться с мыслью, что, возможно, одиночество станет их уделом на всю оставшуюся жизнь. Большинство хотят дома и семьи, женских ласк и визга ребятни.

- Но раньше или позже они всё равно отчаются, только это будет ещё болезненнее, потому что в отличие от нас с тобой они не будут жить, они будут грезить о счастливом будущем, которое никогда не наступит. А когда поймут, что всё тщетно, отрезвление окажется мучительнее самой тяжёлой раны.

- А ты думаешь, мы с тобой будем жить? – Аделон с грустной улыбкой посмотрел на друга. – Чтобы жить, надо иметь цель. Без цели жизнь теряет смысл. Когда-то в детстве моей целью было стать воином, чтобы защищать своё селение, и чтобы мною гордились мать и сестры. Потом была цель во всех передрыгах обхитрить противника, чтобы сберечь своих людей. Потом – освободить свою землю от кроменов, - Аделон перевёл взгляд с Равана на языки пламени. – А что теперь? Какая у нас с тобой цель?

- Но ведь можно, в конце концов, просто жить, получая удовольствие от созерцания леса, от пения птиц, или проще, от вкуса ягод во рту или ощущения приятной сытости в желудке. Можно купаться в реке, собирать дары природы, разводить костры и греться в их тепле, находя умиротворение в наблюдении за затейливой игрой языков пламени.

- Если бы я не знал, что ты изрытый шрамами воин, решил бы, что ты поэт, - усмехнулся Аделон.

- И такое было, - задумчиво глядя на огонь, кивнул Раван.

- А что-нибудь помнишь? – Аделон наклонился вперёд, чтобы лучше слышать друга.

- Ничего, - мрачно ответил тот.

- Не может быть! – сквозь чёрный, но прозрачный покров темноты Аделон вглядывался в лицо друга, пытаясь понять, что творится у того в душе.

- Только шесть строк. Я твердил их все эти годы:

Вот студёный родник, в нём живая вода,
А вокруг в буйной пляске трава-лебеда;
Дом из веток, постель из пушинок и мха,
Утром зяблика трель, ночью – вздох мотылька.

Вы мои, от росинки до старого пня,

Из любого далёка дождитесь меня!

Раван умолк, и Аделону показалось, что у этого воина, пережившего кошмар не одной войны, вышедшего живым из таких леденящих кровь передраг, дрогнул голос. Аделон боялся поднять глаза – вряд ли его друг умел плакать, но, если умел, никто не имел права видеть это. Они сидели молча, пока языки костра не ослабли и, швыряемые ветром туда-сюда, заискивая, низко стелясь по земле, не стали молить о новой пище.

Аделон протянул руку, взял верхнюю ветку из вороха и подбросил в костёр. Набросившиеся на еду языки взметнулись вверх, и ветка затрещала от вгрызающихся в неё зубов пламени.

- Я вернулся, но они не дождались, - вдруг произнёс Раван ровным, не выдающим никаких чувств голосом, - ни дом, ни пень, ни ручей. Никто не дождался меня.

- Послушай, Раван, - пришла Аделону неожиданная мысль, - ты бы мог снова слагать стихи и читать их киянцам. Только... - он осёкся.

- Только что? – так же безучастно откликнулся Раван.

- Только они не должны беречь похороненное навсегда прошлое.

- У нас есть только прошлое, - пожал плечами Раван, - будущего у нас нет. Как можно посвящать стихи тому, чего нет?

Аделон не нашёлся, что возразить, и умолк, ругая себя за то, что вмешался не в своё дело. Он сам не знал наизусть ни одного стихотворения, ни одной песни, хотя много раз слышал их от матери, но это было в глубоком детстве, как будто в другой жизни. Но сейчас он был удивительно тронут строками, прочитанными ему Раваном. От них одновременно веяло и маминым теплом, и домашним уютом, и ещё многим другим, что согревает охладевшую душу. Он неожиданно понял, что все те эмоции, которые разбередили в нём стихи Равана, сложенные вместе, называются одним словом – счастье. И у него в который раз защемило сердце от жажды этого тихого, незаметного никому, кроме тех, кто с ним живёт, чувства – счастья иметь семью, счастья растить сыновей, которым не придётся покинуть родной дом, ещё как следует не окрепнув, для того чтобы идти убивать таких же обречённых, как они; счастья растить дочерей, красота которых будет радовать глаз и вселять романтические мечты в сердца молодых, а не разжигать похоть врагов их отцов и братьев.

Аделон затряс головой, в очередной раз разгоняя пустые, вредные мечты. Он должен найти новую цель, и не воображаемую, а реальную – реальную земную цель, которую сможет осуществить. Тогда жизнь вновь обретёт смысл.

- Знаешь, - вернул его из тщетных мечтаний Раван, - в детстве я очень любил в одиночестве бродить по лесу. Помню, задерёшь голову, а там стая птиц, выстроившихся вереницей или клином, и такая досада меня берёт, что они могут легко перенестись в другие земли, увидеть, что там за горизонтом, а я обречён жить в одном и том же, хоть и горячо любимом месте.

Аделон расширил глаза и посмотрел на друга – слова того неожиданно отозвались у него в голове целой вереницей мыслей: одна перегоняла другую, задевая её, увлекая за собой. А что если и впрямь отправиться в путешествие? Во всяком случае, даже беспцельное путешествие имеет цель – идти, пока держат ноги, любоваться природой вокруг и, кто знает, может увидеть такие края, о которых киянцы и ведать не ведают, а только сова по ночам ухает, да вода в речке журчит. А повезёт, и своих селян встретить или родственников его воинов, которые уже давно отчаялись когда-нибудь увидеть своих сыновей и братьев.

- Эти мечты ещё с тобой? – уже предвкушая новую жизнь, возбуждённо спросил Аделон.

Раван удивлённо посмотрел на него и, увидев блеск в глазах друга, усмехнулся:

- Ты это серьёзно?

- А почему нет? – всё больше заводясь, спросил тот.

- Ты не устал от походов? От жизни в грязи, без крыши над головой? От постоянного риска? Наконец, от вечного страха за свою жизнь?

- Зачем мне жизнь, если в ней нет риска? – Аделон положил руку Равану на плечо. – Я понимаю тебя, но не смогу, как ты, довольствоваться одним созерцанием рассветов и закатов, наблюдая, как жизнь проходит мимо. Мне необходимо хоть иногда промочить ноги, расцарапать руки и набить пару шишек на лбу. А потому завтра же я отправляюсь в путь.
- И куда же? – Раван оторвал спину от ствола и наклонился к Аделону.
- Ранним утром подожду знака. Может, птица пролетит, может, змея поползёт, а может, сильный ветер верхушки деревьев наклонит – туда и пойду.

Глава 21

В поисках себя

Небо ещё только предвкусало рассвет, когда Аделон, забросив за спину свой вещевой мешок, колчан со стрелами и взяв в руку каменный топор, вышел из лагеря в надежде, что лес каким-нибудь образом подскажет, в каком направлении ему идти. Накануне он объявил всем о своём решении и был приятно удивлён тем, что большинство воинов всерьёз расстроились, хотя из всех сил старались не подавать виду. Аделон усмехнулся в душе – снаружи толстокожие, суровые, грубые, часто жестокие, иногда бесшабашные, они на поверку оказались сентиментальными, как дети. Они жали ему руки, хлопали по плечу, а кто-то даже крепко обнял на прощание. В какой-то момент Аделон поймал себя на том, что, пожалуй, готов передумать, раз он им так нужен здесь, но Раван отвёл его в сторону и, глядя в глаза, сказал:

- Нам всем будет тебя не хватать. Я вырвал бы себе язык, сболтнувший вчера лишнего, если бы это могло теперь что-то изменить. Но раз уж ты так решил, не отступай от мечты, чтобы потом, на старости лет, не казнить себя за малодушие.
- У меня не будет старости лет, - улыбнулся Аделон, - но за поддержку спасибо, а главное, спасибо за идею. Честно говоря, мне очень жаль, что ты перегорел – вдвоём идти в неизвестное куда веселее.
- Может быть позже – спустя год или два, - сказал Раван, - хоть воину и стыдно говорить такое, но я соскучился по покою. Кстати, я подумал о твоём совете вновь заняться сложением стихов, и сдаётся мне, я бы смог, и не об убитом или умершем прошлом, а о лесе: обо всей этой красоте, что переливается всеми цветами радуги, плещет всеми созвучиями, будоражит дурманящими ароматами; о небе, один взгляд на которое даёт силы жить. Мне мало этим просто любоваться, я хочу научить других смотреть на мир моими глазами.
- Вот и отлично, - Аделон похлопал друга по плечу. – Если когда-нибудь сюда вернусь, заставлю тебя прочитать мне всё, что ты к тому времени сочинишь.
- Боюсь, это отнимет у тебя слишком много времени, и ты разлюбишь поэзию, - засмеялся Раван.

На том они и расстались. Воины ушли спать, а Аделон собирать свои скудные пожитки и чистить оружие, которое за ненадобностью было давно заброшено и кое-где уже успело обрасти мхом.

Когда лагерь скрылся в траве за деревьями, Аделон услышал теряющийся в глубине леса стук – с утра пораньше там орудовал дятел. «Что ж, чем не знак?» - подумал он и, не оглядываясь, отправился в том направлении, которое ему указал лес.

Идти было легко и приятно. Впервые за столько лет его не угнетала ответственность за других, не тревожил завтрашний день. Наоборот, он будоражил его любопытство. Из древних сказаний он знал о кадасах, живших за лесами. Те не славились дружелюбием. Впрочем, могли ли похвастаться своим гостеприимством киянцы, последние десятилетия беспрестанно враждовавшие между собой? Ходили легенды о крылатых думанах, якобы живших в садах, окаймлявших лес со всех сторон. Аделон не был настолько романтичным, чтобы верить в подобные сказки. Но кто знает? Ведь до появления кроменов во плоти в киянском лесу, никто и не думал, что мифические подземные жители лесных окраин, которыми так любили пугать маленьких киянцев их родители, действительно существуют. От кроменов мысли Аделона сами собой перенеслись к Ластану и далее к бегству Ленвела со своим братом к кадасам. Он с удивлением обнаружил, что чувство ненависти, которое ещё совсем недавно вызывало у него имя последнего, сейчас ушло. Теперь, когда потеря Ластана не была острой болью в его сердце, а ощущалась глубокой раной в душе, вина Ленвела в том, что случилось, не казалась безусловной. Всё-таки интересно, как сложилась судьба этих двоих, сбежавших к чужакам. Носит ли их ещё земля или, избежав смерти здесь, они нашли её там на чужбине?

Аделон посмотрел на небо. Он теперь всегда запрокидывал голову, если хотел найти ответ на не дававший ему покоя вопрос – где-то там за этой голубой бездной должен быть Ластан. Аделон верил, что там Ластану сейчас лучше, чем ему здесь на земле. Уже вечерело, когда в поток его мыслей вторгся другой, более шумный и мощный – где-то впереди шумела вода, много воды. Издревле киянцы с трепетом относились к движущимся водоёмам, ведь в лесу было немало стоячей воды, которая годилась лишь для того, чтобы освежиться, но была непригодна для питья – её называли мёртвой. А вот любой родник или ручей киянцы обожествляли. Бьющие из-под земли источники они обкладывали лесными цветами, а в ручьи бросали венки из прутьев и листьев, обувь из желудей или плетёной травы и даже одежду из льняного волокна, мохнатой кожицы насекомых или шкурки мышей и кротов. Считалось, что богу живой воды угодны всякие наряды.

Аделон пошёл на шум и очень скоро оказался на берегу широкой реки, которая зигзагом прорезала лес, исчезая своими изящными изгибами за деревьями. Он был озадачен – как могли разведчики, всегда отправлявшиеся на все четыре стороны от лагеря, не наткнуться на такой водоём? Разве что русло реки столь затейливо извивалось, а то и закручивалось, что они действительно промахнулись, выйдя намного левее или правее. Но беспокоиться было не о чем – неподалёку от лагеря бил родник, к которому бывшие воины ежеутренне спускались со своими флягами, и Аделон мог быть спокоен, что уж что-то, а умереть от жажды им точно не грозит.

Он подошёл к кромке воды. Река текла гордо, словно выпятив грудь, и это сочетание мощи и абсолютного покоя поражало своей самодостаточностью. Ей не надо было ничего никому доказывать. Она текла, потому что просто не могла или не хотела стоять на месте, потому что в этом движении был смысл её жизни.

И тут Аделону нестерпимо захотелось поплыть вместе с ней. Ведь он ждал от леса знаков, и это был несомненно один из них. Он знал, что некоторые киянские племена, называемые речными именно потому, что жили вблизи рек, владели искусством хождения по воде в так называемых речных судках. Они мастерили их из прутьев и смазывали сосновой смолой.

Аделон оглянулся в поисках подходящего кустарника. На берегу его росло великое множество, веточки были разной толщины и гибкости. Более других ему приглянулись гибкие красноватые ветки низкого куста, росшего у самой кромки воды. Названия его он не знал – такой кустарник не рос в глубине леса. Киянец решил расположиться на его нижних ветках до утра с намерением с головой окунуться в работу, как только солнце протрёт свои глаза.

На следующее утро, с избытком наломав прутьев, он принялся за изготовление судка. Он делал всё по наитию – лишь однажды ему довелось увидеть настоящий судок издалека, да и

тот вскоре скрылся за изгибом реки. Однако даже того мимолётного образа ему хватило, чтобы сейчас примерно представлять, что в конечном счёте должно получиться. Спасибо старику-киянцу, оказавшемуся тогда рядом с ним – тот был знаком с речным племенем и потом долго рассказывал изумлённому Аделону о том, как и зачем строится эта удивительная посудина. И теперь, соорудив что-то вроде её скелета, Аделон принялся за более тонкую работу. Ветки мягко изгибались вокруг жёсткого остова, постепенно образуя подобие большой корзины несколько вытянутой формы с почти плоским днищем. Руки, хоть и не отточенными, но ловкими движениями, вплетали в неё всё новые и новые прутья. Аделону было не привыкать к изнурительной работе, и к моменту, когда солнце в последний раз подмигнуло ему из-за гущи деревьев, судок был готов.

Посудина, как и было положено, получилась с широким днищем и высокими, слегка загнутыми вовнутрь бортами, доходившими Аделону почти до бёдер. Таким образом, в судке всегда можно было найти место, где укрыться от солнца. Оставалось только хорошенько замазать все щели сосновой смолой да набросать внутрь травы, чтобы самому не прилипнуть к своему творению. Ему потребовалось ещё некоторое время, чтобы натаскать в судок глины. В завершении всех дел Аделон нашёл куст репейника и в два счёта соорудил себе пуховую маску наподобие той, что когда-то спасла его и его воинов от ароматных садов – завтра она ему будет жизненно необходима.

Как и накануне, киянец улёгся в розетке веток красного кустарника и заснул лишь тогда, когда придумал, как промаслить посудину, не дав смоле раньше времени затвердеть и избежав опасности прилипнуть к ней всеми четырьмя конечностями. Одно дело смазать корзину снаружи – это не представляло никакой проблемы, совсем другое – внутри. Выработав тактику в голове, Аделон внутренне усмехнулся тому, что его мозг, привыкший мыслить стратегически на войне, не подвёл его и в мирное время. Довольный своей выдумкой, он повернулся на бок и тут же забылся крепким сном.

Утром следующего дня, лишь только стало возможным различать деревья, сторожившие берега реки, киянец подтащил судок вплотную к ближайшей сочившейся смолой сосне, надел маску и влез внутрь. Затем он налёг всем телом на борт, так что днище почти ушло из-под ног. Используя облетевшую кору той же самой сосны как скребок, он начал аккуратно соскабливать смолу с дерева прямо на внутреннюю поверхность посуды, тщательно замазывая ею все щели, то и дело посыпая липкий борт глиной, которая в избытке покрывала всё днище. Время от времени в ход шёл нож, которым он расширял и углублял трещины в сосне, увеличивая поток густой смолы.

Смазав таким образом больше половины внутренней поверхности, Аделон всем весом налёг на нетронутую смолой часть борта, рывком отлепил судок от сосны, так что тот вновь занял горизонтальное положение. Затем он вылез, повернул его вокруг оси и прислонил к дереву необработанной стороной. Подбрав с земли свой вещевой мешок со скудной провизией, состоявшей из ягод, грибов и горстки пойманных здесь же на берегу кузнечиков, он забросил его на дно, затем очень осторожно снова забрался внутрь и продолжил работу.

Просмолив всю внутреннюю бортовую поверхность и снова вернув посудину в устойчивое положение, Аделон улёгся на дне и с надеждой посмотрел на почти синее небо. Бояться, что оттуда польётся вода и не даст судку высохнуть не было причин – до сезона дождей ещё очень далеко, а не подёрнутая ничем небесная гладь явно предвещала ещё один безоблачный день. Солнце пока не поднялось настолько высоко, чтобы он мог видеть его из лежащего положения, но жар его лучей ощущался в густом воздухе, а значит процесс застывания смолы не должен будет занять слишком много времени.

Только сейчас, не державший с утра во рту и росинки киянец ощутил сильный голод. Он приподнялся на локтях, развязал мешок и достал еду. Аделон начал жадно жевать, запивая водой из фляги, стараясь при этом не намочить маску, которая плотно закрывала нос,

защищая его от резкого запаха смолы. Наевшись и утолив жажду, он вновь улёгся на глину и задремал.

Аделон проснулся от того, что свет глядевшего на него сверху солнца отчаянно пробивался сквозь веки, слепя глаза. Мысленно поблагодарив светило за то, что не дало ему проспать дольше, чем он мог себе позволить, киянец протянул руку к левому борту судка и осторожно пощупал стенку – она всё ещё была липковата, но не настолько, чтобы это могло помешать ему выбраться из посуды. Прежде чем сделать это, он выбросил за борт все свои пожитки и как можно аккуратнее упёрся руками в ту часть борта, которая была просмолена в самом начале. Как и в первый раз, навалившись на борт всем весом, одним резким качком киянец накренил судок и, завалив его на бок, выбрался на прибрежный песок. Оказавшись снаружи, он перевернул посудину вверх дном и с прежней энергией принялся за работу.

К закату судок был почти готов – оставалось только просмолить и утяжелить днище изнутри и заготовить две гребёнки – так у речных киянцев назывались длинные шесты, заострённые с одной стороны и расплющенные с другой. Плоский конец использовался, чтобы управлять судком, а острый втыкался в берег, и в этом случае гребёнка служила одновременно двум целям: во-первых, к ней привязывалась пришвартованная посуда, чтобы ту не унесло течением, а во-вторых, с её помощью можно было легко высадиться на берег. Обладавшие многолетней сноровкой речные киянцы ухватывались руками как можно выше и, сильно оттолкнувшись от днища, повисали на гребёнке, а затем, обхватив её ногами, спокойно соскальзывали на землю. Ровно в обратном порядке происходила и посадка в судок. Причина таких упражнений крылась в форме бортов – из-за того, что они были слегка загнуты вовнутрь и слишком высоки, их невозможно было просто перешагнуть. Зато такая форма уберегало от прямого солнечного света, спасала от косого дождя, крылатых хищников, высматривающих добычу с высоты и почти исключало опасность атаки из воды – многолетнее существование в состоянии войны приучило киянцев быть бдительными и предусматривать все, даже самые невероятные и каверзные способы нападения. К тому же, днище, утяжелённое несколькими слоями смолы, смешанной с глиной, делало судок практически непотопляемым – даже при сильном крене, не успевал ещё борт зачерпнуть воды, как посуда, словно детская игрушка, разноцветные копии которой мастерил в деревне Аделона одна бездетная старуха, возвращалась в исходное устойчивое положение. Но днищем и гребёнками он займётся завтра – работать в темноте в лесу, где водились совы, было безрассудством, если не самоубийством.

Новое утро дало Аделону новые силы, чтобы наконец закончить судок и справиться две отличные гребёнки при помощи то обуха, то рубила топора. Промаслить днище оказалось делом нехитрым. Для этого понадобился лишь высокий неострый камень. Подсунув его с одной стороны под днище, киянец поставил судок в такое положение, что край его левого борта вновь оказался упёртым теперь уже в другую сосну. Скребок он направил поток смолы по внутренней стенке вниз. Когда клейкой массы накопилось достаточно, киянец вытащил камень, и не успевшая застыть смола медленно, но равномерно распределилась по всему дну. Не мешкая, Аделон высыпал туда же несколько пригоршней вязкой глины и оставил судок стоять на солнце до образования твёрдой, ровной, полупрозрачной поверхности. Повторив эту процедуру несколько раз, ему удалось утяжелить дно настолько, что подсовывать камень стало очень нелегко, и наконец внутренний голос шепнул ему, что

пора остановиться. Он верил ему – тот никогда не подводил его на войне, не подведёт и сейчас.

Теперь оставалось сплести две длинные верёвки из липового лыка, одну из которых он бросит в посудину, а другую крепко-накрепко привяжет к двум прутьям, специально для этого торчавшим из борта.

Когда всё было готово, медленно и осторожно толкая судок, он подтащил его к самой кромке воды, глубоко всадил в песчаный берег гребёнку, набросил на неё привязанную к судку верёвку и последним мощным рывком вытолкнул посудину на воду. Верёвка натянулась. Ухватившись за шест, Аделон легко подтянулся, поджав ноги, и запрыгнул в судок. Стоя в полный рост, он с усилием потянул гребёнку, высвободил её из песка и, перевернув плоской стороной вниз, легко оттолкнулся от берега и поплыл на середину реки. Там он положил гребёнку на дно посуды, сгрёб в кучу ворох сучков и травы, которым предстояло на неопределённый срок заменить ему постель, уселся сверху и, вдохнув полной грудью прохладный пряный воздух, слился помыслами с рекой. А она всё текла, лаская берега, позволяя самой природе застенчиво любоваться своим отражением в её зеркальной глади, вбирая в себя всю трепетную красоту, которая заметна разумным существам только в моменты душевного покоя.

Аделон созерцал и чувствовал, как это созерцание очищает его изнутри. Он подумал о словах Равана и представил себе, как проведёт остаток лет, то пробираясь сквозь дремучие леса, то сплавляясь по тихим или бурным рекам. Он не был уверен в том, что спустя некоторое время ему это не покажется однообразным, а может, и бессмысленным. Но это потом. А пока, за неимением другой, более важной, цели, он наслаждался своим одиночеством, своим *лотом* и кровью добытым покоем и великой земной красотой, что меняла своё убранство за каждым новым поворотом реки, оставляя в его душе неизгладимый след.

Он думал о своём народе, о том, что киянцам пора возвращаться к давно забытым мирным заботам – пора созидать. Но в этой новой жизни ему не было места. Он был немногословен и не умел ораторствовать. Он мог построить дом, но не представлял, как управлять деревней, а уж тем более целым поселением. Он думал о том, что есть воины, а есть созидатели, так пусть строительством новой жизни займутся молодые, не испорченные войной думаны, а не те, кто привык всё решать при помощи топора, лука и ножа. Возможно когда-то, устав мерить землю шагами, он вернётся домой, поселится где-нибудь на отшибе и будет доживать свои дни, так и не научившись крепко спать и не оборачиваться на звук незнакомых шагов за спиной, хватаясь за нож. На мгновение его мысленному взору вновь предстала картина не обретённого им счастья: просторный деревянный дом, он сидит на пороге, рядом красавица жена с большими синими глазами – почему-то в его мечтах она всегда глядела на него именно такими глазами – а перед домом куча мала из их шалющих и визжащих детишек.

Аделон закрыл глаза ладонью, прогоняя непрощенное видение – к чему все эти глупые фантазии? За плечами огромная жизнь, в которой никогда не было места сентиментальности, и незачем ослаблять свой боевой дух этими пустыми романтическими мечтами.

Тем временем вечерело. Аделон слегка разворошил ветки и траву вдоль одного из бортов, растянулся на этой нехитрой постели во весь рост и вскоре уснул.

Уже прошло пять ночей с тех пор, как под покровом ночи Ленвел и Кастид перенесли Зеду в свой дом. Лиль тогда летела над ними, вглядываясь во мрак, изучая окрестности в опасении, что их могут заметить сыновья Разона или он сам, но, похоже, свирепый кадас не собирался их разыскивать, во всяком случае ночью.

И вот уже почти целую неделю никто не тревожил их покой. Выходило, что разрозненность кадасов, их замкнутая жизнь, ограниченная крошечным мирком семьи, были на стороне этой странной четвёрки, состоявшей из двух киянцев и двух таян, давая им драгоценное время для отчаянной борьбы за жизнь одной из них.

Знахарские знания Ленвела, приобретённые им на войне и позволившие в своё время выходить брата, оказались бесценными и теперь. Кастид, выполнявший роль горе-переводчика, описывал Лиль травы, которые были необходимы брату для приготовления того или иного снадобья или мази, и в предрассветных сумерках та отправлялась на окраину ароматных садов, находила и собирала компоненты, в то время как Кастид неотлучно дежурил возле дома на случай появления неожиданных гостей.

Лиль частенько помогала Ленвелу в уходе за Зедой. Когда больная засыпала, он отпускал её во двор к Кастиду, с которым той всё больше и больше нравилось болтать – он был такой милый, так забавно говорил на смеси кадасского, киянского и таянского, обучал её своему языку и просил взамен давать уроки и ему, а главное, всё время её смешил, так что вскоре Лиль начала забывать о своих мытарствах у кадасов, и всё чаще задумывалась о том, что ждёт её и Зеду впереди.

Хоть и медленно, но Зеда поправлялась. Полосы на спине от ударов хлыстом больше не кровоточили, а все пальцы, кроме двух перебитых на правой ноге, зажили. Она всё ещё очень много спала, но, просыпаясь, уже находила в себе силы садиться в постели и разговаривать. И всякий раз при взгляде на крылья, а вернее на то, что от них осталось, в её глазах появлялись слёзы, и только усилием воли таяна не позволяла им выйти из берегов. Ленвел успокаивал её, говоря, что займётся ими, как только она начнёт ходить. Он и ждал, и боялся этого момента. С одной стороны, он жаждал её выздоровления, а с другой, понимал, что на этом их мимолётное знакомство может оборваться, а значит и оборвутся все его романтические мечты. За эти дни они сблизились настолько, насколько болезнь сближает страдающего и того, кто облегчает ему эти страдания. Ленвел даже выучил несколько простых таянских фраз и с десятков слов, с которыми Зеда, забываясь, обращалась к нему, когда в комнате не было Лиль. В те часы, когда больная спала, он позволял себе забыть о том, что он её врачует, и подолгу любовался густыми огненно-рыжими волосами, длинными, теснящимися на краях тонких трепетных век ресницами, изящно вырезанными ноздрями, губами цвета розового клевера, нежной кожей её тела, которая, как и подстилка, на которой она сейчас лежала, была соломенного цвета. Временами на него накатывала такая волна нерастраченной нежности, что он судорожно зажмурился глазами, но и с закрытыми глазами он помнил каждый изгиб её прекрасного тела, каждую царапину и шрам на нём. И ещё одно обстоятельство страшило его. Он видел, что Зеда беспрекословно подчиняется всем его указаниям, чувствовал, что она целиком и полностью доверилась ему и, конечно, рассчитывает однажды не только встать с постели, но и подняться в небо. И если в осуществимости первого у него не было никаких сомнений, то второе могло оказаться не в его силах. Теперь, когда отмена постельного режима была не за горами, Ленвел попросил у Лиль позволения тщательно осмотреть её крылья, чтобы изучить их строение, свойства и характер движения в полёте. Лиль с готовностью продемонстрировала работу крыльев при взлёте, в полёте и во время посадки. С помощью Кастида она с грехом пополам объяснила Ленвелу, как таяны латали дыры в своих крыльях при помощи паутины, а в сложных случаях – крыльев мёртвых бабочек или стрекоз. Он, конечно, испробует всё, но на этот раз речь шла не о маленьком проколе, а о крыльях, разорванных в клочья. И теперь киянец всё чаще холодел от мысли, что не сможет оправдать

ожидания таян; что вверившее ему свою жизнь и судьбу самое дорогое на свете существо так никогда и не сможет взлететь и вернуться к своей прежней привычной жизни. Странно, но ему ни разу не пришло в голову, что эта предполагаемая трагедия может обернуться для него счастьем, поскольку просто не оставит Зеде выбора – ведь единственным разумным решением в таких обстоятельствах будет остаться с ним, таким же, как она, существом, приземлённым, не имеющим права попираť земное притяжение и уноситься в расцвеченную солнцем голубую бездну. Ленвел знал, что здоровые крылья весьма вероятно навсегда унесут её от него, и знал, что он сделает невозможное, чтобы у неё была такая возможность.

С налётом светлой грусти в голосе Лиль рассказывала Кастиду о своём детстве, об укладе в семьях таянцев, о своеобразии жизни высоко над землёй, об их страхах, о легендах, в которых, как теперь она понимала, действовали и киянцы, и кадасы. Первые были опасными, но часто благородными воинами, а вторые проходимцами, которые не только опустошали сады, собирая в огромных количествах ароматные травы и цветы, но и не гнушались воровством таян, если те, по трагическому стечению обстоятельств, оказывались на земле. Мифы о благородных воинах Лиль слышала от мамы, которая в детстве жила возле самого леса. Она рассказывала, что бабушка Лиль, тогда ещё совсем юная таяна, однажды сама видела воина. Он был статный, высокий и белокурый, и держал в руках какие-то странные, внушающие опасения штуковины, сделанные из камня и древесины. Семейное предание гласило, что воин, увидев бабушку, был ошеломлён то ли её красотой (бабушке нравилось думать именно так), то ли просто тем, что у неё за спиной сверкали и переливались крылья. Так или иначе, но он решил подойти к цветку, на котором стояла ничуть не менее поражённая бабушка. И когда она уже всерьёз забеспокоилась и собралась поднять тревогу, прекрасный незнакомец вдруг выронил из рук своё оружие, а в следующий взмах её крыла сам последовал за ним, словно тяжёлая капля дождя. Бабушка-таки позвала своих соседок. Те, борясь со страхом, но умирая от любопытства, спустились с цветов на землю и, ко всеобщему хихиканью, обнаружили, что воин крепко спит. Поскольку его сон был очень глубок, никто не смог помешать им изучить его внешность и вооружение. Затем, посоветовавшись немного, они приняли решение общими силами перенести его туда, откуда он появился, то есть в лес. Взяв бедолагу за руки и за ноги, дрожа от страха, словно листья на ветру, они отправились за границу сада, и дальше, вглубь леса, насколько хватило сил их хрупких рук. Там они уложили его на широкий мягкий лист неведомого им растения и тут же улетели. Вернувшись домой, они дали друг другу слово ни в коем случае не возвращаться, как бы любопытно им ни было знать, что же с ним случилось дальше: они не могли подвергать опасности свой сад – кто знает, с какими намерениями приходил к ним чужестранец. Однако бабушка Лиль нарушила обещание и на следующее же утро тайком пробралась к тому месту, где они накануне оставили прекрасного бескрылого юношу. Он всё ещё был там, и бабушка затаилась в густой листве дерева и оттуда стала наблюдать за ним. Тот сидел на земле, мечтательно улыбаясь, и что-то вытачивал из подобранного корневища. То, что он работал ножом, Лиль поняла только теперь. Её бабушка никогда не видела каменных ножей и не представляла, что с их помощью можно изменять поверхность дерева. Процесс заворожил её. Каково же было удивление, когда через некоторое время корявый сучок в руках юноши превратился в стройную длинноногую таяну с изящными, тонкими крыльями и копной слегка волнистых волос. В этой фигурке она узнала себя. Ей безумно захотелось выпорхнуть из листвы и спуститься к незнакомцу, но данное подругам обещание пересилило мимолётный порыв. Вскоре юноша встал и пошёл в направлении, ведущем прочь от таянских садов. Лишь на мгновение он остановился и обернулся. Бабушка не на шутку испугалась, решив, что он всё-таки заметил её. Но

незнакомец смотрел мимо неё, сквозь лес, как будто в направлении садов, потом вновь улыбнулся своей мечтательной улыбкой и, развернувшись, пошёл прочь, больше не оглядываясь.

Слушая рассказ Лиль, Кастид припомнил киянские сказки, передававшиеся в их деревне из уст в уста в далёкое мирное время. В них тоже действовали удивительные существа: подземные воины, что было уж совсем невероятным; крылатые девы, одна прекраснее другой, которые легко увлекали за собой очарованных воинов. А потом он вспомнил того несчастного старика, который утверждал, что его прабабушка была таяной, и, краснея от стыда, поведал Лиль, как мальчишками они дразнили и поднимали его на смех.

- Надо же, - внимательно выслушав его, начала та размышлять вслух, - похоже, что когда-то очень давно наши народы знали друг друга гораздо ближе. Наверное, это были чудесные времена, если в наших легендах вы неизменно предстаёте прекрасными, хоть часто и безрассудными, воинами, а в ваших – нам отводится приятная роль обворожительных фей. Жаль, что я не знала свою бабушку – мама не очень-то верила её красивой истории о белокуром незнакомце. Я бы с удовольствием познакомила их обеих с тобой и твоим братом.

- И мне жаль, - вторил ей Кастид. – Печально, что на свете живут такие сказочно-красивые существа, а киянцы убеждены, что они всего лишь вымысел их предков, которым надо было хоть чем-то скрасить свои однообразные вечера у домашнего очага. Впрочем, - и Кастид бросил на Лиль лукавый взгляд, - я рад, что другие киянцы не знают о вашем существовании. Мне бы совсем не хотелось делить твоё внимание с каким-нибудь белокурым красавчиком, даже если этот красавчик – мой брат.

Сказав это, Кастид залился румянцем, а Лиль, пропустив мимо ушей его неловкое признание, как ни в чём не бывало спросила:

- Скажи, Кастид, а тебе не кажется, что Ленвел так заботится о Зеде не только потому, что она больна?

- По мне, так из них двоих именно он и есть истинный больной, - перебил её Кастид, - и боюсь, что эта болезнь заразная, - добавил он, вновь краснея.

Глава 23

Воспоминания и реальность



Аделон проснулся и резко сел в судке. Смутное ощущение опасности из его сна переключалось в явь. Некоторое время он сидел, не понимая, что не так. Река по-прежнему медленно и плавно извивалась вдоль затейливо очерченных берегов, с обеих сторон его охранял почти такой же лес, разве что несколько поредевший. И тут, наконец, он осознал, что не даёт ему покоя. Едва уловимый аромат цветов. Слабый ветер с правого берега доносил до его ноздрей целый букет оттенков от пряного до терпкого, и похоже было, что чем дальше плыл судок, тем душистее становились запахи.

Аделон пошарил в ворохе сухой травы и веток и выудил оттуда мятую и слегка запылённую, но всё ещё целую маску. Он мысленно выругался на себя за такую беспечность – он-то решил, что маска ему больше не понадобится, а если что, он легко смастерит другую, не подумав о том, что в судке ему просто не из чего будет это сделать.

Надев защиту от дурмана и прищурившись от яркого света, киянец стал вглядываться в глубину леса на правом берегу и вскоре за редколесьем различил огромные просторы садов, тех самых, которые отделяли лес, населённый киянцами и, как теперь стало известно, на окраинной его части – кроменами, от владений кадасов. Воспоминания, словно осинный рой, налетели на него и стали жалить, одно больнее другого. Он снова вспомнил о Ленвеле и его горе-брате; о том, как его отряду был дан приказ во что бы то ни стало схватить их живыми; о том, как Ластан обвёл своих товарищей, включая его самого, вокруг пальца – здесь Аделон не смог сдержать улыбки; и, наконец, о том, во что всё это вылилось. Он давно похоронил в себе гнев на Ленвела за то, что произошло потом с Ластаном. Но сейчас, оказавшись рядом с землями, в которых дезертир нашёл укрытие, у него вдруг возникло непреодолимое желание узнать, как сложилась жизнь братьев на чужбине. Нет, сейчас он не помышлял о мести, он знал, что повстречайся ему Ленвел во плоти, он ни словом не обмолвится о том, к каким роковым последствиям привела хитроумная выдумка его друга. Зачем он помог Ленвелу? Да просто умел ставить себя на место другого, проникаясь его болью и страданиями. Для него дезертирство Ленвела было оправданным риском ради спасения брата. А оправдав, он принял решение, которого требовала его совесть – любой ценой уберечь несчастных от уготованной им расправы. Совесть? Что это за понятие для воина, убивающего себе подобных по приказу?

Однако не станешь же кривить душой перед самим собой. Уж кому-кому, а Аделону лучше, чем многим другим, было известно, как можно не выполнить приказ, который встаёт комом в горле и пеленой в глазах. Как мог он забыть деревню, жители которой взбунтовались против насильственного обращения в воины своих мужей и сыновей? В итоге их сопротивление было подавлено, большинство мужчин убито, а тех, кто выжил, забрали воины. Саму же деревню, вместе с оставшимися там женщинами и детьми, приказано было сжечь ночью, когда все давно крепко спали.

Аделон понимал, что без порядка и призванной его устанавливать жестокости часто просто невозможно обойтись, но такой приказ он выполнить не мог. И тогда, исчезнув из отряда, что никого не удивило, поскольку все привыкли к его чудачествам, и даже начальство смотрело на них сквозь пальцы, он пробрался в деревню, увёл всех в чашу и объяснил, что им надо искать и обживать другое место, потому что к утру их дом превратится в пепелище.

Когда после заката киянские воины пробирались к деревне, ведя с собой взятых там накануне в плен мужчин, чтобы на их глазах совершить страшную казнь, Аделон был в первых рядах, указывая дорогу и подгоняя нерадивых. К несчастью, он не мог сообщить пленным о том, что в деревне никого нет, и тогда он впервые в жизни увидел, как по окаменевшим, грубым и, казалось, бесстрастным мужским лицам текли и капали на землю слёзы. Это было страшно, и приказ поражал своей бессмысленной жестокостью. Но кто во время войны обсуждает приказы?

Когда воцарился мир, из тех мужчин в живых остался только один. И вот, в один из тех вечеров, когда наступало время отдыха, и не иссякавшие хлопоты откладывались до следующего утра, Аделон подсел к нему и рассказал, как жители его деревни были спасены. Воин побледнел, а потом, глядя ему в глаза, прошептал:

- Я твой должник до конца дней.

Аделон отрицательно покачал головой:

- Не мой.

Воин удивлённо поднял брови.

- Ластана, - Аделон посмотрел ему в глаза.

Воин понимающе закивал, глаза его заблестели и, пожимая в знак благодарности руку Аделона выше запястья, сказал:

- Больше никому. Раз не ты, значит, Ластан.

И этим было всё сказано. Той же ночью, обращаясь к небу, он рассказал обо всём Ластану, зная, что его маленькая ложь во спасение не оскорбит память друга. Вряд ли было хорошей идеей признаться кому-либо в неповиновении приказу, а если точнее, в помощи врагу во время войны. В умах думанов Ластану это зачтётся, как ещё один подвиг. Совсем другое дело Аделон. Кто знает, сколько продержится этот хрупкий мир, и не придётся ли ему в ближайшее время снова взяться за оружие, и какие последствия может иметь для него эта история, всплыви она однажды из омута прошлого на поверхность настоящего? Что же касается женщин и детей, которых он когда-то спас, вряд ли, если даже до этого дойдёт, они вспомнят о нём больше чем то, что он был выше среднего роста, и его русые волосы спадали ниже плеч. К слову сказать, это описание идеально подходило и к Ластану. Что до воина, он тем же вечером собрал свои вещи и, не говоря никому ни слова, отправился на поиски родных. В отличие от многих других он так и не вернулся, и Аделону очень хотелось верить, что он нашёл тех, кого искал.

Необычный шум вернул его из омута прошлых событий к действительности. Он прислушался и различил множество очень высоких голосов, непривычных для уха киянца. Здесь река разделялась на два рукава, и любопытство заставило его держаться правого – именно с правого берега из-за редколесья доносились эти странные звуки. Тем временем воздух наполнился настоящим галдежом, словно в лесу ругались из-за места под солнцем крошечные

пичужки. Всё это сопровождалось режущими слух всплесками то ли смеха, то ли визга. Аделон пытался рассмотреть хоть что-нибудь между росшими всё реже и реже деревьями. Но пока видел лишь разнообразные цветы, что по лесным киянским меркам были просто гигантского размера. Казалось, в их чашечке мог легко поместиться целый киянец или во всяком случае киянка.

Река меж тем ещё раз изогнулась, словно добродушная серебристая змея и, обогнув редколесье, потекла мимо ароматных садов, застилавших весь правый берег до самого горизонта. Теперь шум приблизился, и Аделон наконец услышал членораздельную речь, а точнее, обрывки фраз, летевших из уст небольших существ, которые - о небо! - порхали с цветка на цветок при помощи пары прозрачных крыльев, и то ли щебетали, то ли кричали наперебой.

В первое мгновение Аделону показалось, что они говорят на киянском, и он весь превратился в слух, недоумевая, как этот ничего не имеющий общего с киянцами народец может говорить на его родном языке. Но вслушавшись, понял, что ошибся. Язык этих миниатюрных думан и впрямь походил на киянский: он даже улавливал отдельные, будто слегка исковерканные киянские слова, которые, словно мелкие рыбёшки, на мгновение выныривали и вновь тонули в бурном потоке их быстрой, звенящей речи. И всё же это был другой язык, и Аделон оставил попытки понять о чём, то ли беседуют, то ли спорят, то ли ругаются эти крылатые существа. Впрочем, вскоре он получил ответ на вопрос, что же здесь всё-таки происходит - знание чудного и даже смешного для киянского слуха языка оказалось для этого совершенно не нужно.

Когда судок почти поравнялся со стайкой, а точнее, роем удивительных существ, Аделон был сильно озадачен тем, что они все, как одна, женского пола. Его лицо вытянулось ещё больше, когда он понял, что эти хрупкие, изящные на вид существа с криками и воплями молотят друг друга чем попало: кто-то кидался шариками, которые при встрече с препятствием рассыпались в пыль, застилая глаза и бросавшему, и противнику; кто-то, держа в руках серо-бежевые коробочки, вытряхивал из них чёрные семена, что градом сыпались на головы и крылья, не разбирая, кто здесь свой, а кто чужой. Чуть в стороне пара нежных на вид крылатых красавиц сражалась на шипах, отломленных от стеблей или соцветий росших рядом растений. Аделон даже присвистнул – настолько несуразной была представшая его глазам картина. Первым его порывом было вмешаться и встать на защиту слабых. Но кого и от кого защищать? Да и не мог он опуститься до того, чтобы сражаться со слабым полом, пусть их повадки и не очень этому полу соответствовали.

«О небо!» - подумал Аделон, - «и здесь война!». Особенно досадно было то, что всё это безобразие происходило в таком волшебном по красоте саду, и войну вели сказочные существа, по облику походившие на богинь, а манерами не уступавшие самым дурным из киянок.

Сейчас Аделон слышал их крики совсем отчётливо, и заметил, что два слова чаще других слетали с их губ, словно проклятие, посылаемое одной половиной сражавшихся другой: Мара! Диоза! Мара! Диоза! Аделон не знал, что означают эти слова, и понимал, что не в его силах утихомирить это воинственное племя. Но что-то же надо было сделать, чтобы охладить их пыл. И тогда он встал в судке во весь рост и, сложив руки трубочкой вокруг рта, раскатисто захохотал самым страшным басом, на который только был способен. Эффект был незамедлительным. Крылатые сумасбродки уронили все свои боевые снаряды и моментально попрятались в лепестках цветов. А Аделон, довольный результатом, улёгся на дне судка, чтобы все жительницы садов решили, что над ними смеялось само небо, ну, или, на худой конец, лес, укоризненно глядевший на них с противоположного берега реки.

Глава 24

Тучи сгущаются

Пока Ленвел колдовал над Зедой в их с Кастидом доме на отшибе, в другом доме, стоявшем по кадаским меркам совсем неподалёку, Гдалан, измученная жена Разона, готовила мужу очередной отвар, чтобы снова и снова обрабатывать его почти зажившие раны. Ту ночь, когда он с сыновьями вернулся с ярмарки без каталы, весь в ранах и синяках, она вспоминала с содроганием. И не потому, что на мужа не было живого места, а потому, что он был в таком бешенстве, так бушевал, сквернословил и размахивал кулаками, что в первое мгновение она испугалась, что он сошёл с ума, тем более, что его неуравновешенность внушала ей опасения с первой недели совместной жизни. Разон был в таком иступлении, что перебил на кухне всю глиняную посуду, рыча, словно жук майка: «Я их из-под земли достану!!! Они ещё пожалеют, что родились на свет!». И если бы Гдалан не поспешила принести ему напиток из валерианы, подслащённой клеверным мёдом, он бы, пожалуй, принялся и за мебель. Когда же это ароматное и успокаивающее зелье сбilo с него спесь, Разон почувствовал сильное недомогание во своём израненном теле, подошёл к постели и рухнул на неё, словно переспелый, подгнивший плод.

С тех пор он несколько раз порывался встать, но, к облегчению жены, ломота во всём теле от синяков и ран всякий раз превозмогала жажду мести. В такие моменты он вновь и вновь призывал к себе сыновей и, изрыгая страшные ругательства, требовал, чтобы они немедленно отправлялись на поиски «этих ублюдков и крылатой ведьмы». Сыновья послушно кивали головами, но, как только Разон забывался нездоровым сном, Гдалан отговаривала их, ссылаясь на то, что отец так плох, что нельзя воспринимать всерьёз то, что он говорит в краткие мгновения просветления сознания. А поскольку сыновья были весьма робкого десятка, они с радостью соглашались с разумными доводами матери. Когда же Разон вновь просыпался и призывал их к себе, те лишь разводили руками, наперебой рассказывая отцу, как они обыскали уже все окрестности, но никого из троицы так и не нашли.

По прошествии ещё нескольких дней Разон впервые встал с постели и грузно отправился на кухню, где всё семейство собиралось на завтрак. Он тяжело уселся во главе стола и свирепо окинул взглядом своих сыновей. Вдруг в его глазах мелькнула озабоченность, но он не успел сосредоточиться на том, что её вызвало, и вновь выражение глубокого недовольства своими отпрысками замутило его взгляд.

- Никчёмные, бестолковые слизни, - злобно прошипел он, - ничего без меня не можете, словно паучьи яйца без паучихи.

Тут озабоченность вновь вернулась к нему какой-то неясной досадой в глубине сознания, и на этот раз он успел уцепить её за хвост, а ещё через несколько мгновений вытащил на поверхность. Глаза его вдруг бешено вытаращились и налились кровью, лицо растянулось в уродливый оскал, и он со всего размаху треснул по столу так, что новая посуда от страха подскочила в воздух и далеко не вся сумела правильно приземлиться, повредив разные части своего глиняного тела.

- Я знаю, кто они!!! – заорал Разон, на этот раз испугав пыль, которая вмиг слетев со стен и потолка, затаилась в замершем от ужаса воздухе. – Это те двое из уродливого дома на окраине деревни! Мы как-то проходили мимо них, помните, олухи? – и Разон свирепо уставился на сыновей. - Они мне тогда ещё не понравились: дом не как у всех, сами какие-то темнокожие или какой-то тёмной дрянью намазаны, да и рожи нездешние. То-то я не мог понять, отчего эти отвратительные хари мне так знакомы! – и тут Разон взвился на сыновей с новой силой, - А вы-то что же?! Вроде молодые, а в башке ни памяти, ни соображения!! Вы на окраину ходили? Шалаш их, придави меня сопля, проверяли?!! – и не дав им издать ни звука,

разразился препрохабной бранью. Затем он набрал в грудь воздуха и, выпустив его мощной струёй через ноздри, прорычал:

- Сейчас же, без жрачки, бежать туда! Только у дома тише мыши, чтобы они вас не заметили. Всё разведать! Там ли? Только ли эти двое, а то может, их там поболее будет?

А поскольку сыновья продолжали сидеть за столом, невыразительно глядя на отца, Разон огрел несчастный стол и в третий раз:

- Я сказал «сейчас же»!!!

И только тут сыновья наконец сорвались с места, а выскочив за дверь, нехотя поплелись к тому дому, о котором они прекрасно помнили, но очень надеялись, что отец забыл.

Сегодня Ленвел впервые вынес Зеда из дому. Он усадил её между Лиль и Кастидом на ворох свежесрезанной травы, облокотив на согретую солнцем стену. Он заботливо укрыл её ноги одеялом из валяного пуха чертополоха, а сам сел напротив, лицом к дому.

Солнце заиграло на её волосах и, развеваемые лёгким тёплым ветерком, они сейчас походили на языки пламени затухающего костра.

- Ещё одна ночь, и мы попробуем ходить, - улыбнулся он, не сводя глаз с таяны. Зеда попыталась улыбнуться в ответ, но на полпути улыбка потухла, уголки её губ опустились и, глядя в землю, она с затаённым страхом в голосе спросила:

- Я буду когда-нибудь снова летать?

Ленвел давно ждал этого вопроса, и всё же он застал его врасплох.

- Время всё лечит, - уклончиво ответил он.

Зеда вскинула на него глаза, полные слёз:

- Ты хочешь сказать, что привыкну ходить по земле?

Было ясно, что прозвучи сейчас одно неверное слово, и она разрыдается.

- Я верю, что ты вернёшься в небо, но нужно время, - придав своему голосу деланную уверенность, ответил Ленвел и посмотрел на Лиль, ища в ней поддержки.

Та очень аккуратно, боясь задеть повреждённые крылья, обняла подругу и прильнула щекой к её щеке:

- Зеда, уж если кадасы подлатали тебе крыло, и ты смогла катать их детей, неужели ты сомневаешься в способности Ленвела повторить это.

Ленвел едва заметно поморщился – не этого ожидал он от Лиль - ведь всем было ясно, что единственный прокол ни шёл ни в какое сравнение с тем, что сейчас представляли собой крылья Зеда.

- Мы с Кастидом делаем всё, что в наших силах, но крылья стрекоз не валяются охапками на траве. Потребуется какое-то время, пока нам повезёт поймать достаточно крупных, чтобы восстановить тебе крылья.

- Так вот куда вы исчезали последние несколько дней, пока я дежурила у её постели! – вскинулась Лиль. – А на что вам я? Из нас троих, по-моему, у меня чуть больше шансов наткнуться на стрекозу! – и она скорчила укоризненную гримасу.

- Стрекоза размером с тебя, да к тому же вооружена мощными челюстями. Не забывай, что она хищник, которому ничего не стоит откусить тебе конечность, а если надо, и голову, - снисходительный тон Кастида, словно он обращался к маленькому несмышлёному ребёнку, разозлил Лиль.

- А ты полагаешь, меня не научили с детства избегать встреч с этим чудовищем? Или ты думаешь, что стрекозе не всё равно, чью конечность откусывать, твою или мою? К тому же, за эти дни я научилась вполне сносно пользоваться каменным ножом, и почему-то мне кажется, челюстям стрекозы придётся несладко, попытайся они перекусить это оружие.

Кастид смотрел на Лиль со смешанными чувствами: она восторгала его своей храбростью и готовностью пойти на всё ради подруги, но одновременно пугала наивностью и безрассудством, которые могли, дай им волю, привести её к гибели. В который раз его с головой накрыл страх за её жизнь, желание спрятать её от всех напастей этого мира в своих объятьях. Но за время бесед и совместного ухода за Зедой Лиль ни разу ни словом, ни жестом не дала ему надежды на то, что испытывает хоть капельку того ливня чувств, в котором с каждым днём всё сильнее утопал он сам.

- Но мы не можем взять тебя с собой, - схватился он за соломинку, - Зеду нельзя оставлять одну.

Лиль недовольно выпятила нижнюю губу и, с силой выпустив изо рта струю воздуха, сдула со лба прядь разметававшихся волос.

- А почему бы тебе не посидеть разок с Зедой? У тебя это получится не хуже, чем у меня или Ленвела, – Лиль перевела взгляд с Кастиды на его брата. – Ты имеешь что-нибудь против? – жёстко спросила она.

- Но ты ... ведь... - начал тот.

- Да, я таяна, а не киянец, и даже не таянец, но у меня есть крылья, и в отличие от вас со стрекозами я в небе на равных. Во всяком случае, мне не надо её подстерегать, наивно надеясь, что она спутает меня с несуразным подрагивающим на ветру листом или корявым цветком с глазастой головой вместо бутона. А ведь она может и напасть, сообразив, что по вкусу вы мало чем отличаетесь от её любимых блюд, не говоря уже о том, что сплетённые вами паучьи сети, которыми вы надеетесь поймать это чудовище, могут повредить бесценные для нас крылья, - Лиль перевела дух и едко добавила:

- Можно, конечно, ловить на живца, но тогда перед вами стоит нелёгкая задача, кем же пожертвовать ради Зеды.

Ленвел усмехнулся – Лиль ему по-настоящему нравилась. Если бы она была киянцем, они бы обязательно стали друзьями. Но она была таяной, и не в традициях киянцев было подвергать опасности женщин, а уж тем более брать их собой в сражение с неизвестным исходом: хоть киянки и охотились вместе с мужчинами на кузнечиков, агрессивность последних не шла ни в какое сравнение со стрекозиной. С другой стороны, многое в словах Лиль было верным. За дни охоты на стрекоз им только однажды удалось сразить насекомое точно брошенным камнем, и то повредив ей при этом одно крыло. Все попытки попасть в неё стрелой заканчивались неудачей из-за невозможности прицелиться – всякий раз в последний момент стрекоза успевала увернуться. Если дело будет продвигаться такими темпами, Зеде не стоит рассчитывать на скорое возвращение к привычному образу жизни, не говоря уже о том, что каждый лишний день пребывания в опасной близости к кадасам может в конечном счёте стоить жизни им всем. Дарованный им покой мог бы притупить бдительность кого угодно, но только не Ленвела. Если остаться здесь, раньше или позже Разон отыщет их, или они сами на него наткнутся. Надо было срочно отсюда убираться. Куда? Он не имел понятия. Да и какая разница? Мир велик, найдётся и для них с братом место на этой земле. А вдруг, это место устроит и двух таян?

Ленвел ещё раз внимательно посмотрел на Лиль, а она ответила ему гордым, воинственным взглядом. И он сдался.

- Что ж, тогда за дело.

Лиль победоносно взглянула на Кастиду и, вновь переведя взгляд на Ленвела, добавила:

- Лучше всего охотиться, когда солнце начинает спускаться с небес на землю – стрекозы становятся вялыми и их легче одолеть.

- Какое оружие тебе нужно?

- Твой каменный нож, - ответила Лиль, всё ещё с трудом веря своей удаче. – Из всех он самый острый.

- По рукам, - согласился Ленвел, - в таком случае, я возьму нож Кастида, - и он протянул Лиль руку.

Когда позднее, при свете уже уставшего за день солнца, они двинулись в сторону ароматных садов, две пары глаз, наблюдавшие за домом, исчезли в гуще травы близлежащего холма. Вскоре две неказистые фигурки показались на его противоположном склоне, и оттуда со всех ног бросились к дому Разона.

Глава 25

Охота

Река распрощалась с ароматными садами и с их удивительными обитательницами с неожиданно вздорными характерами. Аделон лежал на дне судка, любуясь пушистыми облаками, проплывающими по сиреневатому небу вслед за уходящим на запад солнцем. Ему не однажды в жизни приходилось убеждаться в том, что внешность редко имеет какое-то отношение к характеру. И эти крылатые девы были, пожалуй, лучшим подтверждением его наблюдений. Такие неземные, воздушные, разноцветные, с хрупкими, точёными фигурками они походили на существа из чудесного волшебного мира. Но стоило заглянуть в этот мир попристальней, как всё чудо тут же рассыпалось в прах. Киянки, даже те, что не отличались спокойным, добродушным нравом, на фоне этих сварливых фей казались просто воплощением мягкости и нежности. Правы были те, кто говорил «прежде чем корить свою жену, узнай, за что корит свою сосед». Да уж, всё познаётся в сравнении. Аделон горько усмехнулся – оказывается не только киянцы не умеют жить в мире. Интересно, есть ли где-нибудь на земле народ, который научился ценить жизнь, любить друзей так, чтобы им не завидовать, любить детей так, чтобы не посягать на их детство, любить жён так, чтобы мысль о войне никогда не казалась слаще их объятий?

Постепенно мысли стали путаться, а солнце всё увереннее катилось к западу, окрашивая облака всё новыми тонами и полутонами розового и фиолетового. Аделон закрыл глаза и провалился в яркий, разноцветный сон. Ему снился киянский мир: его родители и сестрёнки были живы и весело бегали по поляне, собирая и тут же поедая землянику. Яркий сок сладкой ягоды раскрашивал щёки, тёк по подбородку на шею, плечи и одежду. И это было так здорово, так беззаботно и переполнено единственным ощущением – тихим счастьем.

Аделон улыбался во сне и, глядя на него сверху, улыбались облака и само небо, которое не умело завидовать чужому счастью, потому что само было счастливо. А река ещё раз изогнулась и понесла свои воды, а с ними и судок, вдоль новых берегов, покрытых густой высокой травой. А дальше простирались лишь холмистые равнины, на которых то тут, то там ютились разбросанные по склонам, невиданные Аделоном прежде дома. Но сейчас он спал и не ведал, что очень скоро ему предстоит познакомиться с ещё одним народом - до сих пор он знал о нём лишь понаслышке.

Как только Ленвел и Лиль подошли близко к ароматным садам, и чуткие ноздри киянца уловили едкий цветочный запах, он тут же надел маску, которую в последние дни всегда носил с собой. Было ещё светло, но в воздухе уже появилась едва ощутимая прохлада – день преодолел пик жары: солнце пересекло невидимую границу между днём и ночью и уверенно двигалось к западу.

Искать стрекоз было не нужно – их здесь летало в избытке. Прорезая воздух перламутровыми молниями, они сновали туда-сюда в поиске жертв.

Лиль с детства знала, что стрекозы опасны, ведь случалось, что они нападали на животных, не уступавших им в размерах. На памяти её родителей было несколько страшных случаев нападения стрекоз на малышей таянцев. Но всё же такое случалось крайне редко. Как правило, стрекозы не трогали представителей крылатого народа и мирно сосуществовали с ним.

В тот момент, когда Лиль так уверенно сражалась за право участвовать в охоте на стрекоз, стоя возле домов братьев, она не подумала о том, что, в сущности, вызывается совершить убийство. Ведь стрекозы достигали почти таянских размеров, а крылья и тех, и других были удивительно похожи. К тому же, пусть и беспощадные, стрекозы были на редкость красивыми и умными животными.

Именно поэтому она закусила губу, когда Ленвел протянул ей свой страшно заточенный нож. Но не в её правилах было отступать, во всяком случае теперь, когда беды и страдания закалили и укрепили её дух.

Зажав рукоять в руке, она взмыла в воздух и замерла, высматривая жертву – нужна была крупнокрылая стрекоза. Если удастся убить такую, не повредив ни одного из четырёх крыльев, у Зеде появятся серьёзные шансы вновь обрести радость полёта.

Ещё издали Лиль заприметила большую красавицу с золотисто-коричневыми, сверкавшими на солнце крыльями. Дождавшись, когда та окажется прямо под ней, таяна камнем упала вниз, неуклюже выставив вперед свой нож. Стрекоза легко увернулась и, будто в недоумении зависнув почти рядом с нападавшей, метнулась в сторону и растворилась в воздухе.

«Дура! - в сердцах подумала Лиль. - Она же видит своими бесчисленными глазами всё со всех сторон, а значит, видела и меня ещё до того, как я ринулась вниз».

По выражению её лица Ленвел понял, что творится у Лиль в душе, и тихо спросил:

- Стрекозы ведь летают быстрее таян?

- Немного, - Лиль вновь закусила губу, затем нервно сдула прядь волос со лба и хмуро добавила. - Я попробую по-другому.

Ничего не говоря, Ленвел взял нож из рук Лиль, сделал несколько колющих движений в воздухе и вернул ей оружие. Так же молча она повторила их.

Теперь таяна затаилась в чашке цветка, глядя в щель между лепестками, и вскоре приготовилась к новому броску, на этот раз снизу.

В подходящий момент она стремительно взмыла вверх только для того, чтобы вновь восхититься ловкостью этого неуязвимого животного: не поворачиваясь и не меняя положения туловища в воздухе, стрекоза дала задний ход – теперь впереди летел её хвост. Затем, смерив обескураженную Лиль бесстрастным взглядом множества глаз, она резко взмыла вверх и, как и первая, исчезла в вышине.

Невезение злило, но одновременно раззадоривало Лиль. Сейчас она знала, что охота закончится, либо когда она поймает стрекозу, либо когда наступит ночь и перламутровые красавицы отправятся спать. Но второе означало ещё один потраченный впустую день и плохо маскируемое отчаяние в глазах несчастной подруги, ожидавшей их дома. А ведь она обязана Зеде освобождением, а может и жизнью.

И Лиль решилась на отчаянный шаг. Не желая думать о возможных последствиях, она вновь взлетела над пёстрым ковром из зелени и цветов. Наблюдавший за ней снизу Ленвел в первый момент в ужасе подумал, что у неё повреждены крылья – Лиль двигалась каким-то зигзагом, припадая то на одно, то на другое крыло, то вдруг совершала в воздухе какой-то немыслимый пируэт, грозивший закончиться падением. Но тут он заметил её хитрый прищур и догадался, что она прикидывается раненой специально, чтобы показаться очень лёгкой добычей и этим привлечь внимание стрекоз.

- Что ты делаешь? – гаркнул он. – Спускайся немедленно! Мы что-нибудь придумаем вместе! Но Лиль продолжала свой смертельный полёт и явно не собиралась его слушать.

Отчаявшись «достучаться» до неё, Ленвел окинул росшие близ цветы и кустарники цепким взором. Не теряя ни мгновения, он заткнул нож Кастиды за пояс и полез вверх по шипастому стеблю репейника, возвышавшегося над этой частью сада. Он надеялся, что Лиль не нарушит данное ему обещание и не полетит прочь. В противном случае, если случится что-нибудь непредвиденное, он будет бессилён ей помочь.

Киянец стремительно карабкался по стеблю, одновременно наблюдая за тем, что происходит в небе. Вот прямо под Лилью пролетела стрекоза, не обратив на таяну никакого внимания. Ленвел сделал ещё одно последнее усилие и оказался на одном из верхних шипов, что предоставило ему прекрасный обзор.

Не успел он перевести дыхание, как та же самая стрекоза, развернувшись у росшей в отдалении мальвы, ринулась в обратном направлении, слегка забирая вверх и влево и стремительно набирая скорость. Сомнений не было – она летела к Лиль: безрассудная маленькая таяна добилась-таки своего – ей удалось обмануть стрекозу. И сейчас огромное животное уже почти поравнялось с ней. Ленвел видел, как та выставила перед собой руку, в которой судорожно сжимала нож.

Неожиданно стрекоза резко вильнула влево и вверх и, оказавшись над не успевшей среагировать таяной, цепко схватила ту своими когтистыми лапами. От неожиданности и боли Лиль вскрикнула и разжала правую руку – каменный нож Ленвела, недоумевая, почему его отпустили на волю, так и не пустив в ход, легко прорезал ни в чём не повинный воздух и безжизненно упал на землю.

Не рассчитавшая свои силы и неправильно оценившая вес таяны стрекоза под тяжестью ноши резко просела в воздухе, так что ноги Лиль почти касались высокой травы. Ленвел в ужасе наблюдал, как летучая тварь медленно, но верно уносит барахтающуюся и визжащую таяну прочь от него. Однако тяжёлое, плавное движение сделало стрекозу лёгкой мишенью для того, кто умел метко бросать. Выругавшись, что не взял с собой лук и стрелы, Ленвел сделал единственно возможное. Он прицелился и пустил нож по изогнутой траектории. В отличие от бессмысленно валявшегося на земле собрата, нож Кастиды гордо взмыл в воздух и, прорисовав в нём дугу, воткнулся остриём прямо промеж стрекозиных крыльев. Та судорожно дёрнулась, но когти не разжала, а как ни в чём не бывало продолжала свой полёт. Боясь потерять Лиль из виду, Ленвел с силой оттолкнулся от шипа и перепрыгнул на соседний цветок. Не мешкая, он тут же перелетел на следующий. Он был в таком ужасе и отчаянии, что, чудилось, у него у самого на спине выросли крылья: никогда впредь он не сможет повторить эти неправдоподобно длинные прыжки с цветка на цветок.

И вот, когда ему уже казалось, что он целую вечность преследует стрекозу, та неожиданно рухнула вниз, как будто все жизненные силы в одно мгновение покинули её. Она тут же скрылась из виду где-то в зарослях зелёной травяной чащи. Ещё мгновение и зелёное море поглотило и леденящие душу вопли Лиль.

«Только не это!» – пронеслось в голове у Ленвела, продолжавшего свою невероятную погоню то по чашечкам и листьям цветов, то по шипам их стеблей. Добравшись до места падения, он с замиранием сердца заглянул в пропасть, простиравшуюся между листом люпина, на котором он стоял, и землёй. Там, на примятой траве лежало агонизирующее тело стрекозы, которое почти полностью закрывало собой распростёртую под ним Лиль. Запрещая себе думать о худшем, Ленвел начал стремительный спуск, избегая ненужных рисков, понимая, что повреди он себе хоть что-то, это может стоить Лиль жизни, если конечно ... Нет! Он не смеет об этом думать. Ещё один самый длинный пролёт между нижним листом и землёй, и киянец стоял возле стрекозы. Сейчас он должен был думать только о Лиль, но Зеда... ведь она ждала их дома, она надеялась на них, и мысли о ней по собственной воле вплетались в мысли о её

подруге. Поэтому прежде всего он обратил внимание на огромные крылья, которые вполне могли заменить Зеде её повреждённые. Какая невероятная удача – эти крылья были невредимы, правда, почти не переливались. Именно это обстоятельство заставило Ленвела обратить внимание на то, что солнце уже почти распрощалось с небом, и наступившие сумерки скоро начнут уплотняться, выдавливая из воздуха остатки света и неумолимо преобразуясь в ночь. Надо было спешить. Уж кому-кому, а ему было отлично известно, как опасно оставаться ночью без укрытия таким небольшим существам, как они с Лиль, тем более что за ароматными садами простирался лес, и его обитатели вполне могли переступить или перелететь границу между этими двумя мирами.

Ленвел вынул нож из спины стрекозы и, заткнув его за пояс, начал осторожно приподнимать её туловище, чтобы высвободить Лиль. В первое же мгновение он понял, что насекомое до сих пор держит таяну в прямом смысле мёртвой хваткой. Он сел на корточки и в убегающем свете различил коготки, впившиеся в грудь Лиль с одной стороны. Выхватив нож, одним движением он перерубил оцепеневшие крючки и, обежав стрекозу, сделал то же самое с другой стороны. Теперь насекомое подалось, и Ленвел аккуратно поднял его и положил рядом с Лиль. Второе страшное опасение не подтвердилось – крылья таяны были целы. Но никакого облегчения он не испытал – Лиль не подавала ни малейших признаков жизни. Тогда киянец осторожно перевернул её обмякшее тело на спину. Теперь он мог её осмотреть. Кроме ран от когтей, остатки которых торчали с двух сторон меж рёбер, Ленвел не обнаружил никаких внешних повреждений. Он приник к её груди – там, в глубине этого хрупкого организма продолжало свою работу слегка ослабевшее от только что пережитого, но неутомимое сердце. Ленвел с силой выдохнул – Лиль была жива. Возможно, таяне потребуется много времени на восстановление, но она жива!

Хватаясь за последние крохи света, растворённые в воздухе, киянец нарезал большую охапку травы, уложил на неё Лиль и обвязал подстилку вместе с таяной одним концом своего пояса. Обезглавив стрекозу, так как голова составляла примерно половину её веса, Ленвел водрузил насекомое себе на спину. Придерживая одной рукой тело за хвост, другой он ухватил свободный конец пояса и двинулся по направлению к дому, осторожно волоча за собой травяную подстилку с не приходившей в сознание Лиль.

Глава 26

Засада

Под покровом ночи Разон и его двое сыновей крадучись спускались с холма. Чуть в стороне от его подножия с крышей набекрень и чудом удерживая стены, готовые распахнуть свои объятия прохожим, стоял совсем не кадасский дом.

- А вот и их логово, - шепнул отцу старший сын.

Тот смерил его уничтожающим взглядом:

- Какая новость! Ну держитесь у меня, - и он свирепо посмотрел теперь уже на обоих сыновей, - если их там не окажется, если они сбежали, пеняйте на себя.

Он перевёл взгляд на дом:

- Эта лачуга едва держится на ногах. Мы неслышно подойдём, а потом неожиданно ворвёмся внутрь. Ваша задача схватить каталу, не повредив ей крылья, и сразу тащите её домой. Чужую – не трогать. Она – дело Бодора. А с двумя недоносками я уж сам разберусь, по-отечески.

Медленно, но верно кадасы приближались к дому, который, похоже, спал, и никакие дурные предчувствия не тревожили его безмятежный сон.

Когда свет был окончательно вытеснен чёрным бархатным телом ночи, Кастид и Зеда начали всерьёз волноваться. Они ушли в дом, едва лишь сумерки запустили свои пока ещё светло-серые руки в прозрачность дневного воздуха. Кастид помог Зедe встать и, хотя та не хотела вновь затворяться в четырёх стенах, увёл её внутрь и усадил на постель.

- Я закрою дом, - бросил он, засовывая длинный, узкий камень в отверстие, выдолбленное в дверном косяке, выступавшем за пределы стены. Взяв каменный молоток, он плотно вогнал камень-засов, два раза ударив по нему с правой стороны, а поскольку дверь открывалась вовнутрь, никакие непрошенные гости не могли теперь попасть в дом по своей недоброй воле.

- Ты пока поспи, - обратился он к обхватившей руками колени и слегка дрожащей Зедe. - Я буду на страже. Как только они придут, я отворю дверь.

- Но они давно должны быть здесь, - испуганные глаза Зеды казались сейчас ещё больше, и создавалось ощущение, что всё её лицо – это одни огромные зелёные глаза.

- Но их нет, а я не оставляю тебя в доме одну, - мягко и одновременно непреклонно возразил Кастид.

- А если они попали в беду? А если им нужна помощь? – накинулась она на него.

- С Лиль Ленвел, и это самая надёжная защита. Кем я буду, если оставляю тебя одну в доме, и с тобой что-нибудь случится? Ленвел мне никогда этого не простит.

- Что за ерунда! Чем я лучше Лиль? – разозлилась Зеда.

- Дело не в том, что кто-то из вас лучше или хуже... наверное, я не открою тебе тайну, если скажу, что он любит тебя.

Огромные глаза таяны вдруг расширились ещё, и Кастид, который не был уверен в том, что правильно поступил, рассказав ей о чувствах своего брата прежде него самого, увидел, как эти невероятные зелёные озёра вдруг стали полноводными и заблестели при свете лучины нежным, тёплым светом.

- Но я ведь тоже его люблю, - тихо сказала Зеда, - и потому прошу тебя, оставь меня здесь. Я запрусь на засов и буду в безопасности. Пожалуйста! Какого тебе будет, если завтра мы узнаем, что они погибли, а ты даже не попытался им помочь?

Не догадываясь об этом, Зеда сейчас озвучила мысли и тревоги самого Кастида. Было совершенно ясно, что раз Ленвел и Лиль до сих пор не вернулись, произошло что-то непредвиденное и вряд ли хорошее. С другой стороны, он понимал, что, оставляя Зеду одну в доме, он подвергает её серьёзной, если не смертельной опасности – Разона никто не отменял. И куда они живут на окраине земли кадасов, существует угроза, что он-таки отыщет их. Но... Кастид пытался мысленно разложить все за и против на две чаши весов – он впервые увидел это нехитрое приспособления на ярмарке у кадасов – но это не помогало. Тогда он постарался успокоиться и рассудить здраво: они здесь уже две недели, и до сих пор никто не проходил мимо их дома. Почему надо опасаться, что сейчас, среди ночи, сюда кто-то придёт и попытается ворваться внутрь? И кто знает, может в этот самый момент, пока он стоит и размышляет, Ленвел и Лиль борются с кем-то или чем-то за свою жизнь? И как он сможет жить, не говоря уже о том, чтобы смотреть Зедe в глаза, если они безмятежно просидят всю ночь в доме, а завтра утром найдут безжизненные тела его брата и Лиль, ставшей Зедe больше, чем сестра?

- Ты права, - Кастид пристально посмотрел на таяну, - сумеешь забить камень, как это только что сделал я?

- Смогу, можешь не сомневаться, – Зеда просияла, поняв, что ей удалось-таки его убедить. Она тут же встала с постели и подошла к двери.

Взяв топор, двумя резкими ударами обуха слева Кастид выбил камень из выдолбленного отверстия и с сомнением посмотрел на Зеду.

- Покажи, - приказал он, протягивая ей топор и камень.

Превозмогая ещё остававшуюся в теле слабость, та взяла камень и, просунув его обратно, с силой ударила с правой стороны. К облегчению Кастида и восторгу таяны, камень плавно прошёл сквозь отверстие, показавшись с другой стороны, и плотно засел там, заперев дверь.

- Ладно, - Кастид только теперь принял окончательное решение, - будем верить в лучшее.

Сказав это, киянец легко выбил измученный за этот вечер камень, отворил дверь и, прихватив с собой нож, что до этого дня служил братьям только в быту, вышел в кромешную тьму. Он тут же услышал, как Зеда проворно вставила и забила затвор. Глаза медленно привыкали к мраку, и Кастид уже начал различать силуэты отдельно стоящих деревьев и кустов, когда из-за угла дома вынырнула тёмная фигура.

- Ленвел?! – воскликнул Кастид и тут же почувствовал, как ему на голову обрушилось что-то острое и тяжёлое. Мысль о том, что он всех подвёл, успела чёрной молнией промелькнуть в голове, прежде чем его сознание опрокинулось, ноги подкосились, и он рухнул на землю.

Зеда, стоявшая по другую сторону двери, слышала и оставшийся без ответа возглас, и последовавший за ним шелест травы от чьего-то падения, и нашла бы этому сотню объяснений, если бы не одно страшное обстоятельство – она не слышала шагов удалявшегося от дома Кастида.

Таяна затаилась, хватаясь за соломинку надежды – может быть Кастид просто поскользнулся на траве, влажной от оседавшей в ночном воздухе росы? Но тогда он давно бы встал, а если падение привело к какой-нибудь травме, позвал бы её на помощь. А может быть, увидев в небе сову или летучую мышь, он просто спрятался от опасности и затаился?

Но время словно плыло, а по ту сторону двери ничего не происходило. Гнетущая тишина становилась невыносимой. Но если там недруги, почему они бездействуют и безмолвствуют? Зеда прижалась спиной к дверному косяку и бесшумно сползла на пол. Её колотила нервная дрожь. Она была одна в доме. Там, за дверью, лежал Кастид, и скорее всего он был без сознания. Где-то сейчас Ленвел и Лиль сражаются вдвоём за свои жизни, и теперь им не на кого рассчитывать. Она одна не сможет им помочь. Однако, так никем и не нарушенная тишина начинала обнадеживать. И Зеда, превозмогая сотрясавший её тело страх, громко крикнула:

- Кастид! Что с тобой?

Ответом на её вопрос была громкая, свирепая брань, и таяна в ужасе отпрянула от двери – она узнала голос Разона.

- Ломите! – заорал он. – Катала ту одина!

И в тот же миг дверь задрожала под мощью ударов дубинок и каменных ножей.

- Рубате! – вновь раздался грубый голос её бывшего хозяина, и на этот раз дверь затрещала от пущенного в ход каменного топора.

Зеда в панике окинула дом затравленным взглядом в поисках хоть какого-нибудь оружия – на сучке, торчавшем в стене, висели лук и колчан. Недолго думая, она схватила их и попыталась вставить стрелу так, как ей показывал Ленвел, когда однажды во время его бессменного дежурства она спросила о странных, неизвестных ей предметах на стене. Стрела упала на пол. Зеда подняла её и повторила попытку. Сейчас её мозг работал необыкновенно ясно. Из памяти удивительным образом всплыла чёткая картинка: вот Ленвел вставляет стрелу, затем натягивает тетиву, вот он отпускает её, и стрела вонзается в дверь.

Зеда вдруг осознала, что дрожь прошла и она абсолютно спокойна: руки уверенно и крепко держат лук и стрелу с натянутой тетивой. Если бы кто-то посторонний увидел её в этот миг, то решил бы, что эта хрупкая воительница всю жизнь не расставалась с оружием, и сейчас совершенно хладнокровно собирается убить думана.

Несколько мощных ударов топора, занявших лишь мгновения, отмерили для Зеды пропасть между прежним и нынешним восприятием мира и себя в нём. В самый последний миг, когда

дверь уже была прорублена, и в зияющей дыре появился до омерзения знакомый силуэт Разона, она ещё не верила, что сможет выпустить стрелу в живую мишень. И когда увидела ту торчащей в плече очумевшего от удивления кадаса, изумлённо обернулась, решив, что Кастид или Ленвел каким-то чудесным образом материализовались у неё за спиной и пришли ей на помощь.

Рёв раненого Разона поверг ночную безмятежность в шок. Со звериным оскалом вместо лица он бросился было на свою обидчицу, но тут же тяжело осел на пол. Одинокие ночные птицы, словно по команде, вспорхнули с веток и, ухая, взмыли в воздух, разнося по всей округе свой страх.

Ленвел вздрогнул от неожиданного звука, так страшно исковеркавшего тишину. И если до сих пор он шёл медленно, изо всех сил стараясь не трясти Лиль и не повредить стрекозиные крылья, то сейчас, позабыв об осторожности, ринулся вперёд, благо из-за облаков вышла луна и осветила своим мягким светом так не вовремя разбуженный мир.

Он преодолел ещё небольшое расстояние, и в поле его слуха оказались рыдания Зеды, брань Разона и вопли его бестолковых сыновей. Ленвел бросил на землю пояс, за который тащил травяную подстилку, положил рядом туловище стрекозы и ринулся к их с Кастидом дому, который проступал бесформенным бледным пятном во мраке новорожденной ночи.

Глава 27

Вовремя

Аделона разбудил пронзительный, леденящий кровь вопль. Родившись где-то далеко, он нёсся по-над высоким травянистым берегом. С трудом понимая, где он, и что происходит, киянец сел в судке. В тот же миг крик, а точнее рёв, повторился вновь. Этот звук не принадлежал ни одному из известных ему животных, предпочитавших для охоты тёмное время суток. Да и странно было предположить, что лесное животное могло оказаться так далеко от места своего обитания в столь неурочный час. Это был несомненно крик думана. Он кричал либо от боли, либо от ярости. В первом случае помощь будет нужна ему, во втором – тому, кто так его разъярил.

Аделону сейчас меньше всего хотелось снова браться за оружие, но его врождённое равнодушие к чужой беде и вера в то, что на свете ничего не бывает случайным, подняли его во весь рост, вложили гребёнку в руки и уверенными, мощными взмахами направили судок к берегу. Почувствовав, что у неё нет ни единого шанса, вода даже не пыталась сопротивляться.

Причалив к берегу, Аделон выбросил на сушу лук, колчан со стрелами и топорик. Убедившись, что судок крепко привязан к гребёнке, он в два прыжка преодолел обрывистый берег и оказался на равнине, поверхность которой то тут, то там возмущали лишь невысокие холмы, покрытые низкой травой. Отсюда он слышал и другие звуки, гораздо слабее первых – те явно принадлежали женщине: это были то ли стоны, то ли плач. И если до тех пор в его душу ещё закрадывались сомнения, то в этот миг они были сметены ненавистью к любому, кто смог поднять руку на женщину.

И вот уже Аделон мчался между холмами и слышал, как ветер свистит у него в ушах, хотя ночь стояла такая тихая, что можно было подумать, что она умерла.

Уже возле дома Ленвел различил сыновей Разона, которые волочили отчаянно брыкавшуюся, рыдающую Зеду. Он метнулся за ними и тут же споткнулся обо что-то мягкое, растянувшееся на траве. Вскочив, он бросил взгляд назад и увидел, что это Кастид. Отложив на потом мысль, что тот, возможно, убит, и не теряя ни мгновения, киянец ринулся за кадасами. Настигнув, он обрушился на них градом ударов такой силы, что дебелие, толком не умевшие драться отпрыски Разона были вмиг повалены на землю, словно два сгнивших у основания гриба. В мгновение ока Ленвел вырвал у них Зеду, а та, почти потеряв рассудок от ужаса и отчаяния и ничего не видя от застилавших глаза слёз, решила, что это Разон, и, не имея больше сил сопротивляться, из последней мочи укусила обидчика за руку. От неожиданности и боли Ленвел вскрикнул, и только услышав его голос, Зеда поняла, что находится в надёжных руках своего друга. Но того мига промедления оказалось достаточно, чтобы вышедший вслед за своими сыновьями из дома, истекающий кровью Разон успел вмешаться. Ещё несколько мгновений назад в припадке гнева он покрушил всё, что находилось внутри дома, и сейчас в здоровой руке сжимал тот самый тяжёлый засов, который недавно так некстати преградил ему путь в дом ненавистных чужаков. Вот тут-то он и увидел Ленвела. Медленно ковыляя, в тупой ярости от своего бессилия угнаться за возникшим неведь откуда вторым похитителем его каталы, он мог только наблюдать за тем, как тот наскочил сзади на его сыновей и вмиг уложил их на землю. Именно этого мига, вместе с другим, потраченным на приведение Зеде в чувство, хватило на то, чтобы успеть прицелиться и запустить каменный засов прямо в голову своему врагу. Падая, киянец увлёк за собой и Зеду, которая заголосила с новой силой, увидев приближающегося Разона с перекошенным от злобы лицом.

Подняв таяну за волосы здоровой рукой и поставив на ноги, Разон на секунду отпустил её, чтобы той же рукой вlepить увесистую пощёчину. Затем, вновь схватил за волосы и, продолжая удерживать, кряхтя и чертыхаясь, склонился сначала над одним из сыновей, а затем над другим.

- Чо, саме побредате, недоделки, - выругался он и, зло сплюнув, вновь обратил свой свирепый взор на дрожащую, словно травинка на ветру, Зеду.

- А та ме подароже оплаташ, - прохрипел он зловещим шепотом, и глаза его налились кровью.

Ещё раз пнув ногой обмякшие тела своих сыновей и не увидев никакой реакции, той же здоровой рукой Разон крепко обхватил Зеду за шею и, не обращая внимания на её стоны и рыдания, потащил по направлению к своему дому.

Аделон бежал на женский плач, который сейчас превратился в отдельные хриплые всхлипы, чередовавшиеся с долгими паузами абсолютной тишины, но, к счастью, не исчезал совсем, задавая киянцу направление движения.

Ещё немного усилий, и в тусклом свете луны он различил мощную спину движущегося впереди думана. Приглядевшись получше, он увидел тельце хрупкого, худенького создания, принадлежавшего той самой женщине, страдания которой заставили его бросить судок и мчаться неведь куда, лишь бы её спасти. Она барахталась и перебирала ногами в тщетной попытке опереться о землю и вырваться из железных тисков мощной руки своего обидчика.

Он не видел, что думан ранен. Он только отметил про себя его тяжёлую походку, как будто он не шёл по земле, а нарочно топтал, выбивая из неё душу. Оценив физическую мощь противника, Аделон сразу понял, что в рукопашном бою он обречён на поражение. Не мешкая, он выхватил стрелу из колчана, натянул тетиву и прицелился. И в это мгновение он вспомнил о Ластане: сейчас он стоял на чужой земле со своими законами и порядками; он не знал, кем эти двое приходятся друг другу. Если он воспользуется луком или топором, не положит ли это начало новой страшной войне, которая может, словно пожар, распространиться по этой

земле и перекинуться на многострадальную землю киянцев? Напряжённые пальцы медленно разжались, и стрела упала к его ногам. Нет, он не может начать своё пребывание на этой земле с убийства. Аделон забросил лук за спину, поднял стрелу, отправил её обратно в колчан и, сорвавшись с места, бросился на незнакомца, надеясь противопоставить мощи врага скорость и внезапность.

Налетев на думана сзади, он обхватил его шею правой рукой и начал душить в расчёте на то, что от неожиданности тот ослабит хватку и выпустит свою несчастную жертву. Но вопреки ожиданиям, застигнутый врасплох противник лишь заревел от боли – Аделон задел рану в его плече – и продолжая левой рукой удерживать несчастную, правой ладонью обхватил руку киянца и сжал так, что тот перестал ощущать свои пальцы. Тогда Аделон повис на кадасе, обхватив его ногами вокруг пояса, и заколотил пятками по его необъятному животу с таким остервенением, что у того на мгновение потемнело в глазах. Надо ли говорить, что это был не кто иной, как Разон, волочивший домой свою каталу, и эта невесть откуда взявшаяся, прилипчивая козявка начинала его не на шутку бесить. Искося взглянув на Зеду и убедившись в её беспомощности, а значит, и в неспособности убежать, для большей уверенности он изо всех сил швырнул её оземь. Освободив таким образом левую руку, он ухватил обидчика за ногу и с тупой яростью начал её выворачивать.

Но Разон ошибся, полагая, что лишил Зеду сил сопротивляться. Таяна не понимала, кто этот странный думан, что так неожиданно пришёл ей на помощь, но зато прекрасно понимала, что если она ему сейчас не поможет, то ей уже не поможет никто.

Из разбитого носа текла кровь, кожа головы пылала от боли, глаза застилали слёзы, и слабый свет луны едва пробивался сквозь их завесу, но руки иступлённо шарили по земле и траве и, наконец, нащупали то, что искал то и дело ускользящий от неё разум – камень, большой и острый. Она судорожно сжала его в ладони, шатаясь, встала на ноги и подошла вплотную к Разону, который, ещё мгновение, и вывернул бы Аделону колено. Плохо различая мир перед собой и боясь попасть в незнакомца вместо бывшего хозяина, Зеда мгновение стояла в замешательстве, не зная, что делать. Но тут силы начали предательски покидать её. Таяна резко опустилась на колени и только тут увидела, что незнакомец буквально сидит на спине Разона, и всё, что находится ниже, свободно для удара. Она резко мотнула головой, не давая себе лишиться чувств, и изо всех сил всадила остриё камня Разону пониже спины. Тот резко дёрнулся и разразился звериным рычанием. Удивительно, но это рычание отрезвило сознание Зеды, и она нанесла новый удар, а потом ненависть накрыла её с головой, и она впала в такое остервенение, что удары посыпались один за другим, словно зёрна из раскрывшегося, спелого стручка гороха.

Такого не смог снести даже толстокожий Разон. Он выпустил Аделона и схватил бы Зеду за руку, если бы освобождённый киянец вмиг не соскочил с его спины на землю и, подхватив таяну, не бросился прочь с поражающей воображение скоростью.

Тяжело развернувшись всем корпусом, поскольку двигать шеей было невыносимо больно, Разон увидел лишь мрак ночи и услышал слабое шуршание потревоженной травы вдали от тропы.

Глава 28

Приходя в сознание

Некоторое время сознание отказывалось служить Зеде – оно было затуманено слишком сильными переживаниями. Но постепенно тряска, которую испытывало её тело, прояснила голову. Едва придя в сознание и поняв, что её снова куда-то тащут, таяна обезумела от ужаса.

Она начала отчаянно визжать, иступлённо колотя руками и ногами уносившего её невесть куда незнакомца. Ошарашенный Аделон резко остановился и опустил брыкающуюся ношу на землю. Только сейчас в неярком свете луны он заметил на спине у девушки что-то переливающееся, и не веря своим глазам недоумённо уставился на это. Тут же в памяти всплыли вздорные крылатые девы, что так позабавили его по дороге в эти неизвестные земли. Видимо, эта незнакомка была из их племени – то, что так ярко переливалось в лунном свете, когда-то было двумя красивыми, перламутровыми крыльями. Аделона охватил гнев на тех, кто так безжалостно изуродовал это прелестное творение природы. Он присел на корточки рядом с ней и начал успокаивать, говоря любые, приходившие ему на ум слова утешения. Он и не догадывался, что неожиданную истерику Зеда вызвало страшное воспоминание о том, как её уже однажды несли вот так на руках прочь из Западного сада. Мысль о том, что неизвестный вновь уносит её, теперь уже от друзей, лишила Зеду способности здраво мыслить. Она продолжала отбиваться от Аделона и выкрикивать одно и то же слово, и словом этим было имя киянца, ставшего для неё воплощением мужественности и доброты.

- Ленвел! Ленвел! – иступлённо звала она своего сильного, верного друга.

Поняв, что таяну ему не успокоить, Аделон мрачно подумал о том, что не так уж далеко они успели уйти от оставшегося на дороге свирепого думана. Он вполне мог их услышать. Правда, вряд ли для опасений были серьёзные основания – они оставили его в столь плачевном состоянии, что едва ли он сможет преследовать их. Тогда, бросив всякие попытки вразумить несчастную незнакомку, он растянулся на земле рядом с ней – ему тоже была необходима хоть какая-нибудь передышка. Ему даже удалось немного расслабиться несмотря на то, что таяна без устали продолжала выкрикивать одно и то же слово, разрывая густую тишину ночи. И тут Аделон неожиданно осознал, что слово, которое так настойчиво выкрикивала его спутница, ему почему-то очень знакомо. Прислушавшись ещё внимательнее, он, наконец, понял, что это слегка искажённое, но вполне узнаваемое имя – имя того самого киянца, которого он когда-то так хотел разыскать, чтобы отомстить за мучения своего друга Ластана.

- Откуда ты знаешь Ленвела? – гаркнул он, чтобы перекричать Зеду. От неожиданности та вдруг замолчала. Тогда Аделон вновь задал свой вопрос, тщательно выговаривая слова, как будто это могло как-то упростить ей понимание незнакомого языка.

- Откуда ... ты... - здесь он указал рукой на таяну, - знаешь Лен-ве-ла?

Странное дело – незнакомка вдруг изумлённо уставилась на него, а ещё через мгновение произнесла на исковерканном, но всё же понятном киянском.

-Ты киянец?

От удивления у Аделона вытянулось лицо, и, только придя в себя, он утвердительно кивнул.

- Ленвел тоже киянец. Он мой лучший друг. Он спас меня ... и Лиль ... - тут она запнулась и с прежним страхом взглянула на Аделона.

- Меня не надо бояться. Я прибежал на твой плач и не причиню тебе вреда. Я знаю Ленвела, и он, возможно, помнит меня.

- Знаешь Ленвела? – в глазах Зеда мелькнуло облегчение. – Ленвел знает тебя?

- Если не забыл, конечно, - пожал плечами Аделон. – А как зовут тебя?

- Зеда, а ты ...?

- Аделон. Ну вот и познакомились, - улыбнулся киянец. – А где Ленвел?

- Не знаю. Они пропали вдвоём с Лиль.

- Лиль, она тоже таяна? – догадался Аделон.

- Да, - тут Зеда вздрогнула, как будто вспомнила что-то очень важное.

- Кастид! – воскликнула она. – Он лежит возле дома! Ему нужна помощь!

Она попыталась резко встать, но у неё тут же закружилась голова, и она вновь опустилась на землю.

- Я понесу тебя, - твёрдо сказал Аделон, - не возражаешь? – и он снова улыбнулся.

Эта трогательная, извиняющаяся и такая тёплая улыбка растопила в душе Зеда остатки недоверия. Она улыбнулась в ответ:

- Разве есть какой-то другой выход?

Аделон вновь легко подхватил таяну на руки, и они двинулись в направлении, которое она указала.

Исхоженная тропа позволяла Аделону двигаться достаточно быстро, и очень скоро они различили силуэт думана, лежащего на земле в паре сотен шагов от дома, а неподалёку ещё два тела покрупнее. Узнав в поверженном, лежащем без всяких признаков жизни Ленвела, Зеда закрыла лицо руками и горько зарыдала.

- Извини, - Аделон осторожно опустил её на низкорослую траву возле дороги. Затем он нагнулся над думаном – в призрачном свете луны его черты были едва различимы.

- Кто это? – спросил он у Зеды.

- Ленвел, - всхлипывая и размазывая смешанные с пылью слёзы по лицу, ответила та.

- А эти? – Аделон указал на два громоздких тела поодаль.

- Сыновья Разона, - и таяна мотнула головой в направлении, где они оставили старшего кадаса.

Аделон взгляделся в лицо того, кто когда-то возбуждал в нём сильнейшую ненависть, но не нашёл и следа от былых недобрых чувств. Судя по всему, новая жизнь беглого воина оказалась не намного слаще той, от которой он бежал.

Аделон приподнял голову киянца и провёл ладонью по лицу, шее и затылку, готовясь ощутить кожей знакомую, отвратительную липкость крови. Но крови нигде не было.

- Он оглушён, - сказал Аделон сам себе, - сюда бы воды.

- Вода в доме, - услышав бормотание незнакомца, вскинулась Зеда и рванулась с земли, чтобы встать. Резким движением руки Аделон остановил её:

- Тебе нельзя вставать. Я сам.

Прежде чем направиться к дому, одного за другим он оттащил кадасов с дороги поглубже в траву.

Дойдя до дома, киянец увидел распахнутую, изрубленную топором дверь и понял, что подоспел лишь к самому концу ночного преступления.

«И всё-таки я успел», - усмехнулся он про себя и в тот же миг услышал тихий стон, доносившийся из-за изуродованной двери слева от входа. Забыв, зачем пришёл, Аделон бросился на звук. Чуть в стороне от двери в высокой траве лежал ещё один думан, судя по росту, киянец. Он тяжело ворочался, пытаясь подняться.

- Не бойся, я друг, - тихо сказал Аделон, встав на колени и правой рукой помогая тому удержаться в полусидячем положении. Тот с трудом разлепил глаза. От границы волос по желобку поперёк лба и дальше по носу потекла струйка крови.

- Кто ты? – тяжело дыша, спросил раненый.

- Аделон, - ответил тот, - а ты, очевидно, брат Ленвела?

Думан вздрогнул и, явно преодолевая боль, поднял глаза и уставился на незнакомца мутным взглядом. Предваряя его вопросы, Аделон быстро заговорил:

- Я знаю вас обоих, потому что мой отряд гнался за вами, чтобы схватить и доставить в лагерь для показательной расправы. Но судьба, а вернее Ластан, распорядились иначе. Он обманул нас всех, и вам удалось бежать.

Пока его соплеменник напоминал ему о давних событиях, Кастид, а это был именно он, незаметно шарил в траве правой рукой, оказавшейся вне поля зрения склонившегося над ним

думана. Нашупав то, что искал, он вскинулся всем телом и, если бы Аделон вовремя не отпрянул назад, всадил бы ему в грудь каменный нож.

Резким ударом ребра ладони нож был выбит из ослабевшей руки Кастида.

- Полегче, ты! – гаркнул на него Аделон, - о той истории все давным-давно забыли – были другие дела, поважнее. К тому же, я приплыл сюда один!

- Приплыл? – переспросил Кастид.

- Вот именно. Приплыл в судке и готов забрать вас всех из этой чудо-страны, если, конечно, - тут Аделон усмехнулся, - вы не из тех горячих голов, для которых такие ночные разборки являются чем-то вроде полёта на стрекозе или катания на шее у змеи, или другого подобного развлечения со скуки. Правда, в этом случае я заберу у вас женщин – незачем им зависеть от мужчин в прямом и переносном смысле с проломленной головой.

Кастид, который всё это выслушал молча, теперь вновь зашевелил губами:

- А где ... Ленвел и ... остальные?

- Остальные, это таяны Зеда и Лиль? – уточнил Аделон и, предваряя ненужное волнение раненого, добавил, - Зеда здесь неподалёку отдыхает на траве. Там же, рядом с ней, на дороге лежит Ленвел. Его состояние плачевнее твоего – он пока без сознания. А вот про вторую таяну ничего не могу сказать. Я-то думал, *ты* мне расскажешь, где она.

Было видно, что Кастид напряжённо думает, как будто пытается и не может ухватить за хвосты разбегающиеся в стороны мысли. Наконец, его взгляд немного прояснился, и он прошептал:

- Ленвел и Лиль охотились вместе. Но если Ленвел лежит на дороге, то где-то рядом должна быть и Лиль.

- Нет, - покачал головой Аделон, - её там нет.

- Может ..., - Кастид снова вскинулся, - это Разон?

В отчаянии он запустил пятерню в свои густые волосы и потянул их с такой силой, как будто хотел вырвать с корнем.

- Нет, это не Разон, - спокойно сказал Аделон, - если, конечно, Разон – это тот здоровенный кадас, который тащил Зеду прочь от вашего дома.

- Тогда, где же ... - но Кастид не договорил, потому что они услышали неясные стоны со стороны дороги.

- Тсс, - шикнул на него Аделон и, опустив раненого киянца на землю, неслышно пополз сквозь заросли травы и вскоре очутился возле сыновей Разона. Он затаился в траве и стал наблюдать:

Два неповоротливых молодца, кряхтя и потирая ушибленные места, тяжело поднимались с земли. Встав на шатающиеся ноги, они с трудом огляделись, и один, тупо глядя на другого, спросил:

- Ге батян?

- Не уману, - ответил второй.

Несмотря на напряжённость момента и сумбур мыслей в голове, уже во второй раз за последние два дня Аделон поразился тому, что язык и этих чужаков, пусть и отдалённо, но напоминает киянский. В деревнях его племени отцов часто называли «батя», а выражение «не уману», видимо, означало что-то вроде «ума не приложу».

Эти двое явно не имели намерения разыскивать ни Зеду, ни Ленвела. Однако, если они сейчас выйдут на дорогу, то просто наткнутся на последнего, и вполне могут заметить таяну, сидящую неподалёку. Этого нельзя было допустить. И тогда Аделон сложил ладони вокруг рта и издал такое натуральное змеиное шипение, что мгновение назад едва волочившие ноги кадасы сорвались с места и с воплями вперемешку со стонами бросились вперёд, не глядя себе под ноги, не говоря уже о том, чтобы смотреть по сторонам. Они промчались мимо Ленвела и Зеды, как будто земля горела у них под ногами. Испугавшаяся было таяна

проводила изумлённым взглядом их трясущиеся от жира и страха тела и только тут осознала, что уже светает, и, похоже, все ужасы прошедшей ночи наконец позади.

Однако Аделон так вовсе не думал. Тот раненый кадас, которого Зеда называла Разоном, вполне мог за это время добраться до деревни и позвать на подмогу. При свете дня разыскать его и троих, а если им повезёт найти Лиль, и четверых раненых будет совсем несложно. Надо было действовать как можно быстрее.

- Зеда, - позвал он, подбежав к таяне настолько близко, чтобы не надо было кричать, – я там нашёл Кастида. Он почти в порядке. Сейчас мы принесём воды, даст удача, приведём Ленвела в чувства, и надо убраться отсюда.

Сказав это, чтобы успокоить таяну, Аделон бросился обратно к дому. В тусклом свете рождающегося дня Кастид выглядел весьма плачевно. Всё его лицо и одежда были перепачканы кровью, а белки глаз покрыты паутиной кровоизлияний.

- Сможешь идти сам? – бросил Аделон, скрываясь в доме в поисках хоть какого-нибудь сосуда с водой. Увидев киянскую походную флягу, он не мог обрадоваться больше – нести её будет куда удобнее, чем любой кувшин или горшок.

Когда перекинув бечёвку, на которой висела наполненная водой фляга, он в два шага пересёк помещение, в дверях, пошатываясь, появился Кастид.

- Смогу, - сказал он так твёрдо, как только позволяли силы.

- У вас ещё есть фляги? – спросил Аделон, оглядывая стены.

- Нет, это та, что была у Ленвела, когда он бежал со мной на руках из войска.

- Ясно, - кивнул Аделон, - пошли, - и он рванул к месту, где оставил Ленвела и Зеду. За ним, тут же отстав, но всё же уверенно продвигаясь вперёд, пошёл Кастид.

Ленвел лежал всё в той же позе и, по словам Зеда, ни разу не подал признаков жизни.

- Чтоб я увяз в меду! – выругался Аделон. – Мы приведём его в чувства.

Он открыл флягу и, приподняв киянца, поднёс к его губам.

- Кастид, разожми ему челюсти, - приказал он.

Прохладная влага потекла по пересохшим губам и рту, и дальше в горло. Ленвел вдруг судорожно вздохнул, и тут же подавившись, зашёлся кашлем.

- Скажи что-нибудь брату, – Аделон сверкнул глазами на Кастида, стоявшего рядом на коленях в полном замешательстве. Тот наклонился над братом и позвал:

- Ленвел, посмотри на меня!

Ленвел с видимым трудом разлепил веки, и его мутный, невидящий взгляд ещё некоторое время не мог сфокусироваться на лице Кастида.

- Кастид, - наконец, пробормотал он хрипло, - что случилось?

- Всё в порядке, - улыбнулся Кастид. – Ты не поверишь, но ...

Аделон резко дёрнул его за плечо и, приложив указательный палец к губам, отрицательно покачал головой:

- Рано, - произнёс он одними губами.

- Где Зеда? – с большим трудом проговорил Ленвел.

- Здесь, - снова улыбнулся Кастид. Он просунул руку под спину брата и приподнял его ровно настолько, чтобы тот мог видеть сидящую на траве Зеду. Та слабо улыбнулась Ленвелу.

- Ей здорово досталось, - сказал Кастид, - но серьёзных повреждений нет, просто слабость.

При виде Зеда Ленвел мгновенно воспрял духом и сделал резкое движение, чтобы сесть. Но всё вокруг тут же поплыло и завертелось, словно в водяной воронке, и, если бы не Кастид, который немедленно уложил его обратно на землю, вновь утонуло бы сознание Ленвела на дно.

- Тебе нельзя вставать, - строго сказал Кастид и вопросительно оглянулся на Аделона, сидевшего на корточках за спиной брата. Тот молча кивнул.

- Брат, ты помнишь, как мы убегали от отряда киянцев?

Ленвел напряжённо посмотрел на Кастида:

- Почему ты спрашиваешь?
- Ты помнишь Ластана, который тогда нам помог?
- Конечно, он тогда спас нам жизнь, - Ленвел недоумённо смотрел на брата, не понимая, к чему тот клонит.

- А ты помнишь вождя того отряда?

Киянец на некоторое время задумался, а потом взгляд его прояснился:

- Ещё бы, - он отвёл глаза, и взор его устремился куда-то за лес, - славный Аделон. Хоть я и встречался с ним пару раз, но знал о его подвигах только понаслышке – в отряде рассказывали. Но будь уверен, если бы Ластан не помог нам тогда его перехитрить, нас бы уже не было в живых, - он с трудом перевёл взгляд обратно на Кастида, - Ты что, братец, никак оплакивал меня и вспоминал самые яркие события из нашей бедовой жизни?

Кастид расплылся в улыбке:

- Вот и славно. Раз ты шутишь, значит, мы прорвёмся.
- Так всё же, причём здесь Аделон?
- И здесь, и причём, - Кастид многозначительно кивнул. Взгляд Ленвела, наконец, сосредоточился на брате, на его измазанном кровью лице и кровоподтёках.
- Кому-то из нас Разон точно вышиб мозги. Вот только не пойму, кому? – сказал он задумчиво, и в этот момент откуда-то сверху, словно глас с небес, прозвучало:
- Могли ли вы подумать, что встретите своего гонителя на чужбине и в такой, прямо скажем, невесёлый час? Мог ли я подумать, что наши соседи настолько гостеприимны, что устроят вам такой сногшибательный приём? Мог ли кто-нибудь из нас подумать, что прекрасные крылатые девы существуют не только в сказочном мире легенд наших предков, но и наяву, и что ничто думанское им не чуждо?

Ленвел ошалело уставился вверх и на фоне голубого неба увидел думана, сидящего на листе придорожного чертополоха. Он вгляделся в его лицо ...

- Забодай меня гусеница! Аделон! – он даже присвистнул от удивления. - Надеюсь, не по наши души? Иначе зачем бы тебе забираться на цветок?
- А это на всякий случай. А то твой братец недавно чуть не убил меня при схожих обстоятельствах. Решил, что я с тех пор бегая за вами и наконец догнал.
- Какими судьбами ты здесь?
- Да просто шёл мимо. Дай, думаю, загляну к кадам – как они живут поживают?
- А где твоя правая рука – Ластан? - вспомнил Ленвел о своём спасителе.

Аделон заглянул ему в глаза и, отбросив последние сомнения, сказал:

- Погиб, когда ходил в разведку.

Ленвел судорожно сглотнул, а во взгляде ясно читался вопрос «Почему он?», но вслух киянец ничего не сказал.

Аделон тем временем легко прыгнул вниз:

- Я бы тоже повалялся на траве, да только нам всем нужно срочно убираться отсюда. Ваш головобой Разон может в любой момент вернуться с подкреплением.
- Это вряд ли, - покачал головой Ленвел, - кадасы очень разобщены – им друг до друга нет дела. Впрочем, по словам Зеда, Разон богат, и если он посулит кому-то солидную награду, всё может быть.

Аделон, между тем, присел рядом на траву:

- Вопрос только в том, сможете ли вы оба передвигаться самостоятельно. Идти нам довольно далеко.
- Сможем, - отрезал Ленвел и тут же начал вставать. Аделон протянул ему руку, и тот благодарно оперся на неё. Поднявшись, раненый киянец обернулся к Зеде:
- Я понесу тебя, - сказал он.
- Нет уж, - возразил Аделон, - её понесу я. У нас нет времени на самопожертвование.

С этими словами он легко подхватил таяну на руки.

- Кто-то из вас имеет хоть малейшее представление о том, где может быть ваша подруга? – спросил он. Ленвел ударил себя ладонью по лбу.

- О Небо! Лиль! Я же оставил её где-то между садами и домом. Ей тоже нужна помощь, если, конечно, она ... - тут он осёкся и быстро добавил, - Идёмте в направлении реки.

- Отлично, - улыбнулся Аделон, - именно в том направлении нам и надо идти, – и тут же широкими шагами он двинулся вперёд. Ленвел и Кастид сразу здорово отстали, но постепенно туман в головах рассеивался, исчезала ватность в ногах, и вскоре братья уже догоняли Аделона, который, крепко держа Зеду, словно вожак стаи, шёл вперёди, невзирая на бессонную ночь и усталость.

Глава 29

Все в сборе

Лиль лежала на том же самом месте, где на пороге ночи её оставил Ленвел. Аделон первым увидел её безжизненное тело бледно-зелёного цвета. Киянец ещё сильнее ускорил шаг, перейдя почти на бег. Не понимая, что происходит, Зеда тревожно посмотрела вперёд и, увидев мертвенно-бледную Лиль, вскрикнула от ужаса. Но тут раздался тихий стон, в тот же миг развеявший все дурные предчувствия. Аделон осторожно усадил Зеду на траву и бросился к её подруге. Он упал рядом с той на колени и начал внимательно её осматривать. Он тут же увидел обрубки стрекозиных когтей, намертво засевших меж рёбер таяны. Именно они, закупорив раны, спасли её от кровопотери и сохранили жизнь.

Тем временем к нему подоспели Ленвел и Кастид.

- Кастид, пойдёшь со мной, - бросил Аделон через плечо, - Ленвел, остаёшься с таянами. Если что не так, помнишь наши позывные?

- Не успел забыть, - усмехнулся тот. – Щёлканье коноплянки, если услышу посторонние звуки, и её же пересвист, если нам угрожает опасность. Могу и соловьём залиться, если тебе надо время от времени знать, что с нами всё в порядке.

- Покажи, - приказал Аделон.

Ленвел улыбнулся, приложил закруглённые ладони к губам и защёлкал, как заправский соловей. И только обученные этой сигнальной азбуке киянцы безошибочно отличили бы этот звук от того, что рождался в горле настоящего соловья, точно так же, как никогда бы не спутали подражание коноплянке с песней настоящей жительницы лесных окраин. Именно её пение, столь богатое разнообразием, переходами, переливами и пощёлкиваниями, было когда-то избрано их далёкими предками для общения в лесу на большом расстоянии.

- Откуда здесь соловьи? – обернулась лежавшая поодаль на траве и не слышавшая их разговора Зеда.

- Этот слегка потрёпанный соловей, - откликнулся Аделон, - теперь будет охранять вас обеих, пока двое других не вернутся из леса с просмолёнными лоскутами. Но сперва нам придётся укоротить нашу одежду, - с этими словами он взялся за подол своей рубахи и оторвал широкий лоскут по всей окружности. Увидев немой вопрос в испуганных глазах Зеды, киянец усмехнулся:

- Дев попрошу не беспокоиться – надеюсь обойтись мужскими лохмотьями.

Ленвел и Кастид последовали его примеру, и вскоре Аделон держал в руках три будущих повязки на тело Лиль.

- А теперь на поиски чего-нибудь хвойного: сосны или ели, - и махнув рукой Кастиду, он тут же рванул сквозь гущу травы мимо холмов к реке, где на её глади одиноко покачивался судок,

оставленный здесь прошлой ночью: чтобы добраться до хвойных деревьев, надо было переплыть на другой берег, где для киянцев заканчивался, а для кадасов начинался лес.

Как только они скрылись из виду, Ленвел тяжело поднялся, подошёл к Зеде, встал на колени и взял её хрупкое тело на руки. Поняв, что встать с колен не хватит сил, в том же положении он стал медленно продвигаться к лежавшей неподалёку Лиль. Зеда заглянула ему в глаза и прочитала там столько нежности, что зарделась. Сейчас это бросалось в глаза на её светло-зелёном лице. Будто почувствовав это, она отвела взгляд и так и не произнесла ни слова за весь трудный для киянца путь.

Добравшись наконец до другой таяны, Ленвел осторожно посадил Зеду рядом с ней, так чтобы спина и голова её опирались на толстый стебель дикой мальвы. В таком положении Зеда могла видеть всё, что произрастало, скакало, жужжало и летало вокруг.

- Спасибо, - улыбнулась она ему, - так гораздо интересней.

Ленвел снова распрямился и, пробормотав «сейчас», нырнул куда-то за Лиль и вскоре вернулся, лучезарно улыбаясь, словно ребёнок, который вновь обрёл утерянную любимую игрушку.

В первое мгновение Зеда не поверила своим глазам, а потом из них покатались крупные, величиной с капли росы, слёзы, а она и не думала с этим бороться. На траве перед ней лежали огромные, перламутровые крылья стрекозы без единого, хотя бы крохотного, повреждения. И они значили сейчас слишком много, и это «много» просто не могло уместиться в душе благодарной таяны и выходило наружу теми неудержимыми, солёными потоками, что лились и лились из её широко распахнутых глаз. А в глазах этих сияла целая радуга чувств: и надежда на скорую радость полёта; и горечь оттого, что Ленвел и Лиль заплатили такую страшную цену, чтобы подарить ей эту радость; и ужас за жизнь Лиль, которая висит сейчас на волоске; и знание, что, если этот волосок оборвётся, Зеда никогда не сможет принять этот страшный, пусть и сказочно-красивый подарок. А ещё в них светилась любовь: любовь к тому, кто приложил столько усилий, чтобы доставить ей эту радость, к тому, кто сейчас не твёрдо стоял на шатающихся ногах с огромным кровоподтёком в пол головы и так счастливо улыбался ей, как будто это не он, а она только что вдохнула в него новые силы и окрасила будущее во все мыслимые цвета и их оттенки.

И тут что-то изменилось в мироощущении Зеды. То, что было невероятно важным, вдруг предстало таким ничтожным. Слёзы вмиг высохли, и, не отрывая своих глаз от глаз дорогого ей думана, она тихо сказала:

- Я буду счастлива, если смогу летать, но я буду несчастна, если мне когда-нибудь придётся расстаться с тобой.

Ленвел медленно опустил волшебные крылья на землю, закрыл лицо руками и отвернулся – это признание оказалось тем более неожиданным, что он ждал его так давно. Киянец углубился в чашу травы и там опустился на землю. Он был так счастлив, что боялся расплакаться прямо на глазах у Зеды. Посмотрев по сторонам, он увидел своё спасение – нежный розовый цветок на тоненьком, коротком стебельке с яркой жёлтой сердцевинкой. Сорвав его, Ленвел вдохнул чарующий аромат и, запрокинув голову, постоял так некоторое время, не позволяя подкатившей к глазам волне перелиться через край. Пожалуй, впервые с тех пор, как он был несмышлёнышем, киянец испытывал такое душевное единение со смотревшим на него сверху голубым лоскутком неба, такую тихую, всеобъемлющую радость бытия, что, казалось, всё тело вновь наливается жизненными соками и готово сразить любые невзгоды, стоит им возникнуть у него на пути. Нет, у них на пути – теперь их двое. Но подумав так, он тут же вспомнил про остальных, и ему стало стыдно: их пятеро, и он никогда впредь не смеет отделять себя со своим счастьем от думанов, которым обязан жизнью. Ленвел опустил голову, взгляд его снова упал на нежно улыбавшийся ему своим жёлтым глазом цветок, и он поспешил обратно, к ожидавшим его таянам.

Ещё из судка Аделон заметил на другом берегу пихту, стоявшую у самой кромки леса. Это была удача – самое лучшее дерево для сбора живицы – смолы, которой он собирался щедро пролить лоскуты для перевязки ран Лиль. Он помнил, как в детстве мать брала его с собой собирать целебную жидкость, если в семье кто-то захворал или порезался. Живица не раз пригодилась ему и на войне. Он верил, что и теперь она поможет им спасти тяжелораненую Лиль.

Высадившись на противоположном берегу, Аделон бросился к пихте. Обойдя деревце, он нашёл выступавший под корой бугорок и, слава солнцу, тот был невысоко от земли. Киянец проткнул его в нижней части остриём стрелы, а затем, приказав Кастиду давить изо всех сил на выступ сверху, подставил под тягучую янтарную жидкость край первого лоскута. По мере пропитывания, он заворачивал его, не позволяя смоле преждевременно застыть. Щедро намазав и свернув трубочкой оставшиеся два лоскута, он тут же рванул к судку.

Стоило им вновь высадиться на другом берегу, как, взяв свёрнутые самодельные бинты и не сказав Кастиду ни слова, Аделон бросился к ожидавшим их друзьям с такой прытью, что в мгновение ока исчез из виду за кущами зелёной травы.

Когда Кастид доковылял до места стихийного лагеря, Аделон и Ленвел уже вовсю трудились над распростёртым на траве телом Лиль.

- Быстрее! – Аделон рукой приказал ему присоединиться. – Нам нужна ещё одна пара рук: она теряет слишком много крови.

На смятой траве по обе стороны от тела таяны, Кастид увидел два обломка стрекозиных когтей. Лиль сейчас была туго забинтовано под самой грудью, и с обеих сторон ткань намочла от крови, но не протекла насквозь.

- Разматывай второй лоскут, - командовал Аделон, - как только мы на раз, два, три вырвем когти, накрывай раны тканью и туго затягивай – мы приподнимем её. Раз, два, три, - и не дав Кастиду опомниться, Аделон и Ленвел, каждый со своей стороны, ухватились обеими руками за глубоко всаженную промеж рёбер вторую пару когтей и, поминая всех тварей лесных, дружно выдернули их из тела, обнажив две зияющие глубокие раны, которые мгновенно наполнились кровью. Не мешкая, Кастид накрыл тело тканью и через миг уже перехватывал разматываемый конец лоскута у Лиль за спиной. Он туго обмотал тело ещё один раз, а затем завязал узел на груди, под точно таким же чуть повыше.

Ещё одна быстрая операция, и тело Лиль было окончательно высвобождено из цепких стрекозиных объятий. Однако лоскуты, хоть и не пропускали кровь, продолжали ею быстро пропитываться.

- За мной! – крикнул Аделон, срываясь с места, на ходу стягивая с себя рубаху и раздирая её на широкие полоски.

Ещё раз туда и обратно на спасительном судке, и они с Кастидом, у которого неожиданно появились силы и прыть, уже бинтовали Лиль свежепропитанными живицей лоскутами. На этот раз кровь едва проступила, а вскоре бинты и вовсе перестали окрашиваться в красный цвет. Тогда киянцы сели вокруг таяны полукругом и теперь безмолвно смотрели на её лицо, как будто ждали, что вот-вот и Лиль благодарно улыбнётся им. Но чуда не происходило, и Аделон наконец нарушил тишину:

- Сегодня мы ночуем здесь – её нельзя тревожить, - он подложил под голову то, что осталось от его рубахи и тут же захрапел.

- Да уж, - усмехнулся Ленвел, - такого победить может только сон. Не ввали ребята.

Он снял с себя рубаху, укрыл ею Зеду и лёг рядом. Кастид нарвал крупных листьев с цветов и кустарников, укрыл всех как можно тщательнее, а затем и сам погрузился в зелёную массу.

Ночь ещё только натягивала на мир своё чёрное покрывало, а измученные киянцы и таяны уже крепко спали, и если у кого-то и мелькнула мысль о Разоне, его сыновьях и близости деревни, то лишь на мгновение, чтобы тут же уступить место сладкой надежде на то, что всё худшее уже позади, а впереди ... да кто ж знает, что там ждёт, но так хотелось хорошего.

Когда Ленвел открыл глаза, было уже светло. Он тут же посмотрел туда, где вчера перед сном укутывал Зеду – таяна спала тихим, безмятежным сном, разметав руки, как ребёнок.

- Она говорит во сне, - услышал он голос откуда-то слева. Резко развернувшись, он увидел Аделона, который сидел неподалёку у костра.

- А если нас заметят? – ошарашено глядя на языки пламени, спросил Ленвел.

- Уже не заметят, - загадочно ответил костровой.

- Ты давно встал? – подсаживаясь ближе к огню, спросил Ленвел. – Что-то произошло ночью?

- Я не спал, - ответил Аделон, – по крайней мере с тех пор, как совсем стемнело. Она, - он махнул рукой в сторону Зеды, – всё время говорила. Где уж тут спать?

- Странно, никогда не слышал, - пожал плечами Ленвел, - и что она говорила? – он украдкой заглянул в глаза Аделону, но ничего в них не прочитал.

- Зачем же я буду рассказывать, - прищурившись, Аделон глянул в упор на любопытного соплеменника, - мало ли какие глупости, а то и бред может думан сказать во сне.

- Так что же здесь случилось ночью? – оставив попытки выведать тайные помыслы Зеды, спросил Ленвел.

- Приходили сыновья Разона и ещё двое, вооружённые до зубов.

- Почему ты не разбудил нас?

- Зачем? Они приходили убедиться, что мы покинули эти края и, не найдя нас в доме, для пущей верности подожгли его, избавив меня от утомительной процедуры разведения огня. Я просто притащил несколько головней с пепелища, и нам был обеспечен тёплый воздух на всю ночь.

- Они ушли назад?

- Да, тут же. Они даже не пытались нас искать, благо самого Разона с ними не было.

- Что ж, – задумчиво произнёс Ленвел, - обратной дороги у нас и так не было. А теперь, когда дом сожжён, разрублен и последний узел, что связывал нас с этим местом, - он перевёл взгляд на Аделона, - Пора в путь.

- Я тоже так думаю. Ты сможешь нести Зеду?

Ленвел быстро кивнул, судорожно сглотнув, и на мгновение ему показалось, что в глазах Аделона мелькнула лукавая улыбка.

- А мы с Кастидом понесём Лиль, - сказал тот так сурово, что все подозрения Ленвела тут же рассеялись.

Глава 30

Прочь с земли кадасской

Когда солнце приближалось к зениту, вся компания уже вышла к реке. Возле самого берега их дождался судок, невозмутимо покачиваясь на лёгкой ряби.

- Ты думаешь, он нас всех выдержит? – с сомнением спросил Ленвел, которому впервые предстояло путешествовать по воде, да ещё в подобной посудине. Судок казался ему совсем ненадёжным, и он тревожно покосился на Зеду, всерьёз опасаясь за её жизнь.

- Сейчас увидим, - Аделон усмехнулся, - в конце концов, если кому-то не нравится такой способ передвижения, можно бежать рядом по берегу. Главное, сильно не отставать, - и не говоря больше ни слова, давно отработанным приёмом он запрыгнул в судок. – Давайте сюда Зеду и Лиль.

После того как таяны были размещены в судке, настал черёд братьев-киянцев забираться внутрь. Пара неудачных попыток и, сначала Ленвел, а затем Кастид запрыгнули наконец в посудину. С помощью Аделона гребёнка высвободилась из глиняных тисков и, с силой оттолкнувшись от берега, а затем несколько раз от отмели, вывела судок почти на середину реки. Течение тут же захватило его и, не спрашивая согласия, посадило себе на хребет и потащило сначала вдоль травянистых, а потом вдоль лесистых берегов прочь с кадасской земли. И хотя народец, населявший её, оказался не воинственным, он внушал покидавшим его сейчас думанам лишь глубокую неприязнь.

Под тяжестью путешественников судок глубоко просел в воде. К счастью, река была неширокой и пролежала почти по ровной местности с едва заметным уклоном. Это внушало надежду – вряд ли в плавании друзьям встретятся опасные волны. Пусть вода будет доброй, и прибьёт их туда, где они наконец окажутся в безопасности.

Уже несколько дней как Зеда окончательно пришла в себя – к ней вернулись прежние силы и ей даже удалось выпросить разрешение у Аделона поуправлять судком, когда они пару раз причаливали, чтобы пополнить свои быстро скудеющие запасы еды. Тогда в ход шла вторая гребёнка, и они вместе выводили судок на середину реки.

Лиль всё это время не приходила в сознание. Она лежала на днище у самой стенки, и поскольку тот был маловат для пятерых думанов, на ней лежали ею же добытые стрекозиные крылья. Иногда она начинала стонать, и, казалось, вот-вот откроет глаза, но всякий раз эту надежду приходилось отложить на потом. Единственное, что удавалось сделать за эти краткие мгновения возвращения сознания, это влить ей в рот немного воды с тщательно измельчённой ножом земляникой, собранной прежде на берегу. Это нехитрое действие поддерживало в команде веру в то, что выздоровление таяны не за горами, а, возможно, уже за следующим изгибом реки.

Аделон, который никогда прежде не видел таян так близко, то и дело украдкой разглядывал то Лиль, то Зеду. Какими они были удивительными существами! Хрупкие, с изящными, точёными конечностями, удивительно гладкой, но тонкой кожей, которая меняла оттенки в зависимости от цвета окружающей среды. Черты лица мало отличались от киянских, только были утончённее. Глядя на них, Аделон прекрасно понимал Ленвела и Кастиду. Первый был безумно влюблён в Зеду, а второй, похоже, неровно дышал к Лиль. Во всяком случае, он почти неотлучно дежурил подле неё: отирал пот со лба, кормил, когда это удавалось, редко уступая это право Зеде. Аделон никогда бы не признался себе в том, что завидует братьям. И всё же, в часы, когда остальные спали, а он охранял их покой, киянец всё чаще ловил себя на том, что любит таянами. В особенности его трогала Лиль, беспомощность которой будила в нём доселе неведомое чувство – видимо его, думал Аделон, киянцы называли нежностью.

Вот и сейчас все только улеглись, и начинало смеркаться. Глядя на Лиль, он пытался представить её глаза. Интересно, они такие же тёмно-зелёные, как у Зеды? С другой стороны, волосы Лиль были цвета белого клевера, а Зеды – огненно-рыжими, а, значит, и глаза у них могут быть совсем разные. «Ах, если бы голубые!» - вдруг подумалось ему. У киянок глаза были всех оттенков коричневого и зелёного. Но в древних преданиях, населённых крылатыми девами, говорилось, что у некоторых из них глаза были небесно-голубого цвета.

Взгляд Аделона как-то сам собой скользнул по лицу Лиль, и ему показалось, что её глаза открыты. От неожиданности он вздрогнул, покинул свой наблюдательный пост в корме судка и наклонился над таяной. В ускользящем свете он увидел широко распахнутые, синие, как лепестки василька, бездонные глаза. Они глядели на него ничего не понимающим взглядом, словно на него смотрел младенец из далёкого прошлого, когда он ещё жил в деревне и помогал матери ухаживать за младшими братьями и сёстрами.

Взгляд Лиль тем временем изменился – в нём появился страх, а затем ужас. Не в силах оторваться от этих синих глаз, Аделон левой рукой легонько толкнул Зеду, которая тут же проснулась.

- Что случилось? – она резко села на днище судка.

- Лиль пришла в себя, - шепнул Аделон, словно боясь спугнуть этот проникающий ему в самое сердце васильковый взгляд.

Зеда встала, перешагнула растянувшихся вдоль судка Ленвела и Кастиды, и, опустившись на колени, наклонилась над Лиль.

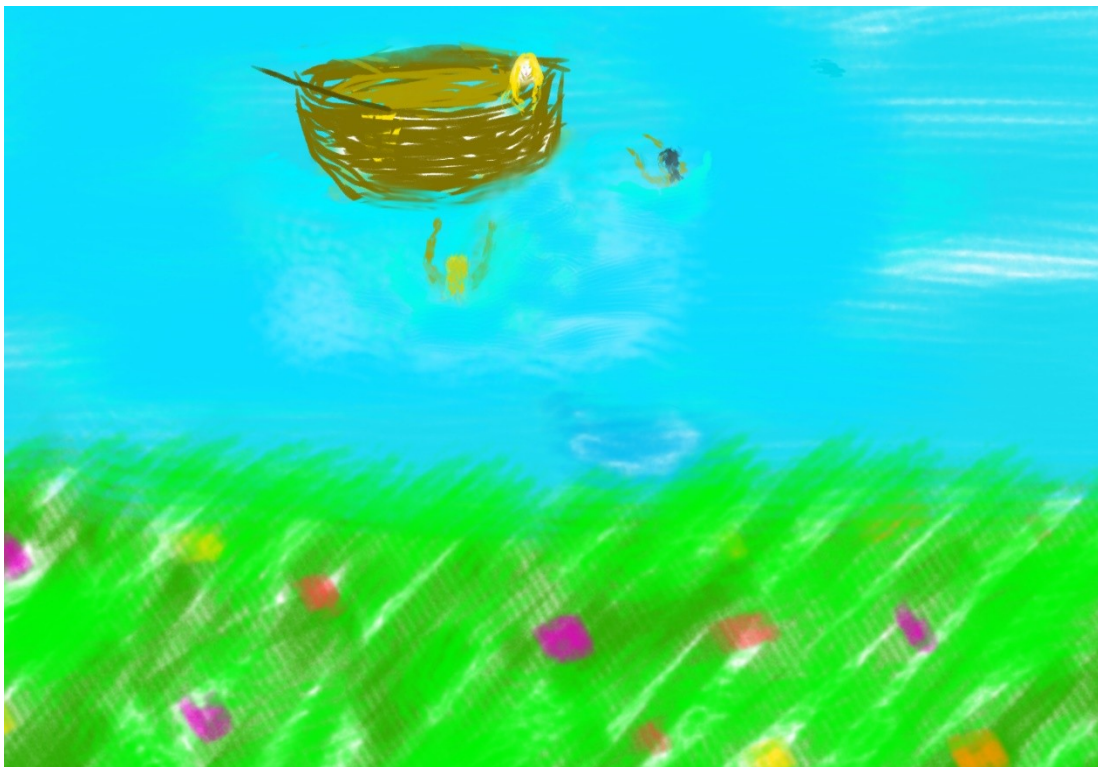
- О небо! – вскрикнула она, - Лиль, милая, как я счастлива!

И если бы не подоспевшая вовремя рука Аделона, Зеда упала бы несчастной подруге на грудь.

- Её нельзя так беспокоить, - отстранил он её. – Будем будить остальных?

- Зеда ... где ... я? – послышался слабый голос, на который тело Аделона неожиданно отозвалось сладкой дрожью.

- Не волнуйся, милая, ты с нами. Здесь и Ленвел, и Кастид. Они спят, - но тут Зеда перехватила всё ещё испуганный взгляд Лиль, направленный мимо неё. – А это Аделон, - поспешила она её успокоить. – Он тоже с нами. Точнее, мы с ним. Это его судок. Он спас нас всех, и сейчас мы плывём по реке. Давно плывём, уже несколько дней. Так что кадасы остались за лесами, за холмами, - а поскольку Лиль продолжала настороженно глядеть теперь уже на них обоих, добавила. – Кадасы нам больше не страшны. Нам ничего больше не страшно. Всё позади, Лиль! Слышишь, сестрёнка, весь тот ужас в прошлом! – и из глаз Зеды, которая, казалось, только сейчас сама осознала, что всё, сказанное ею, правда, брызнули и потекли по щекам слёзы облегчения и счастья.



Ещё несколько дней пути, и река разлилась среди совсем пологих песчаных берегов, за которыми земля была усыпана разновысоким кустарником и полевыми цветами. Природа была столь пестра и разнообразна, что обитатели судка, кроме Лиль, которая пока ещё была слишком слаба, не сговариваясь, встали в полный рост. Прикрыв глаза от поднимающегося над горизонтом солнца, они молча любовались этой дивной красотой. Даже Зеда не привыкла к такому буйству красок – в садах таян преобладали шесть-семь видов цветочных растений, и все они возвышались над землёй, закрывая своими кронами траву. Здесь же, самые разные цветы были разбросаны на приличном расстоянии друг от друга, и их яркие шапки выглядели необычно броско на фоне сочной ярко-зелёной травы.

- Как красиво! – вздохнула она, обернувшись к попутчикам, и, поймав на себе взгляд Ленвел, снова устремила взор за песчаный берег.

- И аромат вполне сносный, - усмехнулся Аделон, радуясь, что маска здесь не понадобится.

- А почему бы нам не высадиться здесь? – предложила Зеда. – Не можем же мы вечно куда-то плыть. Должны же мы когда-нибудь где-то причалить.

Будто бы услышав эти разумные слова, судок резко остановился и в два счёта выбросил троих из стоявших в полный рост за борт. Аделон и Кастид тут же вынырнули и с досадой обнаружили, что вода им по пояс. Тем смешнее был вид барахтающейся и визжащей Зеды, которая оказалась в воде впервые в жизни. От смеха Аделон и Кастид сложились пополам. Они явно наслаждались зрелищем и не торопились его прерывать, а потому на помощь своей возлюбленной с борта прыгнул Ленвел.

Когда его крепкие руки вызволили таяну из воды, отнесли и поставили на берег, она бросила на двух резвившихся в воде киянцев уничтожающий взгляд.

- А давай убежим от них, а? – шепнул ей на ухо Ленвел.

Зелёные глаза Зеды загорелись когда-то свойственным ей озорным блеском, и, взявшись за руки, они в мгновение ока скрылись в высокой траве за кустарниками.

Киянцы так заразительно хохотали и шумно плескались, что Лиль собрала все свои накопившиеся за последние дни силы и, аккуратно сняв с себя и положив рядом крылья

стрекозы, села в судке. Затем, стараясь не обращать внимания на тянущую боль меж рёбер, она встала на колени. То, что открылось её глазам, было за гранью самого буйного воображения: казалось, на берегу были собраны все мыслимые и немыслимые цветы, а трава и листья кустарников переливались на солнце всевозможными оттенками золотого и зелёного.

- Царство волшебства! – заворожённо воскликнула она.

Услышав её голос, Аделон и Кастид разом повернули головы и увидели над бортом судка сказочное создание – хрупкие, почти прозрачные плечи, из которых словно гибкий ствол изысканного деревца поднималась такая же воздушная шея, а ту в свою очередь венчала белокурая головка с синими в пол лица глазами. Эти бездонные глаза с детским восторгом смотрели на расстилавшийся за берегом пейзаж, а из-за спины таяны выглядывали верхушки трепещущих на лёгком ветерке перламутровых крыльев.

Почувствовав, что на неё смотрят, Лиль перевела взгляд на мокрых, возбуждённых игрой киянцев. О, Небо, как же они смотрели на неё! И всё же взгляд Аделона притягивал её много сильнее – от этого взгляда ей стало трудно дышать, и она почувствовала, что краснеет.

Лиль едва успела совладать с собой, когда оба пловца в два гребка оказались возле судка и уже протягивали руки, наперебой предлагая перенести её на берег.

- А можно мне окунуться в воду? – с завистью глядя на их мокрые, посвежевшие тела, спросила она.

- Нет, - покачал головой Аделон, - ты ещё слишком слаба, а вода холодная.

- Вот поправишься, - подхватил Кастид, - и будешь купаться хоть каждый день.

- Если, конечно, это не повредит крыльям, - с сомнением добавил Аделон.

- Если я смогу опереться на крепкую руку, мне ничего не будет страшно, - сказала Лиль и выразительно посмотрела на русоволосого киянца. От неё не ускользнуло, как тут же поник головой Кастид. Но что же делать, если Аделон нравится ей гораздо больше? Она не понимала, как за несколько дней успела так расположиться к этому незнакомцу, но отчего-то он внушал ей бесконечное доверие. Так к чему эти игры? Не будет же она морочить голову обоим, вселяя напрасные надежды в одного и беспричинно мучая другого. Лиль знала, что так часто поступали таяны, когда за ними ухаживали сразу двое, но это всегда казалось ей жестоким и вздорным, да и бессмысленным, к тому же. Ей нравится Аделон, так пусть он знает об этом.

Уверенным движением рук Аделон нежно подхватил Лиль, и через пару дуновений ветерка они уже стояли на берегу. За ними из воды вышел понурый Кастид, а ещё через некоторое время вернулись и беглецы, которые отчаялись ждать, когда друзья заметят их исчезновение и начнут поиски.

Глава 31

Чудесная земля



Едва Аделон и Ленвел вытащили судок на песок, как вся команда отправилась исследовать прибрежные заросли. Беспокоясь о сохранности крыльев, Зеда попросила их взять с собой. Аделон дал Ленвелу запасную верёвку, и тот привязал их к спине.

Несколько шагов вглубь травяных джунглей и путников накрыла волна душистого аромата, порождённого смешением разнообразных благоуханий. В нём улавливались запахи дикой розы, лилии, пиона, акации, сирени и множества других восхитительных цветов. К счастью для киянцев, они не были приторными, они лишь приятно щекотали ноздри, не вызывая приступов удушья.

Мечтая окунуться в восхитительную свежесть хотя бы одного из этой россыпи цветов и предвкушая давно забытые ощущения, Лиль оторвалась от земли. Не поднявшись и на пол стебля, она снова приземлилась и, застыдившись, оглянулась на Зеду. Та конечно же всё заметила, но виду не подала. Нет уж, они полетят к цветам только вдвоём и только тогда, когда крылья стрекозы наконец начнут служить её подруге. А пока Лиль потерпит – ведь ещё совсем недавно она даже не могла себе представить, что когда-нибудь вновь обретёт свободу. Погружённая в свои мысли, она вдруг почувствовала, как крепкие руки привлекают её к себе. - Тебе нельзя пока много ходить, - проговорил Аделон, поднимая её на руки. Встретив её мягкий, благодарный взгляд, он отвёл глаза.

Заросли уводили пятерых путешественников всё дальше и дальше от реки. Казалось, что им нет ни конца, ни края. Надежда встретить здесь думанов уже начала таять, когда вдруг что-то стремительно пронеслось над их головами. Все, как один, задрали головы, но успели увидеть лишь большие перламутровые крылья, которые тут же скрылись за частоколом травы.

Аделон остановился и опустил Лиль на землю.

- Что это было? – шёпотом спросила Зеда.

В этот момент Лиль осторожно заработала крыльями и мгновенно оторвалась от земли. Когда её белокурая головка вынырнула из зелёного океана настолько, что глаза оказались над колышущейся на ветру травой, крылатое существо ещё не успело исчезнуть из виду. Проводив его взглядом, таяна осторожно посмотрела вокруг и, больше не увидев ни души, вернулась к друзьям. Она явно была расстроена.

- Боюсь, нам придётся вернуться в судок и продолжить путь.

- Кто это был? – глядя на подругу широко раскрытыми глазами, спросила Зеда.

- Таянец, – ответила та.

- Таянец? – удивился Кастид.

- Ничего удивительного, – усмехнулся Аделон, – раз существуют таяны, значит, где-то должны быть и таянцы, – он внимательно посмотрел на Лиль, – а вы уверены, что не хотите остаться со своими сородичами?

- Мы не сможем здесь остаться, – замотала головой Зеда. – Когда дети таянцев вырастают, они разлетаются по разным садам, то есть мальчики в один сад, а девочки – в другой. Там они живут, и только раз в год юноши из Восточного сада прилетают в Западный выбирать невест. После этого образовавшиеся пары перелетают в любой семейный сад или поселяются в новом, ещё никем не освоенном. Потом у них появляются дети, они вырастают и в один несчастный день покидают своих родителей, и всё начинается сначала, – грустно закончила она.

- Какие странные у вас традиции, – поражённо заметил Ленвел. – А может новая семья вернуться в родительский сад?

- Нет, только не в родительский, – вздохнула Лиль. – Это считается постыдным: взрослые таянцы должны строить новую семью самостоятельно, а не селиться под боком у родителей в расчёте на их помощь.

- Какие жестокие у вас традиции, – задумчиво произнёс Аделон.

- А с чего вы все взяли, что здесь расположен сад таянцев, а не семейный сад? – разумно заметил Кастид. – мы всё это время плыли на запад, а не на восток.

- Но это нам никак не поможет, – пожала плечами Лиль, – в таком саду могут жить только семейные пары.

- А это значит, что четверо из нас всё же могли бы здесь остаться, если, конечно, таянцы не будут против принять к себе двух киянцев.

Замечание Кастида заставило остальных четверых зардеться, но Лиль быстро подавила своё смущение и сказала, глядя Кастиду в глаза:

- Мы никогда не останемся там, где не сможет остаться хотя бы один из нас.

- Есть другая идея, – лукаво улыбнулся Аделон, глядя на остальных, – мы можем отправиться в сад таян и выбрать там недостающую невесту.

Все заулыбались, и весёлая беседа, наверное, продолжилась бы, если бы не потонула в многоголосии внезапно явившихся звуков: в пришедшем с неба свисте и хлопаньи крыльев и в идущем с земли шуршании раздвигающейся травы. Мгновение недоумения, и пятеро путешественников увидели, что окружены и с земли, и с воздуха. Со всех сторон из травы выходили думаны, а над их головами висел целый рой то ли таянцев, то ли подобных им крылатых существ. Лиль в ужасе схватила Аделона за руку, а Зеда прижалась к Ленвелу.

- Кто вы и откуда? – громким низким голосом заговорил высокий, черноволосый думан, что стоял сейчас напротив пятерых чужаков и хмуро их разглядывал. Язык, на котором он заговорил, и сейчас это едва ли кого-то удивило, лишь слегка отличался от киянского.

Сделав шаг вперёд и заслонив собой Лиль, Аделон взглянул ему прямо в глаза и спокойно ответил:

- Мы киянцы и таяны. Изначально мы из разных мест, но сейчас плывём из страны кадасов в поисках земли, которая бы нас приютила.

- И почему вы решили, что это должна быть наша земля?

- Подожди, Грай, – выступила из-за спины думана молодая женщина с добрыми глазами. – Посмотри, как они измучены. Они нам не опасны. К тому же, их язык почти не отличается от нашего. Давай прежде накормим их и выслушаем.

- Незачем их слушать, – вступил в разговор пожилой думан. – О нашей земле никто не знает, и мы мирно живём уже десятки лет. А они вооружены. Пусть проваливаются туда, откуда пришли, и навсегда забудут сюда дорогу.

- А если они приведут сюда кадасов или ещё какой-нибудь народ? – подлила масла в огонь думана средних лет, с подозрением разглядывая странников. – Может, они отправлены своими племенами на поиски плодородных земель.

- Взгляните на её крылья, - прервал женщину Ленвел, поворачивая Зеду к ней спиной. – Разве она похожа на разведчицу? Да и с каких пор женщин отправляют впереди войска?

Этот довод заставил всех замолчать. Думаны, кто с ужасом, кто с сочувствием, разглядывали то, что осталось от крыльев рыжеволосой таяны.

- Они все ранены, кроме, разве что, самого рослого, светловолосого, - заметил один из толпы. Тут все, наконец, обратили внимание на перевязь на туловище Лиль, запёкшуюся кровь на голове Кастида и не сошедший до конца синяк вокруг левого уха Ленвела, который сейчас представлял собой огромный жёлтый потёк.

В этот момент в траве вновь послышалось шуршание – кто-то ещё, очень медленно двигаясь, подходил к собравшимся. Наконец, зелёная масса расступилась, и из её чрева, еле передвигая ноги и опираясь на палки, вышли двое: он и она. По всей видимости, это была супружеская пара. Оба были совсем дряхлые и шли, поддерживая друг друга. На её спине безжизненно висели истончённые и уже непригодные к полёту крылья, но, когда она обвела всех присутствующих мудрым, всё понимающим взглядом, Ленвел был поражён её необыкновенными зелёными глазами – казалось, они попали на это изборождённое морщинами лицо по какой-то чудовищной ошибке природы. Это были живые, чарующие своим блеском и внутренним светом глаза прекрасной девы. Но почему они были так ему знакомы? Он обернулся и посмотрел на Зеду – прекрасные глаза его возлюбленной тоже были изумрудно-зелёными, но другими. Он вновь перевёл взгляд на старую, иссушенную временем женщину, вновь взгляделся в её глаза и почему-то почувствовал едва уловимый укол совести, как будто с этими глазами было связано что-то стыдное, что-то, что он старался забыть и... забыл.

Следом за стариками из зарослей вышли более молодые, но очень на них похожие думаны, по всей видимости, их дети. Кто-то из них был с крыльями, кто-то без.

Тем временем старец обвёл всю толпу пронизательным взглядом карих киянских глаз. Внешне он почти ничем не отличался от пожилого киянца, разве что своим почтенным возрастом – в киянских деревнях, а уж тем более, в войске никто не доживал до такой глубокой старости. Затем он перевёл глаза на свою зеленоглазую спутницу и ласково, умильно улыбнулся ей.

- Вот видишь, Зеда, к нам прибыли посланцы из внешнего мира. А ты переживала, что уже никогда не узнаешь, как обстоят дела в таянских садах. Видит небо, эти юные девы не так давно оттуда, и ты сможешь скоротать не один вечер за беседами о нынешней жизни твоих сородичей, - он перевёл довольный взгляд на Ленвела, Аделона и Кастида. – Да и я, похоже, получу восточку из киянских лесов, не так ли? – и, пошатываясь, он двинулся в направлении удивлённых путешественников.

- Так вы все киянцы и таяны? – выйдя из оцепенения, спросила Лиль.

- Не совсем так, - улыбнулась зеленоглазая старица.

- Пойдёмте к нам – нам есть что порассказать друг другу, - добродушно усмехнулся старик.

- Почтенные Адмиль и Зеда, не смею сомневаться в мудрости вашего решения, но стоит ли рисковать нашим благополучием ради неизвестно откуда явившихся незнакомцев, - вновь вскинулся Грай.

- Почему же неизвестно? Очень даже известно! Те крылатые девы, - и старица махнула рукой в сторону Лиль и Зеды, - пожаловали к нам из Западных садов ...

- А эти трое молодцев, - подхватил Адмиль, - из киянских лесов, хотя, если мне повезло меньше, может статься, из приречья.

- Нет, мы лесные киянцы, - обрадовал старика Аделон.

Ленвел, который несколько мгновений назад вздрогнул при упоминании имени Адмиль, сделал шаг вперёд и обратился к старцу:

- Когда я был ещё мальчишкой, в нашей деревне жил думан по имени Адмиль. Он утверждал, что его прабабушка была таяной. У него были точно такие же глаза, как у Вашей ...

- Жены? – выражение глаз старика в один миг изменилось: вместо радушной благодати в них пронеслось удивление, которое тут же сменилось тихой печалью.

- Что он говорит? – переспросила не расслышавшая Ленвела, но почувствовавшая перемену в настроении мужа старая думана.

- Пойдёмте в дом. Я думаю, нам лучше присесть, прежде чем ... - и старец вопросительно посмотрел на киянца.

- Ленвел, - представился тот.

- Прежде чем Ленвел расскажет нам о другом Адмиле и его прабабушке.

Он взял под руку свою драгоценную жену, и развернувшись, они засеменили обратно в гущу травы. И всё большое семейство тут же последовало за ними. Вновь прибывшим ничего не оставалось, как отправиться в том же направлении, а следом, возбуждённо обсуждая новости, потянулись и все остальные.

- Значит, у нас есть правнук, - смахивая слезу, покачала головой старая Зеда, когда они все сидели вокруг большого стола в доме стариков и угощались разнообразной едой, что удачно сочетала таянские и киянские кулинарные традиции. – А семья у него есть?

- Не знаю, - соврал Ленвел, - я ведь недолго жил в деревне – ушёл в войско.

- А может, нам ... - и старая думана перевела свои изумрудные, налитые печалью глаза на мужа, что сидел рядом с ней, понутив голову.

- Да что ты, милая, куда уж нам теперь? Разве что внуков отправить в киянские леса?

- Этого делать нельзя, - поспешил предостеречь Ленвел, – это очень опасно – на киянской земле не прекращаются войны: целые деревни стираются с лица земли, их жители либо бегут, чтобы осесть в других, более безопасных местах, либо их угоняют на чужбину.

Адмиль вопросительно посмотрел на Аделона, как будто за тем было последнее слово, и от него зависело, решаться ли на опасное путешествие или нет.

Аделону очень хотелось успокоить стариков, порадовать Адмиля на старости лет, сказав ему, что впервые за долгое время на киянской земле восстановлен мир. Но кто же знает, как надолго? Не окажется ли он хрупким, как скорлупа перепелиного яйца? Кроме того, Ленвел был совершенно прав в том, что деревни, в которой он родился и знал правнука Адмиля и Зеды, может не быть и в помине. Да и кромены ...

- Это на самом деле очень опасно, - наконец, поддержал он Ленвела. – Не стоит рисковать. К тому же, кроме воинственных киянцев, на окраинах лесов в норах живут не менее свирепые кромены, а ещё прежде, любому, кто пробирается в леса, пришлось бы пройти через земли кадасов. Последние, хоть и не воюют, но не отличаются дружелюбием. Кстати, - поспешил он перевести разговор в другое русло, – знает ли Зеда, - и он лукаво посмотрел на старицу, - что среди нас есть её тёзка?

Старая таяна вскинулась, и её глаза заблестели ещё ярче.

- Дай-ка, я угадаю, - засияла она и взглянула на Зеду, а та застенчиво заулыбалась, - и вправду Зеда?

- Да, - ответила юная таяна, - у нас в роду всех старших дочерей всегда так называли. У мамы была старшая сестра, которую тоже звали Зеда.

- Так же как и у нас, киянцев, – тяжело вздохнув, сказал старик. – Именно поэтому моего правнука называли Адмиль,.

- Погоди-ка, - глаза старой Зеды заблестели сильнее, озарившись новой надеждой. – Говоришь, твою тётю звали Зеда? А что-нибудь о бабушке или прабабушке своей знаешь?

- О бабушке знаю немного. Мама рассказывала мне о её скитаниях вместе с дедушкой. В те годы совсем не было дождей, и даже та река, по которой мы сюда приплыли, превратилась в тоненький ручеёк. Цветы в садах начали увядать, и многим таянцам пришлось улетать в дальние края в поисках новых. Кстати, - таяна вновь улыбнулась, - мою бабушку тоже звали Зедой. А вот о прабабушке, увы, ничего не знаю.

- Так-так, - надежда в глазах старицы погасла, – в моё время мы знали всех своих предков до седьмого колена. Теперь, видно, времена не те. Жаль, а то я уж было подумала, что и ты мне приходишься родственницей. Впрочем, - и глаза старушки наполнились какой-то вселенской грустью, - зачем помнить того, кто покинул сады с киянцем, нарушив все законы своих предков. Наверное, это справедливо.

Зеде стало не по себе, и она потупила взор.

- Всё в порядке, - улыбнулась старая таяна, - ты здесь не причём. Пусть мы и не родня, всё равно приятно встретить тёзку, прибывшую с давно покинутой тобой родины. Дай-ка я тебя обниму, - и старица протянула руки к Зеде. Вскочив с места, растроганная таяна бросилась в раскрытые ей объятия и, прильнув к груди старой думаны, вдруг не смогла сдержать чувств и разрыдалась.

- Ну-ну, чего же плакать? – обескуражено приговаривала старица, глядя густую копну рыжих волос. И тут она поймала на себе взгляд Лиль, и её сердце заныло.

- А что же ты стоишь? У меня две руки, а вы такие тонюсенькие, - и добавила, грустно усмехнувшись, – только чур без солёных рек и озёр.

Лиль не заставила себя долго ждать.

- Вот она, большая ошибка наших предков: нельзя безвозвратно выгонять детей из гнезда, обрекая их на одиночество. Родители нужны в любом возрасте. Может, и не надо им жить в соседнем цветке, но уж во всяком случае не дальше соседнего сада. Кто же тебя приласкает и пожалеет, если не родная мать? – она тяжело вздохнула и ещё крепче прижала горестных путешественниц к груди. – И ещё одно плохо: не знают дети своих предков, даже родных бабушек никогда в глаза не видят. А ведь на старости лет это самая большая радость, а может стать, и единственная, иметь возможность видеть своих внуков и правнуков, наблюдать за тем, как они растут, как в них продолжается твоя жизнь.

Старица с мольбой в глазах взглянула на Адмиля, и он всё понял.

- Что ж, молодёжь, - сказал он с расстановкой, - может, хватит путешествовать? Не пора ли где-нибудь осесть? – и, сияя от возложенной на него миссии, продолжил. – Вы даже не представляете, насколько вовремя вы добрались до нас. Завтра на заре состоится церемония благодарения нашей земле. С тех пор как мы с Зедой поселились здесь, на этой плодородной и доброй земле нашли приют те, кто страдал или был гоним у себя на родине, и те, кто устал от войн и несправедливости правителей. Традиционно в этот день мы убираем ручки венками из трав, украшаем стебли цветов и ветки кустарника разноцветной пылью, а таянцы спускаются с цветов на землю, чтобы предоставить свои жилища в полное распоряжение бабочек и пчёл. Ещё, - тут старец загадочно улыбнулся, - к нам приходят, а точнее сказать, приползают гости. Вы кажется упоминали о кроменах?

Аделон чуть не поперхнулся, но совладал с собой.

- Эти удивительные думаны не очень-то похожи на нас с вами. Живут они, как вы знаете, под землёй в норах и в большинстве своём ведут замкнутый образ жизни. Но и среди них нашлись те, кому не по нраву воспитываемая кроменами в своих детях ненависть ко всем чужестранцам, населяющим поверхность земли. К сожалению, их образ жизни не позволяет им жить вместе с нами, однако им до сих пор ничего не мешало присутствовать на наших праздниках.

- Может, среди вас живут и кадасы? – задал Аделон закономерный вопрос.

- Есть такие, - кивнула старая Зеда, - всего две семьи, но никогда не пожалели о том, что когда-то перебрались к нам сюда.

- Удивительно! – воскликнул Кастид. – Кто бы мог подумать, что где-то на земле есть страна, где рады всем без различия?

- А вот тут вы заблуждаетесь, - Адмилль вдруг как-то весь осунулся, и глубокие морщины, шедшие порёк лба от переносицы, сделались ещё глубже. – Мы не принимаем всех, а вернее, не принимаем никого, не разобравшись, что к чему.

- Вы – другое дело, - поспешила успокоить гостей старица, - не каждый день увидишь компанию друзей, состоящую из киянцев и таян.

Адмилль и старая Зеда ещё раз обвели всех приветливыми взорами.

- Они ещё думают! – с деланным возмущением воскликнула старица.

Молчание друзей, ошарашенных последними событиями этого дня и невероятной удачей, которую сулила возможность поселиться всем вместе на этой чудесной земле, среди этих удивительных думанов, нарушил Аделон:

- Я не могу говорить за всех, но мне кажется, ваша страна – мечта любого думана, если у него нет веских причин стремиться домой. У меня таковых нет, потому что ... – и он посмотрел на Лиль долгим говорящим взглядом, - дома меня никто не ждёт, а здесь... есть существо, с которым я бы очень хотел связать свою будущую жизнь.

Лиль зарделась, но глаз не отвела. А старая Зеда перевела умильный взор с Аделона на Лиль и обратно.

- Вот и славно, - сказала она, вся сияя.

В этот момент раздался стук, и, не дожидаясь разрешения войти, кто-то распахнул дверь. Все повернули головы – на пороге стояла молодая девушка, по виду киянка. Она окинула сидевших пристальным взглядом, и её глаза остановились на Ленвеле. И тут они вспыхнули радостью такой силы, что все ощутили её физически. Тем временем она перевела взгляд на Кастида, и её лицо ещё больше преобразилось – его осветила улыбка счастья, а глаза затуманили слёзы. Наконец, она сорвалась с места и с воплем «Родные мои! Оба живые!» бросилась к ошеломлённым братьям.

- Салина? – воскликнул Кастид, сидевший ближе к двери. Он едва успел встать с места, как оказался в объятиях девушки. Сжимая его правой рукой, левую она протянула к Ленвеле, зовя его присоединиться к ним.

Салина долго не отпускала их, попеременно сжимая в объятиях то одного, то другого, целуя и с восторгом разглядывая их возмужавшие лица.

- Это наша сестра, - наконец, объяснил всем улыбающийся от счастья Ленвел.

- Простите меня, - обратилась та к старикам. – Простите, что ворвалась без спросу, и заранее простите за то, что буду просить вашего позволения забрать их домой сейчас же – Сенар ждёт нас. Как услышала, что к нам явились киянцы, сердце ёкнуло, и будто голос какой-то прозвучал в голове – там твои братья. Я только предупредила мужа и сюда. И ...

Тут Салина не смогла больше крепиться и громко разрыдалась. Братья принялись утешать сестру: гладили по голове и говорили ласковые слова. Старая Зеда поймала растерянный взгляд Ленвела поверх головы Салины и кивнула ему.

Взяв сестру под руки с двух сторон и поблагодарив старых думанов за гостеприимство, киянцы вышли из дома.

- Ну что ж, - задумчиво посмотрев на оставшихся троих, произнёс Адмилль. – пора и вам ...

Он не успел договорить, потому что в дом стремительно вернулся Ленвел и, рассеянно всем улыбнувшись, взял за руку Зеду и вывел её за собой.

- Видите, - улыбнулся Аделон, - не только у меня есть веские причины остаться на этой земле, - и он снова, на этот раз осторожнее, взглянул на Лиль. – А у тебя? – обратился он к ней, и было видно, что он одинаково жаждал и боялся услышать её ответ.

- Да что тут говорить, - вмешался в разговор Адмилль, - и без слов ясно, что сердца обеих таян здесь, - и он довольно хихикнул. – Одно – в руках у тебя, а другое – у Ленвела.

Лиль смущённо опустила глаза.

- Вы все остаётесь здесь! – не допускающим возражения тоном заключила старая Зеда. – Вот только отдыхать вам не придётся. Завтра же приступите к постройке жилищ. По нашим законам жениться разрешается, только когда есть дом, куда можно привести молодую.

- А можно прямо сейчас? - сверкнул глазами Аделон. - Вы не представляете с каким удовольствием я наконец начну строить вместо того, чтобы воевать. Пойдём? – и он протянул Лиль руку, а та с готовностью вложила в его грубую ладонь свою маленькую, тоненькую ладошку. Тогда он привлёк её к себе, легко поднял на руки и, прижав тоненькое, нежное тело к груди, бережно понёс из дому.

Когда за ними закрылась дверь, старая Зеда с тихой улыбкой посмотрела на своего мужа и сказала:

- Ради такого стоит нарушать вековые законы.

И теперь уже старый Адмилль привлёк к себе свою жену и, нежно обняв, погладил по голове.

Эпилог

Утро лениво растекалось по влажной от росы зелени травы, кустарников и деревьев. Птицы ещё только просыпались и чистили свои пёрышки. Луч рассеянного света вырвал из сумерек голубую стрекозу. Искушавшись в его тепле и почувствовав прилив энергии, она вобрала своими сферическими глазами быстро меняющуюся вокруг действительность и, сорвавшись с места, полетела сначала над водой, а затем, резко свернув вправо, над благоухающими лугами.

Жившие в цветах и в домах под ними думаны, в это время ещё только просыпались. Но сегодня в поле зрения стрекозы попала группа, которая ни свет, ни заря собралась на небольшом пятачке земли, почему-то обойдённом травой. Они стояли кружком, в центре которого была крылатая думана – огненная копна её волос ярким пятном выделялась на фоне сочной зелени. Они о чём-то наперебой галдели, и этим очень раздосадовали стрекозу, которая для охоты предпочитала тишину.

Поравнявшись с группой, она успела заметить, как рыжеволосое создание оторвалось от земли и взмыло ввысь, едва её не задев. Вёрткая стрекоза вовремя отпрянула и в очередной раз пожалела о том, что думаны слишком крупные и хитрые, чтобы рискнуть охотиться на них.

Уже улетая прочь, она уловила крики бурного восторга и, если бы могла удивляться, была бы поражена кульбитами и пируетами, которые начала выписывать в небе крылатая думана, а вернее, таяна.

Голубая стрекоза затерялась вдали, когда к огнегривой акробатке, присоединились другие, не менее юркие и шумные, и они ещё долго носились по небу под аплодисменты и гиканье стоявших внизу и с восторгом наблюдавших за ними киянцев.

Налетавшись вдоволь, огнегривая таяна спустилась с небес и, бросившись к русоволосому киянцу, расцеловала его на глазах у всех, заливаясь счастливыми слезами.

Позднее все разошлись по домам, три из которых появились на этой земле совсем недавно, а потому выделялись среди прочих свежестью и новизной.

Для многих жизнь на радушной земле шла своим чередом, но для пятерых думанов она только начиналась и обещала быть доброй и счастливой.

